

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
В СФЕРЕ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
И АРХИТЕКТУРЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ
МОДЕЛИ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
МОСКВА, 2017**

ПУТИ
АРХИТЕКТОР:
И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Образование – это то, что остается после того,
как забывается все выученное в школе**

Альберт Эйнштейн

Исследование подготовлено по заказу Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы для отчетной выставки «Открытый город. Образование в сфере городского планирования и архитектуры» (28–29 сентября 2017 года)

ПОД КУРАТОРСТВОМ

Сергей Кузнецова, главного архитектора города Москвы

ПРОГРАММНАЯ ДИРЕКЦИЯ

Citymakers

НАД ПРОЕКТОМ РАБОТАЛИ

Партнеры Citymakers

Андрей Гринев, Петр Кудрявцев

Директор проекта

Мария Пономарева

Менеджер проекта

Софья Першина

Редактор

Дмитрий Бегляров

Дизайнеры

Кирилл Жуков, Андрей Кондаков

Аналитики и авторы

Софья Першина, Мария Скачкова

Корректор

Анастасия Липатова

Координация работы с вузами-участниками

Оксана Надыкто

Информационное сопровождение

Ольга Балмышева

Руководитель проекта со стороны Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы

Ирина Кузнецова, куратор выставочных,

образовательных и издательских программ

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДДЕРЖКУ И СОДЕЙСТВИЕ В ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТА

Правительство Москвы и лично **Сергея Собянина**, мэра Москвы

Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы и лично **Марата Хуснуллина**, заместителя мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства

Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы и лично **Юлиану Княжевскую**, председателя комитета

Управление по связям с общественностью Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы и лично **Андрея Чаплыгина**, специалиста

Музейное объединение «Музей Москвы» и лично **Алину Сапрыкину**, генерального директора

Группу Компаний ПИК и лично **Сергея Гордеева**, президента, и **Алексея Алмазова**, вице-президента по проектированию

А также **Ольгу Алексакову, Александра Асадова, Рубена Аракеляна, Тимура Башкаева, Михаила Бейлина, Анатолия Белова, Эрика Валева, Хинеса Гарридо, Антона Надточия, Даниила Никишина, Марию Николаеву, Сергея Переслегина, Владимира Плоткина, Евгения Райцеса, Нату Татунашвили, Сергея Труханова, Сергея Чобана, Минсук Чо**

Студентов МАРХИ:

Анну Вылегжанину, Анастасию Гаврюшину, Марьяну Крылову, Александра Плутякова, Елизавету Райгородскую

Студентов МИТУ-МАСИ:

Кристину Берестову, Айзааду Быкытбай, Артема Волкова, Екатерину Митину, Александру Шелихову, Анну Янкину

Студентов НИУ «МГСУ»:

Егора Бигдана, Анну Гончаренко, Юлию Качуру, Ольгу Кожухарь

Партнер

МУЗЕЙ МОСКВЫ

Партнер

Программная дирекция

При поддержке

Информационные партнеры

arch:speech

проект
россия/
project
russia

TATLIN

mel.fm

Содержание

Вступительное слово 4

Глава 1

Контекст 8

Введение 10

Предпосылки 11

Цели и задачи 12

Методология 13

Глава 2

Исследование 14

Методы популяризации профессии 16

Инвестиции в образование 27

Студенты и выпускники 36

Эксперты 46

Глава 3

Мнения 76

Глава 4

Манифест 114

«В постиндустриальный период индекс развития человеческого капитала становится одним из важнейших показателей того, на каком качественном уровне развития находится городская среда. Современные города конкурируют за своих жителей и стремятся предоставить передовые возможности для роста и развития каждого из них. Не случайно одним из важнейших показателей при подсчете этого индекса является уровень образования.

4

Современные города нуждаются в высококвалифицированных профессионалах, обладающих навыками высокой адаптации к меняющимся условиям, запросам рынка и общества, и городская среда способна во многом определять личностные и профессиональные качества горожан. С другой стороны, необходимость воспитания профессионалов градостроительного комплекса Москвы, способных реализовывать проекты, которые в корне меняют городскую ткань, а вместе с ней влияют и на образ жизни, – наша первоочередная задача. Именно поэтому мы рады, что инициативы, подобные «Открытому городу», приобретают регулярный характер и вовлекают в диалог широкие массы – профессионалов, представителей вузов, власти и рынка недвижимости, а также всех неравнодушных к устройству современного города».

**Марат
Хуснуллин**

Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы
по вопросам градостроительной политики и строительства

«В современном мире остается все меньше стандартных определений специализации и профессиональной принадлежности. Границы между профессиями стираются. Появляются новые формы взаимодействия между разными дисциплинами и науками. Быстрое развитие городов требует высокой квалификации и личностного роста от своих жителей. В первую очередь от профессионалов, которые создают городскую среду: архитекторов, градостроителей, урбанистов. Они должны идти в ногу со временем и постоянно повышать свое образование. Нужно следить за мировым опытом и ставить перед собой цели, которые отвечают потребностям жителей.

5

Для Москомархитектуры важно, чтобы такие темы выносились на обсуждение. Они могут способствовать качественным изменениям в образовательной, в профессиональной и в городской среде».

**Юлиана
Княжевская**

Председатель Комитета по архитектуре
и градостроительству города Москвы

«В настоящее время, в мире информационных технологий и клипового мышления, ни одна профессия не может существовать, если ее ценность недостаточно артикулирована для общества. Мы регулярно видим статьи «10 профессий, которые исчезнут в ближайшее время», и наша задача – как Москомархитектуры, так и всего профессионального сообщества – своими проектами, своей деятельностью доказать, что профессия архитектора не может исчезнуть, не может быть заменена машинными технологиями.

При этом ни одна профессия не может находиться в стагнации – современное общество и технологии развиваются в геометрической прогрессии, поэтому на архитектора всегда будет возлагаться задача визионера – человека, способного предугадывать темпы и направления развития и своими проектами отвечать на задачи даже не современности, а 5–10–15-летней перспективы.

Как воспитать такого профессионала – преданного профессии, непрерывно стремящегося улучшить свои навыки, расширить знания, узнать больше о городе и людях, его населяющих? Здесь важно понимать, что эту задачу нельзя возлагать на кого-то одного – на вузы, органы исполнительной власти, девелоперов или именитых архитекторов. Эту задачу необходимо возлагать и на горожан: архитектору нужен запрос на проектирование качественной городской среды и понимание важности этого фактора не чиновниками или застройщиками, а обычными людьми, ее будущими пользователями.

В этом году мы в очередной раз проводим конференцию «Открытый город. Образование в сфере городского планирования и архитектуры», чтобы вывести диалог о профессии и воспитании архитектора на новый уровень – каждый раз охватывая все новые и новые вопросы и приближаясь к решению насущных проблем».

**Сергей
Кузнецов**

Главный архитектор города Москвы

Контекст

Введение 10

Предпосылки 11

Цели и задачи 12

Методология 13

10

В условиях современного рынка образование становится услугой, стоимость которой влечет определенные ожидания и результаты. Западный опыт иллюстрирует наглядные модели соотношения затраченных ресурсов на образование (финансовых, временных, интеллектуальных) и последующих карьерных ожиданий, однако для отечественных реалий это соотношение не столь прозрачно. В то же время вопрос целесообразности инвестиций в собственное образование тесно связан с темой непрерывного образования и осознанности профессиональных маневров на пути развития карьеры.

Советская система высшего образования предполагала обязательное распределение, от которого во многом зависела дальнейшая судьба и карьера: самостоятельно выбирать место работы могли только выпускники с красным дипломом. Сейчас же перед выпускником архитектурного вуза открыты самые разные перспективы: попрактиковаться «под крылом» опытного мастера, открыть собственное бюро, получить дополнительное узкоспециализированное образование (магистратура или повышение квалификации), начать научную карьеру или даже перейти в смежные области. Опыт показывает, что выпускники архитектурных специальностей могут быть успешны как в гуманитарных, так и в технических областях знания – кто-то находит себя в журналистике, медиа или искусствоведении, кто-то исследует

новые материалы и создает новаторские конструкции.

В настоящем исследовании мы попытались показать весь спектр возможных карьерных преломлений для молодых архитекторов, чтобы дать возможность абитуриентам, студентам и выпускникам понять все разнообразие профессии и наметить собственный профессиональный путь в зависимости от перспективы и цели.

Глобализация экономики и ускорение интеграционных процессов привели к формированию международного рынка труда и, как следствие, возникновению конкурентной среды между специалистами разных стран. В 2003–2010 годы Россия присоединилась к Болонской конвенции, нацеленной на унификацию высшего профессионального образования в европейских странах. Новые социальные реалии требуют от специалистов не только профессиональной компетентности, но и существенных адаптивных навыков, гибкости ума и широты мышления, постоянного стремления к самосовершенствованию.

В рамках трансформации образовательных концепций и смены парадигмы с «Образование на всю жизнь» на «Образование через всю жизнь» все более актуальным видится вопрос непрерывности профессионального образования и условий, необходимых для реализации этой концепции. Мануэль Кастельс в своей книге «Информационное общество» наделяет специалистов нового типа следующими чертами: «Для таких людей конкретная специализация менее важна, чем способность к адаптации. Это люди самопрограммируемые, умеющие обучаться и самообучаться по мере необходимости». И эти задачи скорее находятся в ведении профессионального воспитания, нежели образования. Но в настоящий момент основная цель образовательных программ

сводится к решению задач «профессионально-деятельностного формирования специалиста вместо комплексного профессионального опосредованного развития его личности»¹.

Проблема непрерывности образования и воспитания специалистов по своей сути не может быть решена исключительно в момент получения профессии – на уровне высшего образования. Эти вопросы должны подниматься раньше, на этапе среднего образования или дополнительного к среднему (когда речь идет о подготовке архитекторов – в художественных школах, архитектурных кружках и прочем). Однако последняя реформа среднего образования, направленная на его унификацию (с повсеместным внедрением ЕГЭ в 2002–2009 годы), привела к отрыву общеобразовательной школы от системы высшего архитектурно-художественного образования. Сложность возникает даже не из-за необходимости прохождения дополнительных творческих испытаний при поступлении в вуз и разной степени подготовки абитуриентов к ним, но из-за отсутствия у учащихся старших классов возможности познакомиться с профессией архитектора и ее спецификой. Это, в свою очередь, поднимает вопрос об осознанности выбора профессии.

Не меньшие трудности вызывает формирование карьерной линии и для студентов вузов.

Существующая академическая парадигма предполагает наличие производственной практики как метода погружения в практическое поле профессии, однако зачастую она длится меньше месяца и вызывает сомнения в своей достаточности и эффективности. Суть архитектурного образования по степени ответственности за общественную и частную безопасность порой сравнивают с подготовкой медицинских сотрудников, но форма погружения в практическую деятельность у этих двух специализаций кардинально различается: ординатура, важный элемент последипломного медицинского образования, в отечественной практике длится не менее двух лет.

Что мешает отечественной системе перейти к модели непрерывного образования? Как повысить осознанность абитуриентов при выборе профессии? Существует ли корреляция между усилиями, затраченными на получение образования, и дальнейшей карьерой? Какие возможности для развития дает профессия архитектора? Исследование, приведенное ниже, ищет ответы на эти и сопутствующие им вопросы.

¹ Вяткина И. И. Моделирование системы профессионального воспитания студентов технического вуза // Вестник Казанского технологического университета, №12, 2010.

Цель исследования – анализ разнообразия карьерных линий в России и за рубежом в сфере архитектуры и городского планирования.

Задачи исследования

- Изучить глубинную мотивацию выбора профессии архитектора, градостроителя или городского планировщика у абитуриентов и студентов первых курсов в России и за рубежом.
- Проанализировать методы популяризации профессии архитектора и градостроителя в России и за рубежом.
- Проанализировать экономические выгоды и издержки инвестирования в основное и дополнительное образование в рассматриваемой сфере.
- Изучить личный опыт ведущих отечественных и зарубежных специалистов.

Исходя из основной цели исследования и поставленных нами задач, мы выбрали качественные методы социологического исследования. Для решения задач исследования важно получить набор качественных данных, которые собираются с помощью интервью с экспертами и «очевидцами», путем анализа зарубежного опыта и фактического анализа текущей ситуации на рынке образования.

1. Качественные методы социологического исследования:

- фокус-группы;
- глубинные экспертные интервью.

2. Контент-анализ:

- бенчмаркинг – анализ зарубежных практик.

3. Экономический анализ:

- сравнение объемов инвестиций в архитектурное образование в России и за рубежом;
- анализ экономических эффектов от инвестиций в образование в России и за рубежом.

Опишем подробнее условия проведения фокус-групп и глубинных экспертных интервью.

Фокус-группы – качественный метод сбора информации, который используется для выявления установок, представлений и глубинных мотиваций определенных социальных групп. Фокус-группы позволяют посредством групповых интервью получить неочевидную на первый взгляд информацию, а также предоставляют широкий спектр мнений об изучаемой проблеме.

Задачей проведения фокус-групп в данном исследовании было выявление представлений абитуриентов и студентов о выбранной образовательной программе и причин, которыми они руководствовались при выборе. Были опрошены две группы респондентов:

- Студенты, окончившие первый курс по специальностям: «архитектура», «дизайн архитектурной среды», «градостроительство», «ландшафтная архитектура», «реконструкция и реставрация архитектурного наследия».
- Выпускники архитектурных вузов, окончившие учебу в институте или продолжившие обучение в рамках магистратуры.

Продолжительность проведенных фокус-групп – 60–90 минут. Они проходили по заранее подготовленному гайду, который разделился на несколько тематических блоков и изменялся в зависимости от опрашиваемых групп.

Для студентов вторых и третьих курсов:

- Вопросы о причинах выбора профессии архитектора.
- Вопросы о подготовке к поступлению в вуз и обучении в вузе.
- Вопросы о дальнейших планах и представлениях о будущей профессии.

Для выпускников архитектурных вузов:

- Вопросы о причинах выбора профессии архитектора.
- Вопросы о подготовке к поступлению в вуз и обучении в вузе.

- Вопросы о первых опытах работы, о трудностях перехода к настоящим проектам, о различии рабочего и учебного опытов.
- Вопросы о дальнейших планах и представлениях о будущей профессии.

Для координации глубинных интервью были составлены опросники-гайды. Каждый из них ориентирован на определенную категорию информантов (практикующие звездные архитекторы, партнеры молодых бюро, представители смежных профессий), однако все гайды составлены по единому принципу и разделены на три блока вопросов:

- Вопросы, раскрывающие причины выбора профессии архитектора.
- Вопросы об опыте обучения в вузе, основных преимуществах и недостатках образовательного процесса.
- Вопросы о первых карьерных достижениях, получении практического опыта и дальнейшем профессиональном развитии.

Полуформализованное интервью предполагает, что некоторые вопросы могут натолкнуть информанта на новые воспоминания и переживания, связанные с объектом исследования, что позволяет собрать больший объем информации или взглянуть на поставленную проблему с другой стороны. Поэтому все вопросы гайда подразумевают развернутые ответы, фокусируя внимание информантов на категориях «Как?», «Каким образом?», «Почему?».

Исследование

Методы популяризации профессии 16

Довузовское образование 17
Подтверждение квалификации 24

Инвестиции в образование 27

Источники финансирования 28
Окупаемость инвестиций 34

Студенты и выпускники 36

Причины выбора профессии 36
Трудности в процессе обучения 40
Магистерские программы 41
Переход к практике 42
Траектории развития карьеры 43

Эксперты 46

Причины выбора профессии 46
Особенности российского архитектурного образования 49
Особенности зарубежного архитектурного образования 54
Переход к практике 58
Создание собственного бюро 60
Новое поколение студентов 66
Критерии отбора работников 68
Саморазвитие и дополнительное образование 72
Престиж профессии 74

Методы популяризации профессии

16

Предметной областью данной части исследования стала мотивация студентов, которые сделали выбор в пользу профессии архитектора. Чем обусловлен их выбор? Какими соображениями они руководствовались? Несмотря на то что методы популяризации профессии архитектора в России довольно слабы, выпускники школ все равно проявляют интерес к профессии и поступают на архитектурные специальности. Откуда берется этот интерес?

Согласно данным исследования Л. С. Гринкруга², в котором изучалась мотивация выбора у абитуриентов отдельных вузов, **40–65% молодых людей отличаются низким уровнем мотивации к получению образования.** У абитуриентов изначально были завышены ожидания от учебы, что часто порождало разочарование в процессе обучения и стремление сменить специальность. Многие первокурсники уходят после первого года обучения, разочаровавшись в сделанном выборе. Кроме того, абитуриенты зачастую не имеют четкой ценностной ориентации и понимания того, для чего им нужно образование и, самое главное, какова их конечная цель. Большинство опрошенных в исследовании Гринкруга первокурсников «не верят» в образование и возможность реализоваться. Из барьеров, которые препятствуют повышению мотивации, в первую очередь можно выделить низкий уровень информированности студентов о преимуществах и недостатках выбранной ими профессиональной области, о специфике будущей деятельности, о карьерных и финансовых перспективах. Такая информация помогает заранее сформировать представление о процессе обучения и снижает риск разочарования.

С точки зрения психологической теории целью любой деятельности является достижение материального либо идеального предмета. **Процесс выбора происходит в три этапа: мотивация, осознание, поведение.** Применительно к академической деятельности мотивы к обучению, которыми руководствуется абитуриент, совершая профессиональный

выбор, можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние – стремление к знаниям, к развитию творческого потенциала и к самореализации. Внешние, социально сконструированные мотивы – стремление стать финансово успешным и независимым с помощью получения престижного образования. Именно внешними мотивами можно объяснить упавшую популярность среди абитуриентов низкооплачиваемых технических специальностей (например, инженер узкой специализации) и высокий спрос на такие направления, как экономика, финансы и юриспруденция.

Профессия архитектора имеет ряд особенностей. Во-первых, архитектурная специальность требует обязательной дополнительной подготовки, в силу того что общее школьное образование не включает предметы, необходимые для поступления в архитектурные вузы. Во-вторых, сообщество архитекторов в России сегодня – относительно закрытая профессиональная группа, вход в которую затруднен для человека извне. Нередко эта профессия передается из поколения в поколение. Растущий в семье архитекторов ребенок получает, как правило, особое эстетическое восприятие мира, а заодно – представление о профессии, ее преимуществах и недостатках.

Архитектурные специальности не слишком популярны среди российских абитуриентов. Выпускники школ плохо представляют, чем на самом деле занимаются архитекторы, каковы возможные карьерные траектории и перспективы. Нехватка формальных методов популяризации и медийного продвижения специальности формирует невысокий уровень информированности общества о профессии архитектора и все больше изолирует профессиональное сообщество. В 2017 году в МАрХИ подали заявления около 700 абитуриентов³, в то время как в Высшей школе экономики на такие направления, как прикладная математика, информатика и вычислительная техника, реклама, подали заявления более 1000 человек⁴. Кроме того, для абитуриентов

2 Гринкруг Л. С. Концептуальный анализ мотивации участников образовательной деятельности вуза // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. № 136, 2010.

3 Списки рекомендованных к зачислению в МАрХИ 2017 года, <http://www.marhi.ru/abiturient/SPISKI>.

4 Отчет по итогам приемной кампании 2016 года от НИУ «Высшая школа экономики», https://ba.hse.ru/data/2016/11/11/1109560132/Отчет_2016_6ак_Савельева.pdf.

из провинции выбор архитектурного образования подразумевает неизбежные издержки мобильности. Ограниченный набор мест довузовской подготовки в регионах и низкая их доступность, недостаток профессиональных педагогов творческого профиля и отсутствие налаженной системы дистанционного довузовского образования – все это формирует барьеры для поступления иногородних абитуриентов.

Довузовское образование

Основной метод популяризации профессии архитектора – довузовское образование. С исторической точки зрения можно выделить две концепции довузовского образования: **пропедевтическую и общекультурную**. Суть концепции пропедевтического образования (или концепции ранней профессионализации) заключается во вхождении в профессию с самых ранних лет в процессе работы с профессионалом. Дети обучаются с практикующим архитектором, проходя поэтапно все стадии проектирования и строительства объекта. В этой концепции **образование воспринимается как способ получения узкоспециализированных навыков для заранее выбранной профессии**. В ученики идут те, кто хочет связать свое будущее с архитектурой или чьи родители желают этого для своего ребенка. Профессия в таком случае становится логичным продолжением и итогом образования.

В отечественной архитектурной сфере пропедевтическая концепция довузовского образования реализуется только в тех немногочисленных школах, лицеях и гимназиях, которые специализируются на подготовке к архитектурным вузам. Из 656 школ Москвы всего 11 имеют художественный профиль, считанные единицы имеют архитектурное направление. Ученики в таких узкоспециализированных школах проходят последовательно несколько этапов пропедевтического образования:

- когнитивный этап – рассказы об архитектуре и профессии архитектора;
- художественно-творческий этап – обучение базовым навыкам живописи, графики, рисунка, скульптуры;
- архитектурно-творческий этап – моделирование, конструирование, макетирование.

С каждым этапом школьник все глубже погружается в профессию, получая узкоспециализированные навыки, необходимые для поступления в вуз. Проекты общеобразовательных школ нового формата, такие как школа «Летово», Хорошевская гимназия и школа № 548 «Царицыно», указывают на то,

что образовательные стандарты могут рассчитывать на развитие творческого потенциала ребенка с самых ранних лет обучения. Новые школы обновляют стандартные образовательные программы, включают исключенные и никогда не включавшиеся в них предметы. Так, например, в школе № 548 планируется открыть архитектурное направление, где ученики помимо черчения и макетирования вручную будут изучать базовые компьютерные программы. Преподавание будут вести выпускники МАрХИ. Такой пропедевтический в своем роде подход помогает детям, которые выбрали для себя путь архитектора, адаптироваться к профессии и подготовиться ко всем подводным камням в выбранной отрасли.

Пропедевтическая концепция доминировала на протяжении всей истории, но в XX веке сдала позиции в связи с внедрением стандартизированной системы академического образования, которое делится на начальное, среднее (среднее специальное) и высшее. Сегодня профессиональный практикующий архитектор редко набирает себе юных подмастерьев для обучения. Теперь дети получают сначала навыки во всех базовых отраслях науки, а затем переходят к изучению более узких специальных дисциплин. Общеобразовательные учреждения, однако, исключили из своих учебных планов базовые навыки, необходимые архитекторам. Основная часть школьной нагрузки распределена между обязательными для поступления в большинство вузов предметами. **Реформа начального и среднего российского образования, начавшаяся в 2001 году, привела к исчезновению черчения как отдельного школьного предмета и объединению его с таким предметом, как технология, на который выделяется лишь один-два часа в неделю; при этом школам дали возможность самостоятельно решать, вводить или исключать черчение в учебные планы, в зависимости от профиля школы и наличия кадров.**

Современные выпускники общеобразовательных школ имеют ограниченное представление о профессии архитектора, следовательно, они в меньшей степени готовы поступать на архитектурные специальности, чем на другие, более знакомые и понятные.

Таким образом, общее довузовское образование ограничивает доступ к архитектурной специализации: сегодня, чтобы получить необходимые для поступления в вуз навыки, абитуриенты вынуждены полагаться на внешкольное образование, тем самым в значительной степени увеличивая себе нагрузку.

Школа № 548 «Царицыно»

Хорошевская прогимназия

Школа «Летово»

Вторая концепция довузовского образования – **общекультурная, которая ставит целью пробуждение творческого начала в ребенке, развитие творческой личности.** В рамках данной концепции архитектурное образование разделяется на три этапа:

- физическое освоение и творение пространства (0–7 лет);
- эстетическое освоение и творение пространства (7–14 лет);
- интеллектуальное освоение и творение пространства (с 14 лет).

Общекультурная концепция реализуется как в специальных детских садах с начальными классами, так и в специальных школах и гимназиях с архитектурой как обязательным предметом. Архитектура как школьный предмет имеет разные типы – **полипредметный и монопредметный.** Полипредметный тип включает в себя изучение различных сфер деятельности архитектора: рисунка, живописи, скульптуры, технологий. Монопредметный тип предполагает выбор узкой сферы деятельности архитектора и получение соответствующих узкоспециализированных навыков – например, в проектировании или технологизировании.

На сегодняшний день можно привести в пример несколько актуальных учреждений, где дети получают довузовское архитектурное образование. Например, Art School for Children (ДШИ «Старт»), которая официально была открыта в 1993 году, а неофициально – немного раньше, с небольшой студии при Союзе архитекторов России. В школе обучаются дети 5–16 лет, по двум основным программам:

- предпрофессиональная – для тех, кто собирается поступать в архитектурные вузы, то есть реализуют пропедевтическую концепцию довузовского архитектурного образования;
- общеэстетическая – общекультурное довузовское образование, детей обучают творить и воспринимать искусство.

Кроме ДШИ «Старт» в Москве есть еще ряд образовательных центров для детей: ДЭЗ №5, ЭДАС под руководством Владислава Кирпичева, архитектурная

школа «ШАР», детский клуб «Кони на балконе», Детская творческая студия Союза московских архитекторов. Основная цель таких учреждений – **развитие пространственного мышления, творческого начала у детей, а также воспитание интереса к культуре, культурному наследию.** Впрочем, в последнее время спрос на образовательные программы, нацеленные на развитие творческого начала, растет и среди взрослых и состоявшихся людей. Популярными становятся короткие воркшопы и креативные лагеря («Камчатка», MOST Creative Club), где участники, поставленные в специальные условия, за пределами ежедневной рутины, учатся создавать нечто новое и необычное для них. В первую очередь участие в таких мероприятиях объясняется осознанной потребностью в развитии и тренировке креативного мышления.

Анализ зарубежной практики показывает, что за границей также распространена практика детских образовательных центров с уклоном в художественную и архитектурную сферу.

Испанский проект Arquitectura para niños («Архитектура для детей») предоставляет ученикам с четвертого класса возможность изучить основы архитектуры и узнать о профессии архитектора. Курс построен так, что ребенок изучает одновременно естествознание, географию, математику, рисунок и английский язык. **Обучение строится в игровом формате: ученики создают и познают пространство вокруг себя.** Дети знакомятся с разными строительными материалами и их характеристиками, узнают особенности построения пространства и учатся критически воспринимать окружающий мир. Обучение разбито на семь условных модулей. Первый – конструирование жилищ или укрытий для животных; второй – создание воображаемого дома из картонной коробки. Третий – знакомство с системами измерения, когда ребенок учится измерять предметы вокруг себя, изучает масштабы и способы расстановки предметов в воображаемой комнате. Четвертый модуль – освоение базового словаря архитектора: ученик, используя новые слова, пишет сочинение на тему «Мой любимый дом». Пятый модуль – практическая часть и выход в поле, где дети

Детская школа искусств «Старт»

Детский творческий лагерь «Камчатка»

учатся сопоставлять объекты на плане с объектами в реальном пространстве. Шестой модуль – анализ преимуществ и недостатков реального объекта и формирование рекомендаций по изменению объекта или его дополнению. Финальный модуль – анализ предложений по трансформации среды, объединение их и дискуссия по окончании проекта. Таким образом, программа помогает детям погрузиться в мир архитектуры и познать азы профессии.

Другой пример – финская школа архитектуры Arkki. Это некоммерческая организация, содействующая развитию архитектурного образования в стране и предлагающая архитектурные и экологические курсы для детей и молодежи. Arkki также разрабатывает учебные программы для школ и музеев, участвует в исследовательских проектах, организует мероприятия и конференции. Около 500 детей, подростков и молодых людей 4–19 лет еженедельно обучаются на ее курсах. Обучение на программе помогает узнать архитектурный мир, осознать влияние и значение архитектуры для человека и воспитать ответственное отношение к окружающей среде. Деятельность Arkki заражает молодых людей желанием участвовать в развитии окружающей среды в будущем – независимо от выбранной ими профессии.

Еще пара примеров зарубежных образовательных организаций, нацеленных на популяризацию архитектурных и творческих профессий, которые стоит упомянуть отдельно:

- интерактивное музейное пространство Kidzu в Северной Каролине, США, созданное в партнерстве группы профессиональных дизайнеров и педагогов с инновационным детским музеем;
- Lego Space Challenge – игровое пространство Lego с возможностью проектирования районов, постройки домов и развития целых городов.

В качестве довузовской подготовки за рубежом распространены программы летних школ, где за непродолжительный срок студенты обучаются фундаментальным навыкам, получают представление о профессии и нащупывают специфику обучения на архитектурных факультетах. Довузовская подготовка также проходит в специальных центрах для абитуриентов, индивидуально с репетиторами и на занятиях при университетах.

Финская школа
архитектуры Arkki

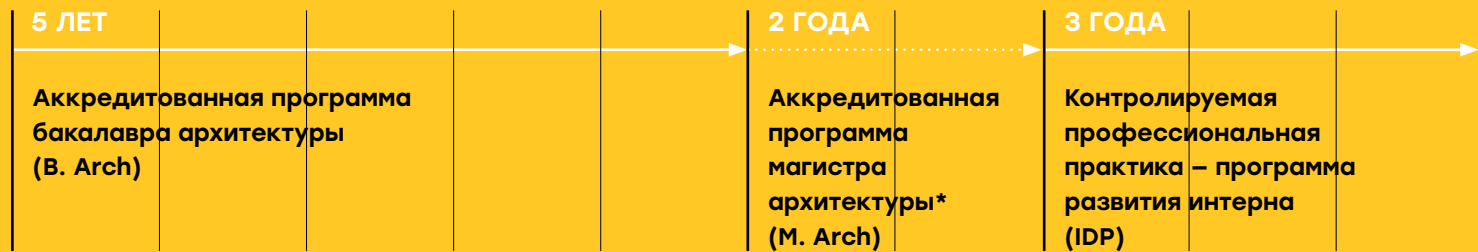

Интерактивное музейное пространство Kidzu

Детский архитектурный клуб «Кони на балконе»

Этапы профессионального образования архитектора в США

Этапы профессионального образования архитектора в РФ

* по выбору студента

Подтверждение квалификации

Зарубежное высшее образование, как правило, построено по той же Болонской системе: бакалавриат (4–5 лет), магистратура (2–3 года), докторантура. Требования к абитуриентам схожи с отечественными: высокие оценки в предшествующей учебе, достойное портфолио и успешно пройденные внутренние экзамены, свои для каждого вуза. Лидирующие позиции в мировых рейтингах вузов с архитектурной специализацией занимают Школа архитектуры Архитектурной ассоциации в Великобритании, Школа архитектуры Колумбийского университета и факультет архитектуры Массачусетского технологического института в США⁵.

Однако лицензирование в профессии архитектора в России и за рубежом устроено по-разному. Наши выпускники, отучившись на архитектурной специальности, не обязаны подтверждать свою квалификацию. В Европе же выпускник должен доказать свою профпригодность, сдав после трех лет практики дополнительный квалификационный экзамен. В США также введено обязательное лицензирование

деятельности архитектора после пяти лет контролируемой практической деятельности. Только прохождение интернатуры дает практическую подготовку, необходимую для получения квалификации специалиста-архитектора.

Рассмотрим более детально специфику архитектурного образования в США.

Первая образовательная ступень – получение степени бакалавра на аккредитованной программе. Далее студенту предоставляется выбор: либо он продолжает обучение, получая степень магистра, либо сразу начинает проходить обязательную стажировку (IDP – Intern Development Program). **Главная задача интернатуры – знакомство с реальной практикой проектирования и ведения проектов**, в то время как бакалавриат – фундаментальное теоретическое академическое образование. Университет изначально не берет на себя задачу погружения студента в практику реального проектирования, так как интернатура является обязательным этапом профессиональной подготовки будущих архитекторов. После прохождения практики студент обязан сдать лицензионный экзамен (Architect Registration Examination – ARE). Это испытание состоит из 567 теоретических

⁵ Top 10 Architecture Schools in Europe, <http://www.arch2o.com/top-10-architecture-schools-in-europe>.

5 ЛЕТ

Подготовка к сдаче и сдача
лицензионного экзамена
(ARE)

26

часов отводится на выполнение
лицензионного экзамена (ARE) –
567 теоретических вопросов
и практическое задание

Самостоятельная профессиональная
практика

Система непрерывного образования (CES)
Возобновление лицензии каждые 2 года

25

Самостоятельная профессиональная практика
и / или

оформление ИП => получение допуска в СРО для ведения архитектурной деятельности

вопросов и практического задания, и на его выполнение отводится суммарно 26 с половиной часов. Экзамен имеет довольно высокий уровень сложности, поэтому на подготовку к нему отводится до пяти лет. Существуют отдельные образовательные программы, которые готовят к сдаче данного экзамена.

Даже после получения лицензии архитектор продолжает образование – на конференциях, семинарах, университетских программах повышения квалификации и онлайн-курсах. Для продления лицензии система обязует практикующего архитектора каждые два года подтверждать и повышать свою квалификацию, отучившись на одном из специализированных курсов (в среднем 12 часов).

Как и в России, в США существуют архитектурные корпорации, регулирующие деятельность отрасли. Американский институт архитекторов (AIA), аналог отечественного Союза архитекторов, насчитывает 83 тысячи членов: лицензированных архитекторов, начинающих специалистов и представителей смежных профессий. Институт следит за соблюдением профессиональных стандартов и разрабатывает официальную систему непрерывного образования, включающую в себя как очные программы

повышения квалификации, так и онлайн-курсы для специалистов.

Существует еще множество схожих организаций, которые поддерживают архитекторов, следят за непрерывностью получения образования и сертификацией специалистов. Национальный совет комиссий по архитектурной регистрации (NCARB) объединяет лицензионные комиссии отдельных штатов и территорий и координирует их совместные усилия. Национальный совет по архитектурной аккредитации (NAAB) следит за выполнением требований лицензирования и интернатуры. При этом государство не участвует ни в каких отраслевых процессах, кроме этапа лицензирования – за это отвечает губернатор и комиссия в отдельных штатах.

При сравнении отечественной и зарубежной систем высшего архитектурного образования становится понятно, что зарубежная система имеет более четкую структуру. В отличие от отечественных университетов, зарубежные вузы дают лишь фундаментальные навыки, готовят к будущему обретению профессии и присуждают академические степени, в то время как практический опыт студенты получают в интернатуре.

Вопрос инвестиций в образование неразрывно связан с концепцией развития человеческого капитала – в ее рамках вложения в повышение качества трудовых ресурсов рассматриваются как один из источников умножения национального богатства. Понимание связи между инвестициями в человеческий капитал и экономическим ростом было сформулировано еще Адамом Смитом: «Приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, как бы реализующийся в его личности. Эти способности <...> вместе с тем становятся частью богатства всего общества».

Хотя еще классики экономической науки утверждали необходимость затрат на развитие навыков и умений, особое внимание к подобным инвестициям возникло после того, как во второй половине 1960-х были опубликованы новые исследования по теории человеческого капитала (в 1992 году экономист Гэри Беккер получил за это Нобелевскую премию). Именно с той поры затраты на образование перестали рассматривать как потребительские, окончательно признав их производительными затратами. При этом многие **ученые сходятся во мнении, что в ближайшем будущем знания и умения способны вытеснить физический капитал**, как когда-то капитал вытеснил землю в качестве ресурса, привлекающего наибольший спрос при ограниченном предложении⁶. Вот что пишет В. Иноземцев в статье «Наметившиеся воспроизводственные тенденции мирового хозяйства»⁷: «В изменяющихся условиях информация и знания становятся производительной силой, возникает мощный ресурс, характеризующийся новыми качествами, с которыми ранее не сталкивалось общественное производство. <...> Доступ к этому специфическому ресурсу остается ограниченным, так как знания отличаются от большинства индустриальных благ своей редкостью и невозпроизводимостью».

Процесс инвестирования в образование может происходить на разных уровнях: индивидуальном, семейном, производственном, региональном и государственном, и у каждого своя специфика. Например, вложения, осуществляемые родителями и родственниками с самого рождения ребенка, сложно признать инвестициями в человеческий капитал, так как фактически они не компенсируются возросшими доходами в будущем – слишком уж велик временной лаг между рождением ребенка, его взрослением и воспитанием и началом его работы. Компании, работодатели чаще всего интересуются экономический эффект в ближайшей перспективе, и пока они могут найти «готового» сотрудника с нужными компетенциями на рынке, инвестиции в человеческий капитал не будут для них в списке приоритетных задач. А индивидуальные инвестиции в саморазвитие возможны только на этапе включения в производительный процесс – и то только в момент высвобождения средств из фонда текущего потребления.

6 Горбунова О. Н. Инвестиции в образование как неотъемлемый элемент формирования трудовых ресурсов // Социально-экономические явления и процессы. № 5-6 (27-28), 2011.

7 Иноземцев В. Л. Наметившиеся воспроизводственные тенденции мирового хозяйства // Экономист. № 6, 2000. С. 80.

Источники финансирования

Расходы на образование в России составляют 4,1% от ВВП (2012), в то время как Скандинавские страны держат это значение на уровне 6,5–8,5% от ВВП (Финляндия и Дания соответственно), а США – 4,5–5,3% от ВВП. При этом номинальные показатели ВВП России и западных стран отличаются в разы – в 2,7 раза меньше, чем в Германии, и в 14,5 раза меньше, чем в США. Более детальная информация приведена в таблице ниже.

Как отмечает С. И. Плаксий в статье «Инвестиции в образование»⁸, доля расходов в ВВП на цели образования должна составлять 6–7% от ВВП. Постепенное увеличение этой доли в течение 10–15 лет будет соответствовать тенденции увеличения государственных расходов на образование в развитых странах (в 2000 году в среднем 6,2%, в 2016 году, согласно прогнозам, 6,9%), хотя в абсолютных величинах сумма затрат на образование в России все равно останется в несколько раз меньше.

16,8%

занимают расходы на высшее образование в распределении консолидированного бюджета РФ в 2016 году (564,31 млрд руб.)

65%

общего объема расходов на образование обеспечивает государство

Таблица 1. Сравнение объемов финансирования высшего образования (2005)

	США	Германия	Франция	Швеция	Россия	
Госрасходы на образование	% ВВП	7,4	4,6	5,9	7,4	4,1
	млрд долл. США	900	129	125	26	77,5
Расходы на ВПО	% от общих расходов на образование	39	24	21	28	12
	долл. США на одного студента	20 775	13 026	12 045	17 368	3300

Интересно посмотреть и на распределение бюджетных расходов на разные ступени образования. Так, в 2016 году расходы консолидированного бюджета РФ по разделу «Образование» составили 3058,98 миллиарда рублей⁸. Ниже приведены показатели по каждой из статей. Важно отметить, что, несмотря на то что большая часть консолидированного бюджета выделена на статью «Общее образование» (расходы на высшее образование занимают 16,8%), в распределении федерального бюджета (564,31 миллиарда рублей) расходы на высшее и послевузовское профессиональное образование составляют 86,18% (486,3 миллиарда рублей).

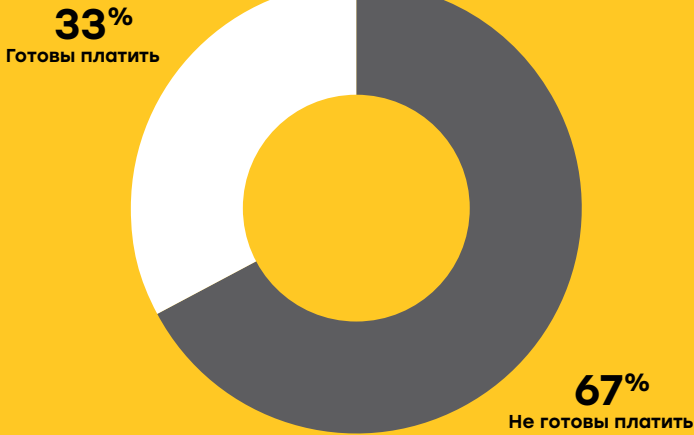
Приоритетные направления обучения становятся очевидны, если посмотреть на распределение бюджета по вузам, подведомственным Министерству образования и науки РФ. Так, например, на выполнение государственного задания в 2016 году было выделено 154,1 миллиарда рублей. В списке вузов Центрального федерального округа из первой десятки по объему финансирования только два обучают по направлениям «архитектура» и «градоостроительство» – МГСУ и РУДН. Остальные вузы в перечне по большей части технические: МГТУ им. Баумана (крупнейший реципиент), МФТИ, МАИ, МЭИ. Показательно и распределение доходов образовательных организаций из всех источников в расчете на численность студентов. В МГУ, ВШЭ и МГТУ доход варьируется в пределах 550–740 тысяч рублей, в то время как в вузах рассматриваемой специализации он не достигает полумиллиона: в МАРХИ – 437 тысяч рублей, МГСУ – 389 тысяч, МГАХИ – 341 тысяча. В вузах с земельно-изыскательским профилем (МИИГАиК и ГУЗ) эти показатели еще ниже – 231 и 249 тысяч рублей соответственно.

8 Плаксий С. И. Инвестиции в образование // Знание. Понимание. Умение. №3, 2015.
9 http://fin.edu.ru/InfoPanel/min_obr1.html.

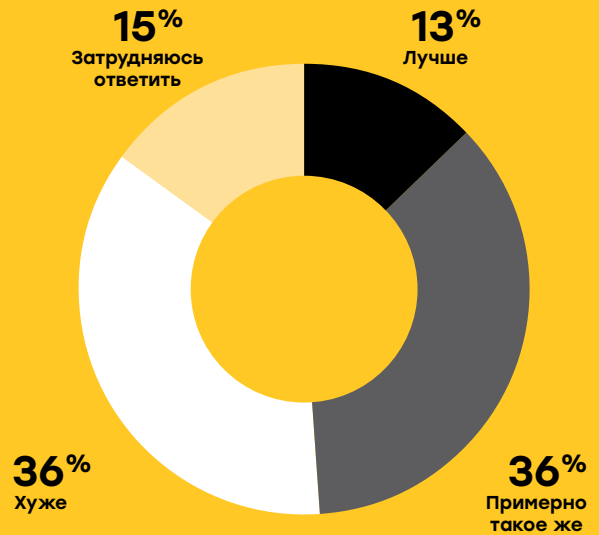
Таблица 2. Распределение расходов консолидированного бюджета по разным ступеням образования (2016)

Ступень образования	Расходы, млрд руб.	% консолидированного бюджета
Дошкольное образование	675,7	22,1
Общее образование	1442,88	47,2
Среднее профессиональное образование	199,16	6,5
Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	20,24	0,7
Высшее и послевузовское профессиональное образование	514,64	16,8
Молодежная политика и оздоровление детей	64,16	2,1
Прикладные научные исследования в области образования	13,89	0,5
Другие вопросы в области образования	128,31	4,2

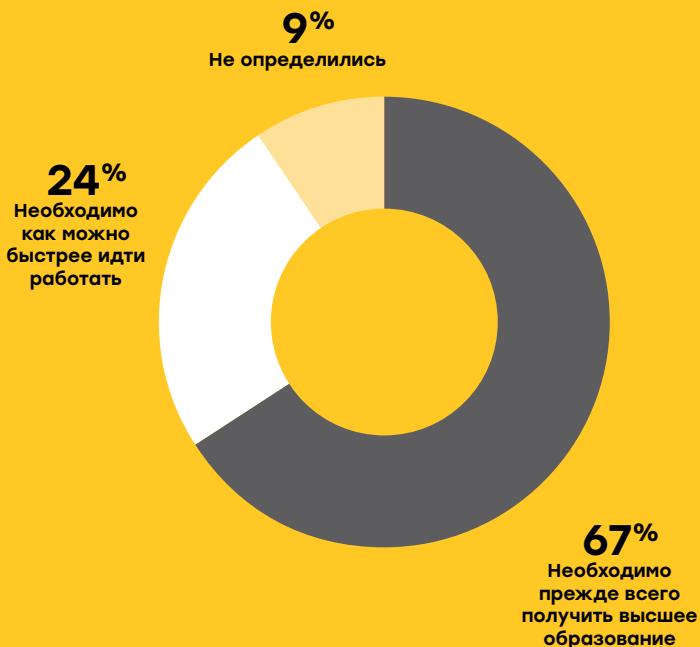
Готовы ли родители оплачивать образование своих детей

Как вы полагаете, качество платного образования лучше, чем качество бесплатного, хуже или примерно такое же?

Что важнее в профессиональном развитии?

Очевидно, что государство не может в полной мере обеспечивать подготовку трудовых ресурсов, хотя по состоянию на 2014 год оно обеспечивало 65% общего объема расходов на образование (33% – семьи, 2% – организации). При этом, согласно данным социологического исследования, входящего в состав документов по модернизации образования¹⁰, около 67% семей «готовы ради образования своих детей, внуков пойти в пределах своих возможностей на серьезные материальные затраты». Такое же число опрошенных согласно с утверждением, что «молодежи важнее прежде всего получить образование», в отличие от 24%, утверждающих, что «сегодня необходимо как можно раньше начинать работать, зарабатывать деньги и получать практический опыт». Впрочем, в настоящий момент только 25–30% семей могут ощутимо участвовать в финансировании образования своих детей.

¹⁰ Днепров Э. Д. Модернизация российского образования: документы и материалы. Издательство ГУ «ВШЭ», 2002, серия «Библиотека развития образования».

С другой стороны, несмотря на высокую оценку необходимости получения высшего образования, 70% респондентов не одобряют возможность получения платного образования. Причем есть четкая корреляция между возрастом опрошенных и их мнением о возможности получения платного высшего образования. Если 79% старшего поколения (50 лет и более) не одобряют подобное решение, то среди молодежи (18–35 лет) 36% опрошенных готовы оплачивать собственную учебу. При этом доля тех, кто считает, что платное образование хуже бесплатного, более чем вдвое превышает долю тех, кто готов согласиться с обратным утверждением.

В фокус-группах, проведенных в рамках вышеупомянутого исследования, можно было услышать самые разные мнения относительно профессиональных качеств студентов, получающих платное и бесплатное образование. Противники платы за высшее образование считают, что «это недопустимо еще и с той точки зрения, что студент не считает нужным особо напрягаться – родители заплатят. А в итоге не очень хорошие кадры». Более молодые люди, сами опробовавшие возможности платного образования, утверждают, что «по качеству уровень образования одинаковый; студенты сидят в одной аудитории, вместе и экзамены сдают». Некоторые же преподаватели отмечают более высокий уровень мотивации у студентов, оплачивающих обучение, заодно они более требовательны к качеству программ и предоставляемого материала.

Правительства развитых стран стремятся дифференцировать источники финансирования высшего образования, надеясь на инвестиции частных корпораций и развитие негосударственных программ стипендий, грантов и кредитов на учебу. Но частный капитал возможно привлечь только обеспечением осязаемой выгоды – к примеру, налоговых льгот (широко распространенная в США практика). В рамках действующего российского законодательства и не слишком благоприятного инвестиционного климата нежелание частных инвесторов вкладываться в вузы абсолютно рационально.

Говоря об образовании в сфере архитектуры, важно отметить, что к финансированию обучения, особенно ступеней выше полного профессионального образования, в мировой практике активно привлекают общественные организации – отраслевые союзы и фонды. Так, например, Американский институт архитекторов (AIA) предлагает студентам около 40 программ стипендий и грантов с общим фондом финансирования 1,3 миллиона долларов США. В России подобные механизмы финансирования обучения практически отсутствуют. На регулярной основе работает лишь целевой набор студентов¹¹. И то при заявленной квоте (не более 15% от контрольных цифр приема) в реальности из 146 мест приема¹², реализуемых за счет федерального бюджета, на целевые места могут претендовать только два человека. Наиболее приближенная к зарубежной модель будет реализована в 2017–2018 годы в Высшей школе урбанистики при ВШЭ, где появится грант президента Татарстана на обучение на магистерской программе «Город и технологии: прототипирование городов будущего». Однако опять же стоит оговориться, что этот грант выделяется из средств регионального бюджета, а не профессиональных союзов, НКО или предприятий отрасли.

Ввиду отсутствия финансирования со стороны негосударственных организаций значительная часть расходов на образование ложится на плечи семей. Однако какое количество семей может в реальности позволить себе финансирование образования? С. И. Плаксий отмечает, что «цена за образовательные услуги не может складываться только исходя из экономической целесообразности и сложившегося по рыночному принципу баланса спроса и предложения. Ведь в такой ситуации эгоистические соображения, как правило, преобладают, а о том, что образование – это еще и «социальное благо», в вузах попросту забывают. Стоимость за образовательную

¹¹ Целевой прием – это прием абитуриентов на первый курс вуза, проводимый по отдельному конкурсу. Целевое обучение позволяет реализовать механизм возврата молодого специалиста в родной регион после окончания обучения.

¹² КЦП МАРХИ 2017 года. Направление подготовки «07.03.01. Архитектура».

услугу должна быть и социально доступной, поскольку сегодня высшее образование не может не быть массовым».

Приведенные данные свидетельствуют о том, насколько сильно разнится в России и за рубежом соотношение стоимости обучения и средних доходов населения. Если в европейских странах это соотношение колеблется в диапазоне 3,5–8 (Скандинавские страны лидируют с показателями 2–4), то в России остается на уровне 27–35. И это при том, что ни один российский вуз не входит в топ-20 лучших архитектурных школ мира¹³.

В США, где соотношение стоимости обучения и средних доходов также высоко, развита система образовательных кредитов – по статистике, ими пользуются 66% студентов. В России же этим механизмом оплаты обучения пользуется меньше 1% студентов платных отделений вузов. В 2013 году Министерство образования и науки РФ инициировало программу государственной поддержки образовательного кредитования. Согласно принятому постановлению¹⁴, предполагается, что образовательный кредит можно взять для оплаты своего обучения в любой образовательной организации (по любым специальностям и формам обучения). Кроме того, было введено понятие «сопутствующего кредита» – возможности получения студентами средств для оплаты расходов на проживание, питание и приобретение учебных материалов. Для реализации программы образовательного кредитования учебное заведение должно оформить соглашение с банком-кредитором. На момент запуска программы в ней активно участвовали только Сбербанк и Росинтербанк (у второго, впрочем, впоследствии была отозвана лицензия). За период с июня по сентябрь 2016 года Сбербанк, на тот момент единственный участник программы, выдал кредитов на 480 миллионов рублей¹⁵ – вдвое больше, чем годом ранее.

студентов пользуются системой образовательных кредитов в России. В США – 66%

Сегодня кредиты на образовательные нужды предоставляют Сбербанк и Почта-банк (группа ВТБ). В списке вузов, с которыми у Сбербанка заключены договоры о предоставлении кредитов, на июнь 2017 года указано 181 учебное заведение, в том числе есть обучающие по направлениям «архитектура» и «градопостроительство»: в списке фигурируют МАрХИ, МГСУ, ВШЭ, РУДН, МИИГАиК, а также региональные архитектурно-строительные институты и университеты в Санкт-Петербурге, Томске, Тюмени, Воронеже, Астрахани и Нижнем Новгороде. Однако, несмотря на очевидный прогресс в данной сфере и реализацию программы государственной поддержки, практика получения образовательных кредитов все еще остается скорее исключением из правил, нежели общепринятой нормой.

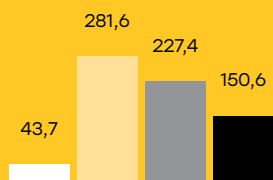
¹³ QS Top Universities.

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации №1026 «Об утверждении правил предоставления государственной поддержки образовательного кредитования» от 18 ноября 2013 года.

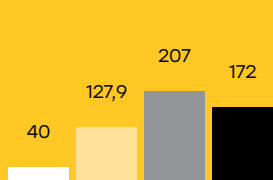
¹⁵ <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/18/71190-talko-za-svoi>.

Сравнение стоимости обучения по специальностям «архитектура» и «градостроительство» и среднемесячной заработной платы (2016)

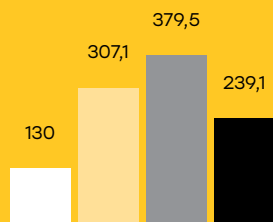
Россия* Великобритания США Нидерланды

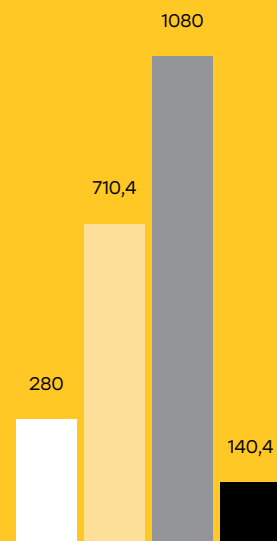
Среднемесячная заработная плата, тыс. руб.

Среднемесячная зарплата выпускника (архитектура и градостроительство), тыс. руб.

Среднемесячная заработная плата в отрасли (архитектура и градостроительство) после 8-10 лет работы, тыс. руб.

Стоимость обучения за год, тыс. руб.

Стоимость обучения за весь период (бакалавриат)

5,4
млн руб.
США

23,7 во столько раз стоимость обучения в США за весь период (бакалавриат) превышает среднемесячную заработную плату

2,1
млн руб.
Великобритания

7,8 во столько раз стоимость обучения в Великобритании за весь период (бакалавриат) превышает среднемесячную заработную плату

1,4
млн руб.
Россия*

32,1 во столько раз стоимость обучения в России за весь период (бакалавриат) превышает среднемесячную заработную плату

0,6
млн руб.
Нидерланды

3,7 во столько раз стоимость обучения в Нидерландах за весь период (бакалавриат) превышает среднемесячную заработную плату

* Для России указаны данные по Центральному федеральному округу.

Окупаемость инвестиций

Попытаемся оценить экономическую выгоду рационального индивида от получения образования – и не только от высшего образования, без которого в архитектуре и градостроительстве невозможен приход в профессию, но и от последующих этапов самообразования.

Изначально важно рассмотреть виды мотивации для профессионального самообразования. В терминологии бизнес-тренеров они зачастую представлены такими:

- Получение дополнительных знаний и навыков для преодоления страха бедности. В дальнейшем эти знания позволяют спокойнее и свободнее чувствовать себя в профессии, обладая пониманием того, что в случае увольнения или кризиса специалист не останется ни с чем.
- Получение практических навыков, которые можно условно разделить на технические и монетизационные. Первые – приобретение компетенции в той или иной достаточно узкой и прикладной специализации (для архитектуры и градостроительства это изучение компьютерных программ, материалов и технологий). Вторые – основы управления организацией, методы сокращения издержек и увеличения продаж, развитие навыков общения с партнерами и заказчиками – зачастую рассчитаны на более долгосрочную перспективу, однако и результаты их применения имеют более существенный вес.
- Развитие стратегического мышления и навыков построения систем. Владение этой группой компетенций зачастую требуется на более поздних этапах профессионального развития – при комплексной работе над проектом, управлении командой и взаимодействии со смежными организациями.
- Общее расширение кругозора. На первоначальном этапе приобретение этих навыков кажется наименее прикладным, но именно такие знания позволяют взглянуть на проблемы под новым углом и найти свежие, зачастую прорывные решения.

Как оценить эти виды мотивации в денежном эквиваленте и каковы законы монетизации тех или иных навыков и компетенций, специалисты спорят до сих пор. По аналогии с понятным финансовым коэффициентом ROI (Return on Investment – окупаемость инвестиций), отражающим уровень доходности или убыточности бизнеса при осуществленных вложениях, в 1950-х годах было введено понятие ROE (Return on Education – окупаемость образования). Однако расчет этого показателя затруднен. Невозможно оценить его, исходя только из выбранного образовательного учреждения или программы обучения, необходимо учитывать массу прочих субъективных факторов – к примеру, личную мотивацию, уровень IQ, успеваемость. Но несмотря на разницу в методах оценки, исследователи сходятся во мнении, что каждый последующий год обучения увеличивает заработную плату на 8–13%. Мы пытались рассмотреть, так ли это применительно к образованию и дальнейшему карьерному развитию в области архитектуры и городского планирования.

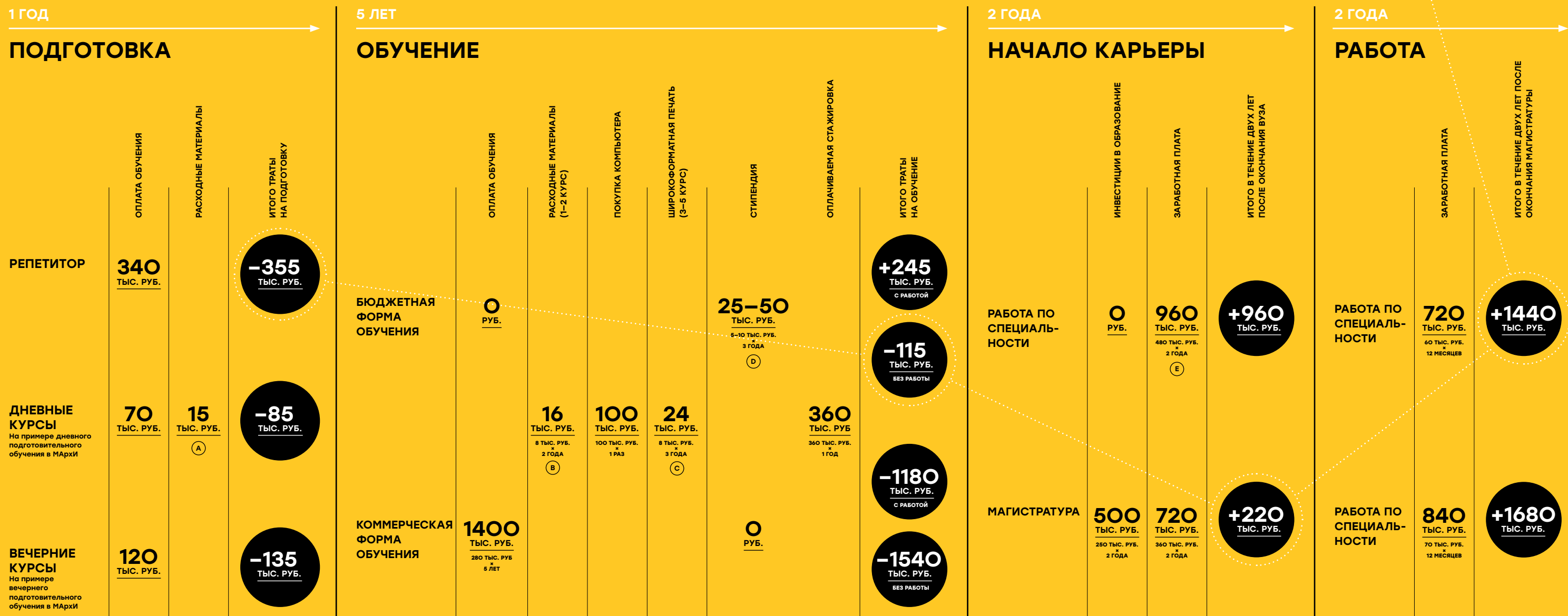
Анализируя приведенные в таблице данные, можно прийти к выводу, что российская тенденция окупаемости инвестиций в образование соответствует международному опыту – например, получение степени магистра способно увеличить среднюю заработную плату до 16%. Однако здесь важно сделать несколько уточнений. Во-первых, опыт показывает, что это увеличение происходит однократно – при приеме на работу или при переходе на полную занятость. В последующем продвижении по карьерной лестнице этой корреляции мы не замечаем. Во-вторых, стоит отметить общую разницу заработных плат в рассматриваемом секторе – так, например, архитектор с пятилетним опытом работы в должности ведущего архитектора в небольшом бюро будет зарабатывать 80–100 тысяч рублей в месяц, в то время как в проектное бюро при девелоперской компании эта сумма может достигать до 120–150 тысяч рублей в месяц. Кроме того, система бонусов, в настоящее время активно применяемая в отрасли, также существенно зависит от размеров компании-работодателя и, как следствие, масштаба и стоимости ее заказов.

Здесь вы можете увидеть, сколько и на что тратят в среднем абитуриенты и студенты российских архитектурных вузов. Выбирая одну из возможных траекторий развития, вы получаете итоговую сумму расходов и доходов на каждом из этапов.

+1190

Тыс. руб

СТОЛЬКО ЗАРАБОТАЕТ АРХИТЕКТОР ПО ПРОШЕСТВИИ 10 ЛЕТ С МОМЕНТА НАЧАЛА ПОДГОТОВКИ К ПОСТУПЛЕНИЮ В ВУЗ ПРИ УСЛОВИИ ПОДГОТОВКИ К ПОСТУПЛЕНИЮ С ПОМОЩЬЮ РЕПЕТИТОРОВ, ОБУЧЕНИЯ НА БЮДЖЕТНОМ ОТДЕЛЕНИИ, ПОЛУЧЕНИЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА И РАБОТЫ ПО НАЙМУ В ТЕЧЕНИЕ 4 ЛЕТ

А

Подготовка к сдаче вступительных экзаменов по черчению (наборы рапидографов, готовальня, линейки, угольники, рейшины), рисунку античной головы (бумага, подрамник, ватманы), геометрической композиции.

Б

Специфические материалы, необходимые для обучения по таким дисциплинам, как: начертательная геометрия (готовальня, рейшина, бумага, карандаши), рисунок (ватманы, набор карандашей), живопись (акварель, гуашь), скульптура, макетирование (подрамники, бумага, клей, резак).

С

Назначение стипендии (для обучающихся на бюджетном отделении) производится два раза в год после окончания семестра, по итогам успеваемости. 1340 руб. – минимальный размер стипендии.

Д

В расчете 800 руб. за 1м² с заливкой более 50%. За год студент выполняет от 2 до 4 проектов, представляемых в формате от 1 до 12 м².

Е

Зарботная плата – в расчете 40 тыс. руб./месяц.

8–13%

**на столько увеличивает заработную плату
каждый последующий год обучения**

Подводя итоги, можно отметить несколько ключевых тенденций. В России все более четко прослеживается взаимосвязь между глубиной, полнотой и длительностью образования и востребованностью сотрудника на рынке труда. Зачастую получение образования уровня выше базового профессионального связано с существенными затратами, а система образовательных кредитов, несмотря на развитие в последние годы, все еще не пользуется массовой популярностью. Очевидно, что, помимо общего низкого уровня использования кредитных продуктов в целях образования, это связано и со значительным риском инвестиций в персональное развитие и слабой осязаемостью конечного результата. К сожалению, участие бизнеса в непосредственной поддержке образования до сих пор остается номинальным, несмотря на доказавшие свою эффективность международные практики аналогичного сотрудничества. Компании и НКО очень редко инвестируют в образование. Системы грантов, стипендий и целевых средств, выделенных на обучение сотрудников, помогли бы компаниям получить более высококвалифицированных специалистов, а вузам – лучше понять актуальные запросы рынка.

35

36

Чтобы увидеть реальную картину российского архитектурного образования, в рамках исследования мы провели две фокус-группы с выпускниками и студентами вторых и третьих курсов вузов, имеющих архитектурные специализации (МАрХИ, МГСУ, ГУЗ). Участников фокус-групп отбирали по принципу снежного кома: находили студентов и выпускников через социальные сети и имеющиеся каналы связи, они приводили своих одноклассников и друзей, также имеющих отношение к архитектурным вузам.

Фокус-группы проходили в течение двух дней, студенты и выпускники чувствовали себя расслабленно, были расположены к беседе и охотно отвечали на вопросы. Респонденты описали актуальную ситуацию, сложившуюся в московских вузах. Информация, полученная на фокус-группах, помогла нам оценить основные слабые и сильные стороны российского архитектурного образования, понять те барьеры, с которыми сталкиваются студенты, а также представить возможные траектории их профессионального развития.

Причины выбора профессии

Наиболее распространенной причиной выбора профессии было названо наличие специфического творческого образования, полученного в детстве. Те, кто посещал художественные школы или творческие детские студии, имеют особые навыки, которые впоследствии необходимы для получения профессии архитектора: развитые навыки рисунка, умение работать с цветами, освоенные художественные инструменты. Более того, художественные школы учат детей иначе смотреть на окружающий мир и пространство. Для молодых людей, которые никогда не посещали художественные школы или творческие студии, поступление в вуз и первые годы обучения становятся особо тяжелым испытанием.

«Почему никто не подошел ко мне и не сказал: «Аня, ты не сможешь нормально учиться. Иди в художку». Я бы походила, порисовала с какими-нибудь малышами вазы, сирень акварелью, я бы уже была больше подготовлена. Я до сих пор могу нарисовать композицию и голову. А архитектуру не могу нарисовать. Когда нам надо было нарисовать живого человека, я вообще не понимала, что делать».

– Анна,
выпускница бакалавриата

Однако немало архитекторов не имели художественного бэкграунда перед поступлением в вуз. Многие абитуриенты сомневаются до последнего момента перед поступлением, выбирая между смежными с архитектурой специальностями: это физика, инженерия, графический дизайн, художественный рисунок. Интерес к смежным специальностям также подталкивает к тому, чтобы выбрать архитектурную специальность, тех, кто ищет дисциплину между творческими и точными науками.

«Это было в классе десятом. Я плотно учился на программиста, но в какой-то момент понял, что что-то идет не так. Зашел как-то на «Хедхантер», у меня там был условно выбран десяток профессий, начал смотреть, что мне интересно. Архитектура – вроде забавно. Посмотрел на вузы, посмотрел, что нужно, и вот, подготовился».

– **Артем**,
студент второго курса

Многие студенты рассказывали о субъективных факторах, которые способствовали их выбору архитектурной специальности. Среди таких факторов часто называлось желание самоутвердиться через выбор наиболее сложного карьерного пути. Распространенный в обществе стереотип о том, что на архитектурные специальности тяжело поступить, мотивирует студентов на поступление в наиболее престижные вузы.

«Наверное, сыграло роль то, что один из преподавателей сказал: «Если хочешь связать себя с искусством, иди куда угодно, только не в МАрХИ. Туда не поступишь». Это что-то во мне переключило. Я сделал назло, типа, «Ах так? А я поступлю!»

– **Александр**,
выпускник бакалавриата

Интересно, что родители желание ребенка стать архитектором чаще встречают скорее негативно, чем позитивно. Они склонны воспринимать профессию архитектора как низкооплачиваемую и нестабильную, не слишком востребованную в современной России. Поэтому родители при возможности стараются изменить решение ребенка и направить его в более серьезную и востребованную профессиональную область.

«Мама до сих пор говорит, что она не знает, откуда я такой архитектор. Она не очень хотела, чтобы я шла в журналистику, потому что мало работы. У архитекторов больше работы, чем у журналистов. Из двух зол выбрала меньшее».

– **Анна**,
выпускница бакалавриата

Приход в профессию также может быть следствием расширения визуального опыта, накопленного в путешествиях. Чем больше человек путешествует, тем больше визуальных образов ему открывается, тем больше различных типов архитектуры он анализирует, интересуется архитекторами, воспитывает таким образом вкус и любовь к эстетике. Путешествия расширяют кругозор, помогают найти ориентиры и вкусовые предпочтения. Таким образом, любовь к путешествиям может повлиять на профессиональный выбор.

«Было еще два момента. Я попала в Валенсию, в «Город искусств и наук» Калатравы, и это мне немного сломало голову, потому что концептуально он выглядит абсолютно по-другому. И это почему-то меня так сильно поразило, что я подумала о том, что надо почитать. Я выяснила, что создает человек-математик. Стала думать, что архитектура может быть как-то с этим связана».

– **Анастасия**,
выпускница бакалавриата

«Мне кажется,
что определенным
фактором является
преподаватель.

То есть может он тебя
заинтересовать, ввести
в азарт или нет. Потому что
для меня учеба в МАРХИ –
это как какая-то игра,
это квест. Подстегивает,
тыходишь в азарт.
Для меня все пролетело
очень быстро. Не сказать,
чтобы прямо мучился.
Стрессы были, но они не
отложились как главное»

Александр,
выпускник бакалавриата

Трудности в процессе обучения

Важной проблемой образовательной системы оказалась неподготовленность студентов к первым годам обучения и будущей профессии в целом. Для студентов из неархитектурных семей особенно сложны первые годы обучения по архитектурной специальности. В учебном плане нет специальных адаптационных дисциплин. Студентам не хватает элементарной базы и вводных курсов, которые подробно бы рассказали о последующих годах обучения и будущей профессии. Проблема резкого входа в профессию порождает условную дискриминацию студентов из неархитектурных семей: преподавателям легче общаться с теми, кто имеет расширенные представления о профессии и больше технических навыков, в итоге им уделяют больше внимания. Студенты, не имеющие специфического бэкграунда, страдают от отсутствия необходимой в первые годы поддержки, у них часто снижается самооценка и мотивация.

«В целом детей не из архитектурных семей не любят. Это видно. То есть ты приходишь с первой отмывкой, а рядом сидит барышня, у нее три подрамника этих отмывок, хотя нужен один».

– **Анастасия**,
выпускница бакалавриата

«Мне кажется, что никто не любит заниматься благотворительностью. Если есть суперталантливый студент, конечно, будут с ним, чем тебе что-то объяснять. Это нормально, это в природе человека».

– **Анна**,
выпускница бакалавриата

Студенты первых – третьих курсов архитектурных направлений часто говорят, что не имеют сформированного представления о профессии архитектора и о том, чем они будут заниматься в последующие годы обучения. Многие делились тем, что первые годы обучения не дают им представления о настоящей работе архитектора. Первые этапы образовательного процесса направлены в основном на отработку художественных и формирование композиционных навыков. Студенты привыкают к рисунку, к более поверхностным этапам работы архитектора. Им не хватает погружения в современный контекст архитектуры, рассказов о сегодняшних архитекторах и их ключевых работах. Они часто испытывают разочарование, когда сталкиваются с рутинной и технической стороной профессии.

«Мы были нулики, когда пришли. Прошел год, и мы немного больше стали разбираться в архитектуре, стали понимать, чего ждать, чего бояться».

– **Анна**,
студентка второго курса

«Для многих профессия архитектора была окрашена в радужные тона: «Вот, я сейчас буду рисовать, придумывать что-то». Но с течением времени я понял, что многих таких абитуриентов ждет разочарование, потому что этого гораздо меньше, чем техники. Я думал, будет 50 на 50, а оказалось, творчества – процентов 10».

– **Артем**,
студент второго курса

Как говорят выпускники, получившие архитектурные специальности, сильная сторона вуза заключается в том, что он готовит стрессоустойчивых специалистов. Трудоемкий образовательный процесс, бессонные ночи и большой объем информации – все это готовит студентов к будущим проблемам на работе, закаляет и воспитывает характер.

«Я искренне так считаю, потому что это был такой стресс. Мне только ленивый не сказал, что я ничего не умею, что у меня плохие концепции, что я не умею это, это и это. Во-первых, меня это раззадоривает, нужно выучить больше, чем другие. Во-вторых, я готова к стрессу профессии абсолютно».

– **Анастасия,**
выпускница бакалавриата

Магистерские программы

Многие студенты после окончания программы бакалавриата поступают или планируют поступить в магистратуру, как правило, на ту же специальность, по которой учились ранее. Мы задались вопросом, какими причинами руководствуются студенты, выбирая продолжать обучение в рамках магистерской программы. Наиболее распространенный ответ – свидетельство о прохождении магистерской программы необходимо для повышения стоимости специалиста на рынке труда. Многие работодатели утверждают, что программа бакалавриата не обеспечивает полноценную подготовку архитектора, подчеркивают ее незавершенность. Но из-за того что студенты вынуждены получать свидетельство об окончании магистерской программы, уже приступив к работе, обучение превращается для них в формальность.

«Бумажка бакалавра, которую дал МАрХИ, – это не диплом о высшем образовании. С юридической точки зрения нас немного обманули».

– **Анастасия,**
выпускница бакалавриата

Обучение в магистратуре, с одной стороны, превратилось в необходимость, а с другой – служит барьером, который ограничивает студентов в их профессиональных возможностях. Работодателям невыгодно нанимать сотрудников, которые параллельно продолжают учебу. Студент встает перед сложным выбором: ограниченные карьерные перспективы из-за «неполного» высшего образования или неполная занятость в течение двух лет ради получения диплома магистра.

«Я сейчас хожу на собеседования. Все вроде хорошо, а потом у тебя спрашивают, какие у тебя планы. Ты отвечаешь, что поступаешь в магистратуру. И сразу такое лицо: «Это значит, что вы будете приходить в два-три часа? А у нас дедлайны». После этого сразу отношение меняется».

– Александр,
выпускник бакалавриата

Желание поступить в магистратуру стимулирует многих развиваться. Рутинная работа в архитектурном бюро и стабильная зарплата могут демотивировать молодого специалиста, привести к стагнации в профессиональном развитии. Выпускники бакалавриата зачастую начинают работать в архитектурных бюро, чтобы создать портфолио и приобрести стаж, необходимый для поступления на престижные магистерские программы за рубежом.

«Моя мечта – уехать учиться за границу. Только хочу, чтобы это было бесплатно. Пытаюсь участвовать во всех конкурсах, каких только можно, подаю заявки. Так как у меня не красный диплом, у меня много троек, меня это стимулирует на то, чтобы у меня были какие-то успехи, которые перекроют эти тройки. Даже если я не поступлю, я очень рада, что у меня есть такая мотивация что-то делать, хотя очень легко просто сидеть на работе. Ты устаешь за эти девять часов. Ты приходишь домой, тебе уже ничего не надо. У тебя есть деньги на существование. У тебя есть перспектива – вырасти на работе. Мне кажется, можно так вообще остановиться».

– Анна,
выпускница бакалавриата

Переход к практике

Российское архитектурное образование существует в отрыве от практики – об этом говорят и студенты российских архитектурных вузов, и выпускники. Институт, по их словам, дает важную теоретическую базу, общее представление об архитектуре, но практическим навыкам и реальному проектированию там не учат. Студенты как можно раньше стараются получить опыт работы в архитектурном бюро. Желание устроиться на работу на ранних этапах развития обусловлено конкурентным преимуществом студентов и выпускников с опытом работы в сравнении с теми, у кого такого опыта нет. Даже частичная занятость позволяет привыкнуть к рабочей атмосфере, к тонкостям работы в архитектурном бюро и специфике работы с проектами.

«А когда я пришла в Speech уже на полный день, хотя я еще была студентом, – «Так, надо сделать это. Ты должна успеть к этому, к этому». Уже никто с тобой не возится. И тогда я поняла, что если бы я не работала до этого хотя бы четыре часа, то я бы вообще не смогла. Я бы реально расплакалась и убежала».

– Анна,
выпускница бакалавриата

Проблема, с которой сталкиваются студенты при совмещении учебы и работы, – неодобрительное отношение преподавателей к рабочей занятости студентов. Часто студенты, стараясь получить практический опыт, жертвуют учебными часами, пропускают занятия, не успевают доделывать учебные проекты, отдавая преимущество рабочим заданиям.

«Часто говорят: «Ты плохо сделала проект, потому что ты работаешь».

– Анна,
выпускница бакалавриата

Траектории развития карьеры

Многим студентам вторых и третьих курсов трудно поделить четкими представлениями о своих дальнейших планах. Но уже сейчас многие с большой уверенностью отвечают, что планируют получить магистерскую степень, так как это повысит их конкурентоспособность на рынке труда.

Выпускники бакалавриата также практически делятся на две группы: те, кто уже поступил в магистратуру, и те, кто планирует это сделать. Те, кто не хочет продолжать академическое обучение, как правило, уже заняты в известных архитектурных бюро и намерены продолжить работу в ведущих компаниях отрасли – не только России, но и мира. Как правило, они уже точно знают, в каких областях профессии собираются работать в дальнейшем. Многие специализируются в конкретных областях архитектуры и не хотят распылять свои усилия.

Лишь немногие из выпускников готовы открыть собственное бюро. Большинство предпочитает работать по найму, ссылаясь на то, что боятся неизвестности, не имеют представления, каким образом можно начинать свое дело и что для этого нужно. Студенты уверены в том, что свое бюро можно открыть, только получив существенный опыт работы в ведущих компаниях. Они не верят, что это можно сделать раньше. Такая тенденция отсылает к проблеме отсутствия в российском архитектурном образовании дисциплин по организации и ведению профильного бизнеса.

«Я понимаю, что я хочу свое, но среднего уровня. У меня, например, папа инженер. Он работал сам на себя. Это моя цель. Но я не знаю, как к ней идти. Потому что я боюсь потерять свое место в большой компании, а потом получится, что у меня не получится. Мы пытаемся сами делать интерьеры. Но нам пока никто за это не платит. А как дальше пойдет... Мне кажется, что самое интересное – это именно искать заказы, общаться с заказчиком, что-то придумывать, что-то искать. Может быть, надо поехать куда-то стажироваться на какое-то время».

– **Елизавета**,
выпускница бакалавриата

«Если работать и не посещать институт, ты просто свалишься в какую-то прикладную рутину, не будет какого-то внутреннего желания, амбиций. Это две такие вещи, которые обязательно необходимо совмещать. Здорово, если бы институт это поощрял, потому что приходилось часто в ущерб работать, пропускать, придумывать, что можешь пропустить»

Эрик Валеев,
глава архитектурного бюро
IQ Studio

В рамках нашего исследования была проведена серия глубинных интервью с экспертами отрасли. В первую очередь мы поговорили с ведущими практикующими архитекторами, имеющими большой опыт работы в архитектурной сфере. Второй группой интервьюируемых стали партнеры молодых бюро, которые могут поделиться опытом создания собственных компаний. Кроме того, мы опросили представителей смежных профессий, не работающих сейчас в архитектурной сфере, но в свое время получивших архитектурное образование. Беседы с экспертами позволили нам оценить и сравнить полученный опыт специалистов, сделать выводы о недостатках современного образования и выпускниках, сравнить зарубежное и отечественное архитектурное образование, изучить возможные траектории развития архитектора.

Причины выбора профессии

«Архитектор – не профессия, а призвание» и «Архитектором не становятся, а рождаются» – довольно распространенные утверждения. В стереотипной картине мира архитектор представляется как человек, родившийся с талантом художника и с детства обладающий особой тягой к рисунку, лепке, черчению и макетированию. Однако практика показывает, что не только «художники от рождения» становятся успешными архитекторами, но и те, кто решил испытать себя, случайным образом выбрал архитектурную специальность или пришел к ней, интересуясь смежными профессиями. Многие попадают в архитектуру, имея особый интерес к точным наукам. Увлеченные физикой и геометрией абитуриенты могут найти в архитектуре подходящую для себя сферу деятельности. В отдельную категорию попадают те, кто рос в семье архитекторов и все детство провел, наблюдая за работой родителей и предпочитая обычным игрушкам карандаши, линейки и циркули.

Конечно, многие приходят к архитектуре и через искусство. Детский интерес к рисованию, лепке и другим видам прикладного искусства находит свое логическое продолжение в выборе профессии архитектора. Склонность к творчеству и увлечение рисунком мотивируют родителей отдать ребенка в художественную школу или детскую архитектурную студию. Такие студии (например, ДШИ «Старт», ЭДАС, ШАР), в отличие от художественных школ, где упор делается на рисунок, прививают детям любовь к архитектуре – те учатся особому восприятию пространства, познают способы его моделирования, начинают работать с формами, входят в контекст современной архитектуры и вырабатывают ценностные представления о качестве окружающей среды.

Важную роль на первоначальном этапе развития ребенка как будущего архитектора играет преподаватель, который может подметить сильные стороны ученика и найти особое приложение для его талантов или, наоборот, игнорируя его сильные и слабые стороны, подогнать его навыки под одну гребенку со всеми. Поощрение успехов ребенка может стать мощным толчком для раскрытия его творческого потенциала. Преподаватель становится ментором и куратором, благодаря которому ученик начинает серьезно интересоваться профессией, углубляться в нее, развивая свои навыки и расширяя кругозор, или, наоборот, теряет весь интерес к этой сфере деятельности.

«Лет в 15 я мечтал стать промышленным дизайнером – хотел проектировать автомобили или что-нибудь, связанное с техникой. В средней школе учился в Англии, потом во Франции, там преподаватели заметили мою страсть и всячески поощряли. Вернувшись в Москву, я продолжил учебу в Британской школе, где моя классная руководительница настоятельно рекомендовала обратить внимание на архитектуру».

– **Эрик Валеев**,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Роль преподавателя остается ключевой для будущего архитектора и в период получения высшего образования. Преподаватель, с которым студенческая группа проводит большую часть времени, задает стиль исполнения, курирует проектную деятельность, наставляет студента и определяет траекторию его будущего развития. Именно преподаватель прививает студентам особое отношение к архитектуре. Практикующие архитекторы регулярно отмечают важную роль учителей в их развитии.

«То, что я попал к Григоряну, конечно, перевернуло мое восприятие профессии. И не только профессии, но вообще отношение к миру, можно так сказать. Поворотная была точка».

– **Даниил Никишин**,
сооснователь архитектурной группы
«Горожане» / Citizenstudio

«Мне повезло, что Асадов-старший стал для меня ровно таким человеком, мастером. Я счастлив, что я с ним в таком молодом возрасте поработал. Он меня очень вдохновил, поразил. Он мне показал, в чем реальное очарование, миссия нашей профессии. Он для меня останется учителем. Поэтому, когда я иду в институт, мне очень хочется – не знаю, как получится, но хочется – хоть для кого-то стать таким человеком, который поможет раскрыться».

– **Тимур Башкаев**,
руководитель архитектурной мастерской «АБТБ»

Особая ситуация складывается у детей архитекторов и людей смежных профессий – инженеров, строителей, конструкторов. Работа над проектом зачастую выходит за рамки исключительно рабочих часов и переносится из студии домой – в кабинет или на кухню. Наблюдая за родителями, дети копируют их поведенческие паттерны и перенимают интерес к их сфере деятельности. К тому же ребенок архитекторов, как правило, с ранних лет вращается в социальных кругах, связанных с отраслью, и таким образом обрывает дополнительные связи, полезными для карьерного роста. Особое восприятие профессиональной среды родителей формирует в таких детях предрасположенность к творческим специальностям, поэтому, когда наступает время выбирать собственную профессию, чаще всего выбор происходит именно в пользу архитектуры.

«Папа кроме рисования очень любил архитектуру, собирал книги разные, мне показывал, я смотрел. У меня сформировался такой мир с самого раннего детства. Я и архитекторов многих знал, смотрел, видел. Плюс у меня рука поставленная».

– **Тимур Башкаев**,
руководитель архитектурной мастерской «АБТБ»

«Папа у меня изобретатель, может, от него это пошло. Очень нравилась физика. С детства нравилось делать что-то своими руками, что-то конструировать, придумать игры, связанные с этим, рисовать».

– **Мария Николаева**,
основатель и руководитель архитектурного бюро MAD Architects

Есть и абитуриенты, которые выбирают профессию архитектора, не имея специфического художественного бэкграунда. Зачастую школьник, имея интерес к смежным с архитектурой дисциплинам – математике, физике, черчению, инженерным наукам, строительству, – решает объединить свои интересы и реализовать их в профессии архитектора. Развитое логическое мышление позволяет в процессе обучения легко воспринимать такие базовые предметы, как сопромат, начертательная геометрия, статика, архитектурная физика и другие точные науки.

«Я серьезно выбирал между научными и практическими дисциплинами. Мне математика нравилась, физика еще нравилась и до сих пор нравится. У меня мышление математическое».

– **Тимур Башкаев**,
руководитель архитектурной мастерской «АБТБ»

Так что архитектором скорее не рождаются, а становятся. Профессия архитектора – это результат тяжелого и упорного труда, сначала в вузовских стенах, а затем в архитектурных бюро. Решение стать архитектором – как правило, результат особого стечения обстоятельств. Пример родителей или специальная подготовка в архитектурных студиях в детском возрасте воспитывает в человеке любовь к архитектуре и направляет его на творческий путь. Преподаватель, который отмечает успехи ребенка и его способности, может во многом определить выбор профессиональной области для абитуриента. И хотя создать единую матрицу, описывающую систему всех возможных карьерных путей и обстоятельств, приведших человека к выбору профессии, затруднительно, можно вывести закономерности.

- Посредством специализированной дошкольной и дополнительной подготовки (художественная школа, детские архитектурные студии).
- Посредством специфической первичной социализации (семья архитекторов, инженеров, строителей).
- Через интерес к смежным дисциплинам (физика, рисунок, черчение).

Особенности российского архитектурного образования

Проведенное исследование помогло выявить сильные и слабые стороны выпускников отечественных и зарубежных архитектурных вузов. Российское архитектурное образование характеризуется фундаментальностью, высоким уровнем теоретической подготовки, технической сложностью и художественной направленностью. Обсуждение отечественного архитектурного образования с экспертами, которым удалось поработать с зарубежными специалистами, показало, что наши вузы выпускают достойных специалистов, они ценятся в ведущих мировых архитектурных бюро, однако имеют слабое представление об особенностях рынка недвижимости, им недостает навыков общения с заказчиком и командной работы.

Говоря об особенностях именно российского образования, стоит в первую очередь отметить процесс поступления. Как правило, вузы принимают студентов «через руку» – проверяя художественные навыки абитуриентов, способность к построению композиции, черчению, а также уровень общеобразовательной подготовки. Классические архитектурные вузы не ориентируются при отборе абитуриентов на особенности их мышления, стилистические и эстетические предпочтения, ключевым критерием отбора остаются технические навыки. Современные же школы, такие как МАРШ, даже на бакалаврские программы отбирают абитуриентов по портфолио и обязательно проводят интервью.

«У меня был опыт обучения во Франции: там нет вступительных экзаменов – они поступают по собеседованию. Здесь это экзамен, связанный с ремеслом, – «через руку».

– Рубен Аракелян,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Отечественное образование построено по принципу «сначала теория, а затем практика». Многие практикующие архитекторы критикуют такое положение дел. Они сетуют на то, что первые курсы не дают реального представления о профессии архитектора и проектировании. Два года обучения посвящаются знакомству с теоретической базой и отработыванию исключительно художественных навыков. В зарубежных вузах студенты погружаются в практику с первых курсов. Так, например, программа британской архитектурной школы Бартлетт уже в первый год обучения включает дисциплины с погружением в исследовательское поле: студенты исследуют отдельно взятую территорию города, определяют ее потенциал, проектируют пространство¹⁶. На архитектурном факультете Массачусетского технологического института студентам первого курса предлагается отдельная дисциплина по исследованию и оценке качества городской среды¹⁷. Таким образом, студенты с самого начала обучения получают не только фундаментальную академическую, но и реальную практическую подготовку.

«В первые два года учебы у меня было классическое представление о профессии. Я думал, что архитектор – это зодчий с планшетом, который проектирует традиционные здания, такие как дом Бахрушина в Москве. У меня не было понимания, что архитектурная профессия изменилась и актуальны уже другие принципы работы».

– Рубен Аракелян,
сооснователь архитектурного бюро WALL

16 <https://www.ucl.ac.uk/bartlett/architecture/programmes/undergraduate/bsc-architecture>.

17 <https://architecture.mit.edu/disciplines/architecture-and-urbanism/subjects>.

«В первые два года учебы у меня было классическое представление о профессии. Я думал, что архитектор – это зодчий с планшетом, который проектирует традиционные здания, такие как дом Бахрушина в Москве»

Рубен Аракелян,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Российское архитектурное образование отличается широтой охвата и основательностью. В отечественных вузах воспитывают трудолюбивых архитекторов, которые уважают свое дело и трепетно относятся к архитектуре. Наши университеты придерживаются традиционного академического подхода к преподаванию дисциплин, необходимых архитектору. Эталонной школой в российской системе архитектурного образования является МАрХИ – учебное заведение, воспитавшее сотни успешных архитекторов, которые работают в ведущих отечественных и мировых бюро. Отработанная десятилетиями практика обучения в МАрХИ передается из поколения в поколение. Даже переходя из МАрХИ в другие вузы, преподаватели стараются заимствовать устоявшиеся там методики обучения – в итоге можно говорить о существовании в России более-менее единой системы архитектурного образования.

Как показало исследование, студент архитектурного вуза в России имеет возможность обучаться у ведущих практикующих архитекторов, получая таким образом шанс быть замеченным потенциальным работодателем. Работа с профессионалами заражает студентов, мотивирует их работать эффективно и заранее выстраивать дальнейшие траектории развития. Преподаватели учат любить профессию архитектора и воспитывают уважение к ней, что позволяет студенту гордиться сделанным им выбором. Архитекторы часто говорят о роли преподавателя как причине их успешности. Именно преподаватель становится свидетелем профессионального роста ученика, отмечает недостатки и сильные стороны сделанной им работы. Часто преподаватель становится первым работодателем или проводником в профессиональную среду.

«Мне очень повезло, что случайным образом мне на пару лет достался очень хороший преподаватель – Александр Михайлович Барщ. Он там появился и сразу ушел. Не то что он меня чему-то учил, просто был очень харизматичный персонаж, интересная личность, увлеченный своим делом. Действительно, это самое главное в архитектурном образовании. Просто то, как он сам к этому относился, – он увлекал этим делом просто. Способ презентации, рассказа о проекте, как обдумать его, обсуждать, делать, какой-то задор – это самое главное, что я от него получила».

– **Ната Татунашвили**,
основатель архитектурного бюро Nowadays

Отечественное образование формирует представление об архитектуре как о сложной и требующей усердного труда профессии. Значительная нагрузка, которая ложится на плечи студентов, учит работать в поте лица, добиваясь признания преподавателя и высоких оценок. Выходя на рынок труда, студенты готовы к тяжелому труду, монотонной работе и решению задач в условиях стресса.

«МАрХИ нравится в том плане, что они понимают, что работать в архитектуре – это не только красиво и glamurno, а это такой каторжный труд еще плюс ко всему. Это очень полезное понимание».

– **Эрик Валеев**,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Ключевой недостаток российского архитектурного образования – нехватка прикладных дисциплин. Углубленное изучение теоретических основ архитектурной специальности и позднее погружение в реальную практику проектирования отрывают российское образование от настоящей рабочей среды в отрасли. К тому же отечественные вузы редко сотрудничают с действующими архитектурными бюро и чаще всего не одобряют практику совмещения учебы с работой, что мешает студентам получать практический опыт вне университетских стен. В итоге выпускники-архитекторы не готовы к работе с настоящими проектами, к возникающей при этом ответственности.

«Зачастую они не думают о том, как материализовать свои идеи. В известной степени боятся точек пересечения своих идей с возможной эксплуатацией здания. Избегают проблем, которые возникают в связи с согласованием проекта».

– **Сергей Чобан**,
руководящий партнер архитектурного бюро Speech

Оторванность от практики характерна и для самого образовательного процесса. Архаичность методов преподавания и упор на изучение довольно давних проектов и примеров не позволяют студентам получить представление об актуальных тенденциях в мировой архитектуре.

«Все знают только Заху Хадид и Нормана Фостера. Отчасти это вина студента, ведь образование – это, прежде всего, самообразование. Но, конечно, и вина преподавателя – почему не рассказывали? Почему приходят и учат каким-то капителям, почему они не говорят, кто вообще в этом контексте работал?»

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Еще один важный недостаток российского архитектурного образования – нехватка информации о специфике ведения дела, об общении с заказчиком и работе в команде. Выполняя индивидуальные проекты, студенты привыкают действовать в одиночку, односторонне оценивают стоящие перед ними задачи, не развивают критическое мышление. Выпускники затем тяжело встраиваются в рабочую атмосферу проектного бюро и зачастую совсем не готовы выстраивать коммуникацию с коллегами и заказчиками.

«Это главная проблема образования – отсутствие навыков ведения профессии».

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь архитектурного бюро WALL

«В США, к примеру, студенты чаще всего работают не в команде, а в одиночку. Там высшее образование очень дорогое, и, соответственно, заплатив большие деньги за программу, студент хочет вести все свои учебные проекты самостоятельно. В командах там тоже работают, но редко. В Европе – в Бельгии, Германии или Великобритании – студенты чаще работают в группах или совместно с профессором. Нам над этим надо работать. Хотя, конечно, изменить это нелегко, ведь в университетах и колледжах сложная система бюрократии. Но менять это надо обязательно. Потому что в реальной жизни архитекторы все же работают не в одиночку, а совместно с другими специалистами».

– **Хинес Гарридо**,
сооснователь архитектурного бюро Burgos & Garrido
Arquitectos Asociados (Мадрид)

Работодатели говорят о распространенной болезни выпускников – нехватке исследовательской базы в процессе разработки концепции и проектирования. Российских студентов зачастую обучают исключительно техническим, слишком традиционным навыкам профессии. Их редко знакомят с современными методами и технологиями, они приучены выбирать традиционные. Отсутствует и навык изучения градостроительного контекста – необходимый аспект деятельности современного архитектора. Ни один объект не может быть построен обособленно от сложившейся градостроительной ситуации. Игнорирование исследовательского этапа в ходе разработки концепции часто негативно отражается на результатах проектирования.

«Не дали исследования, понимания целостной картины: что, зачем, для чего, как взаимодействует архитектура?»

– **Эрик Валеев**,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Особенности зарубежного архитектурного образования

Зарубежное архитектурное образование имеет более четкую структуру. Оно приучает к четкому соблюдению определенного регламента, за рамки которого иностранные специалисты выходят редко. Студенты-архитекторы в зарубежных вузах осваивают навыки, последовательно изучая тематические блоки. Им с ранней стадии обучения приходится выбирать узкую специализацию. С одной стороны, такой принцип образования позволяет получать на выходе хорошо подготовленных специалистов. С другой – такая организация учебной программы не позволяет студентам попробовать все грани профессии и выбрать понравившуюся специальность. Наличие широкого набора навыков у российских выпускников делает их куда более универсальными сотрудниками.

«За рубежом обучение разбивается на тематические блоки. Таким образом, студент в правильной последовательности обучается ремеслу, не получая ненужных для будущей профессии предметов».

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Зарубежные вузы больше ориентированы на существующую практику. Их выпускники имеют более четкую картину профессиональной архитектурной среды: они лучше понимают процесс реализации идей, более ответственно подходят к выбору материалов и разработке общей концепции.

«С иностранцами очень круто работать. Они работают на прецедентах – они много видели, знают, путешествуют. Когда с ними работаешь, они всегда говорят: а вот это сделаем так, как тут, а ограждение – как там».

– **Ольга Алексакова**,
сооснователь архитектурной мастерской Buromoscow

Сравнительный анализ качественных характеристик российского и зарубежного архитектурного образования

Отечественное образование

Зарубежное образование

<p>Процесс обучения</p>	<p>Фундаментальность, обширная и качественная теоретическая подготовка</p>	<p>Игнорирование градостроительного контекста, работа с абстрактными проектами</p>	<p>Освоение теоретических и практических основ архитектуры единовременно</p>	<p>Необходимость выбора специализации с ранних лет</p>
<p>Погруженность в практический контекст</p>	<p>Возможность работы с практикующими архитекторами; перспектива трудоустройства</p>	<p>Отсутствие взаимодействия между вузами и практикующими бюро, сложности при совмещении учебы и работы</p>	<p>Работа строится на прецедентах и современном опыте, подробно изучается современный градостроительный контекст</p>	<p>Студенты бакалавриата редко устраиваются на работу – они оторваны от настоящей практики</p>
<p>Hard skills (профессиональные навыки)</p>	<p>Возможность знакомства с различными методологиями, стилями исполнения и подходами</p>	<p>Нехватка учебных дисциплин, обучающих исследовательским навыкам</p>	<p>Узкая специализация выпускников и высокий уровень подготовки</p>	<p>Слабые технические навыки, в т.ч. в изучении ПО</p>
<p>Soft skills (гибкие навыки)</p>	<p>Воспитание трудолюбия и умения работать в условиях стресса</p>	<p>Нехватка учебных дисциплин, обучающих навыкам ведения дел, общению с заказчиками</p>	<p>Умение отстаивать свои идеи и индивидуальное видение проекта</p>	<p>Четко регламентированные обязанности и неспособность выходить за рамки</p>

**«С иностранцами
очень круто работать.
Они работают на
прецедентах – они
много видели, знают,
путешествуют»**

56

Ольга Алексакова,
сооснователь архитектурной
мастерской Vuromoscow

«Я бы сказал, что глобально молодые специалисты, которые приходят из высших школ в Германии, все-таки в большей степени нацелены на практику и имеют большее понимание, как практически реализовать ту или иную идею в деталях, чем сотрудники, приходящие к нам здесь».

– **Сергей Чобан**,
руководящий партнер архитектурного бюро Speech

Зарубежные студенты отличаются четким целеполаганием. Обучаясь по модульной системе и последовательно проходя все необходимые дисциплины, студенты учатся с ранних лет потреблять информацию порционно, понимая, для чего им требуются те или иные знания. Выбирая специализацию с ранних стадий обучения, студенты погружаются в предметную область и к моменту выпуска готовы к решению конкретных задач – пусть лишь в узком спектре возложенных на них обязанностей.

«Там нет ста тысяч предметов, там четко сгруппированы четыре тематических кластера: первый – теория, второй – проекты, третий – навыки, четвертый – конструкция. Студент получает огромный набор знаний очень компактно и точно».

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Переход к практике

Переход к практическому применению полученных навыков – важный и не самый легкий этап для любого архитектора. Многие студенты стараются получить практический опыт уже параллельно с обучением, а заодно понять, каким образом устроен мир реального проектирования, и попытаться добрать знания, недополученные в вузе. Однако есть и те, кто первый рабочий опыт получает только после диплома. Таким выпускникам сложно войти в круг практикующих архитекторов, они зачастую боятся ответственности, им не хватает навыков и реального опыта.

Студенты и выпускники часто получают свою первую работу благодаря преподавателям, заметившим их во время учебного процесса, проектной деятельности. Преподаватели – практикующие архитекторы нередко приглашают наиболее способных студентов к себе в бюро или рекомендуют знакомым, которые могут дать работу. Преподаватель, уже составив представление о том, что он получит от студента на выходе, снижает риски, которые могли бы возникнуть при приеме на работу незнакомого специалиста.

«Ни разу не взяли по портфолио, все идет по рекомендациям кого-то, или берем на тестирование. Портфолио ничего не говорит толком о человеке, как он работает в коллективе, как он реагирует. Берем на испытательный срок – месяц, два, иногда бесплатно, иногда за небольшие деньги, – проверяем, а потом дальше уже видны все умения и способности».

– **Тимур Башкаев**,
руководитель архитектурной мастерской «АБТБ»

Говорить о преимуществах рабочего опыта нет необходимости. Работа с настоящими проектами составляет для архитекторов полноценную часть образовательного процесса – она демонстрирует воплощение задуманной на бумаге идеи, дает возможность ощутить на себе все этапы реализации проекта. В бюро учат общаться с заказчиками, работать в команде, вести как внутренние, так и внешние коммуникации. Нередко именно первый работодатель становится для юного архитектора ментором, который направляет и подсказывает, заражает любовью к работе, делится творческой энергетикой и помогает решать возникающие проблемы. Руководителю рабочего коллектива отводится нелегкая роль: он должен разглядеть в начинающем работнике сильные и слабые стороны, дать ему подходящие задания, выполняя которые тот сможет раскрыть свой потенциал. Не завалить молодого архитектора рабочими чертежами, где легко потерять себя, а дать простор для творческой работы.

«Юрий Григорян, наш руководитель, – он, видимо, почувствовал, что человек пришел после института и находится на высоком творческом уровне, у него очень высокая творческая энергетика. Его можно посадить – как я работал на пятом курсе в другом бюро – на «рабочку», чтобы он действительно был на подхвате, и эта творческая энергетика очень быстро может выветриться. Так происходит с большинством вчерашних студентов, даже с теми, кто в институте был довольно сильным».

– Михаил Бейлин,
сооснователь архитектурной группы
«Горожане» / Citizenstudio

Многие практикующие архитекторы говорят о ценности совмещения работы и образования. Именно синтез двух различных опытов – теоретического российского образования и работы над реальными проектами в бюро – дает неоценимый набор навыков и повышает конкурентоспособность молодых архитекторов. Совмещение работы с образованием, как показывает исследование, не поощряется вузами, так как требует от студентов значительного количества времени и усилий. Однако, как показывает практика, студенты стараются как можно раньше выйти на рынок труда и получить представление о выбранной ими профессии. Недостаток практического опыта – причина раннего прихода в профессию.

«Если работать и не посещать институт, ты просто свалишься в какую-то прикладную рутину, не будет какого-то внутреннего желания, амбиций. Это две такие вещи, которые обязательно необходимо совмещать. Здорово, если бы институт это поощрял, потому что приходилось часто в ущерб работать, пропускать, придумывать, что можешь пропустить».

– Эрик Валеев,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Выход на работу начинающего архитектора часто сопровождается переживаниями и сомнениями насчет своей профессиональной пригодности, сложностей совмещения работы и учебы, возлагаемой ответственности. Несмотря на эти сомнения и страхи, успешные сегодня архитекторы с удовольствием описывают места своей первой работы, с уважением и благодарностью вспоминают первого работодателя. Однако все без исключения признают, что поначалу испытывали трудности и страдали от отсутствия практических навыков – чаще всего упоминают навык построения коммуникации с заказчиком, работы в команде, а также нехватку исследовательского опыта.

Привыкнув за годы обучения в институте выполнять индивидуальные проекты, молодые сотрудники архитектурных бюро часто не понимают механизмы работы в команде, не умеют делить с другими зоны ответственности и не способны делегировать часть обязанностей. Не имеющему, как правило, навыков самопрезентации студенту или выпускнику тяжело отстаивать придуманную концепцию, убеждать в целесообразности своей идеи, признавать свои ошибки. Именно поэтому многие практикующие архитекторы убеждены в необходимости введения в образовательный процесс командных проектов, чтобы обучать навыкам самопрезентации и коммуникации.

«Это дисциплинирует тебя, это совсем другое образование. Детский дилетантский наивный подход исчезает. Понимаешь, что все это реально, по-настоящему. Ты не провел линию, не указал размеры – человек разозлился и не заплатит деньги за работу. Человек это понимает».

– Рубен Аракелян,
сооснователь архитектурного бюро WALL

«Навыки коммуникации очень важны. Творческая часть составляет только 5% нашей работы, 45% – это непосредственно производство, рисунок от руки или на компьютере, а оставшиеся 50% – это общение. Архитектор – это не писатель, который может уединиться в хижине в горах на несколько месяцев и создать шедевр в одиночестве. Мы должны постоянно общаться и налаживать контакт с людьми. Про каждый проект можно написать целый роман – про то, сколько для него потребовалось усилий дипломатии».

– Минсук Чо,
руководитель архитектурного бюро
Mass Studies (Сеул)

Создание собственного бюро

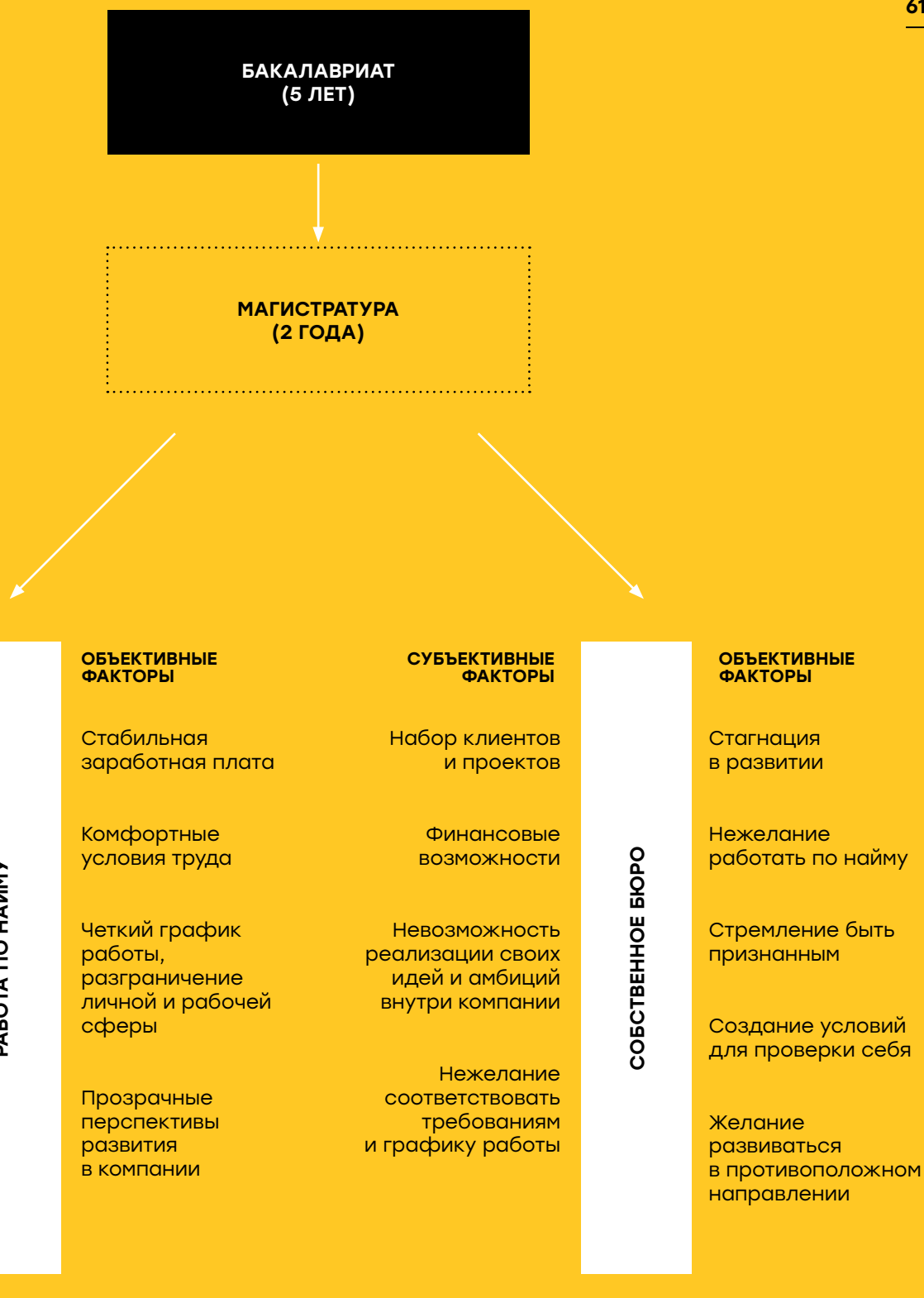
Проработав некоторое время как наемные сотрудники, многие архитекторы решают создать собственное бюро. К такому решению может подтолкнуть множество причин, их можно разделить на объективные и субъективные.

Объективные факторы, которые приводят архитекторов к идее создания собственной компании, довольно прозрачны. Нарботанный список клиентов и актуальные заказы могут вселить уверенность и вдохновить на открытие собственного дела. Имеющиеся финансовые возможности и капитал тоже помогают сделать такой шаг: уверенно стоящий на ногах архитектор может позволить себе те экономические риски, которые не по силам начинающим работникам. Распространенная причина для перехода к работе на себя – тупик, в который зачастую заходят те, кто долгое время работает в бюро. Архитектору, работающему под чьим-то началом, бывает затруднительно реализовывать свои идеи и амбиции. Обязанность следовать стилю бюро, соответствовать требованиям руководителя и согласовывать проектные решения демотивирует многих. Стремление выработать свой уникальный стиль, реализовать давно задуманные идеи и найти новые грани способностей толкает к созданию собственного бюро.

«И в этом была какая-то честность, в общем-то. Мы не делали какие-то проекты за спиной нашего руководителя. Мы занимались творчеством, мы сами от этого очень сильно росли. Мы отлаживали свое взаимодействие и вообще выработывали творческий подход».

– Михаил Бейлин,
сооснователь архитектурной группы
«Горожане» / Citizenstudio

Мотивации развития
карьерной траектории

Отдельное бюро позволяет архитектору работать в собственном темпе, без обязанности приходить в офис и следовать правилам конкретного бюро, и нащупать собственный стиль работы.

«Мне было понятно к концу этого периода, что я не могу больше работать в офисе. Я очень недисциплинированный человек, и даже любая видимость какого-то графика или регламента сильно меня деморализует. Это моя боль. У меня не было мысли создать свое бюро, чтобы что-то. У меня была мысль, что я не могу работать в офисе, мне нужно найти другой формат».

– **Ната Татунашвили**,
основатель архитектурного бюро Nowadays

Из субъективных причин в первую очередь стоит выделить желание развиваться, выйдя за рамки комфортных условий, созданных работодателем. Стабильная зарплата, привычный график и контроль над выполнением заданий часто расслабляют сотрудников и снижают уровень их амбициозности. Неудовлетворенность из-за отсутствия профессионального роста и стремление выйти из зоны комфорта рождают мысль о необходимости организовать собственное дело, проверить себя на прочность, получить новый опыт и навыки.

«Рем Колхас ставил передо мной столько разных задач, я многому у него научился. Не только в архитектуре, но и в общем жизненном плане. Благодаря ему я стал уверенным в себе и понял, что способен вести свое бюро. По сути это было схоже с ощущением, будто я вдруг решил прыгнуть со скалы и полететь. Все это казалось нерациональным, но мне вдруг захотелось работать в одиночку».

– **Минсук Чо**,
руководитель архитектурного бюро Mass Studies (Сеул)

«Я почувствовал через год или полтора работы, что не хватает именно движения. Что именно этот навык создает очень опасную ловушку, когда всем нравится, тебе нравится, получаешь серьезные деньги, но нет ни у кого желания дальше человека развивать. Пришлось просто уйти, отказаться еще от огромного количества очень заманчивых предложений и пойти просто начать делать с нуля что-то свое».

– **Эрик Валеев**,
основатель и руководитель архитектурного бюро IQ Studio

Стремление к лидерству также может стать поводом для ухода в свой бизнес – желание не работать в команде, а реализовывать придуманные концепции, заявляя собственное авторство. Способности к управлению и самоорганизации благоприятны для выхода в свободное плавание.

«Мне казалось – по моим амбициям, по складу характера, – что я лидер, мне тяжело кому-то подчиняться. Тяжело было».

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь бюро WALL

Важно отметить, что создание собственного бюро – вовсе не обязательный этап карьерного пути архитектора. У многих практикующих специалистов не возникает желания открыть бюро, они готовы развивать свои навыки внутри компании, работая по найму. Для многих бремя ведения бизнеса – лишнее испытание, которое может помешать творческому развитию.

«У большинства практикующих архитекторов нет собственного бюро. Мне кажется, это тоже прекрасно. Кто-то видит свою роль не в качестве лидера, а как часть целой команды. Необязательно каждому быть дирижером. Ведь оркестру также необходимы отдельные скрипачи и другие музыканты».

– **Минсук Чо**,
руководитель архитектурного бюро
Mass Studies (Сейл)

Работа по найму обеспечивает стабильную зарплату, помещение для работы, поток заказов и не требует принимать судьбоносные решения – все это ложится на плечи работодателя. Старт собственного бизнеса сопряжен с выходом из такой зоны комфорта: возникает необходимость брать на себя ответственность, самостоятельно искать заказчиков, продавать идеи и поддерживать многоуровневые коммуникации. Отсутствие заказов, базы клиентов – один из самых серьезных барьеров для начинающих предпринимателей. Многие участники рынка игнорируют новые компании или настороженно к ним относятся. Для преодоления этого барьера бюро необходимо зарекомендовать себя, создать себе репутацию, наработать портфолио и узнаваемый стиль – на это требуется время и немалое количество ресурсов.

«Поначалу, конечно, основная сложность была в том, что не было достаточного количества заказов. И было несколько критических моментов, когда мы понимали, что, если со дня на день не появится заказ, мы вынуждены будем закрываться. Первые два – два с половиной года были очень нервными в этом смысле».

– **Мария Николаева**,
основатель и руководитель архитектурного
бюро MAD Architects

Единоличное ведение бизнеса, как правило, невозможно – возникает необходимость создавать коллектив, выстраивать внутренние каналы коммуникации, правильно делегировать обязанности, следить за эффективным выполнением задач, поощрять сотрудников, применять санкции, разрешать внутренние конфликты. Управление рабочими процессами требует изучения психологических особенностей поведения людей, особых менеджерских навыков и понимания механизма ведения бизнеса в целом. Наемные работники не сталкиваются с подобными проблемами – они обычно решаются «за кулисами», где-то в кабинетах начальников. Но в собственном бюро архитектор обязательно столкнется с управленческими задачами, и на преодоление этих сложностей будет потрачено немало времени.

«В этом плане очень важно чувствовать настроение бюро. Не нравится – давай по-другому сделаем. Эти вещи важно поддерживать и улавливать. Это и есть работа руководителя – чувствовать оркестр, что там происходит. Приходится очень много изучать и читать книг по психологии общения с людьми».

– **Рубен Аракелян**,
сооснователь архитектурного бюро WALL

«Это либо общение со сторонними людьми, которых ты убеждаешь в правильности своей задачи, или общение с членами твоей команды. Их тоже нужно убедить в том, что то, как ты эту задачу решаешь, верно. Потому что иначе они будут работать без мотивации. Неважно, какую зарплату ты им платишь. Если они не убеждены в том, что путь правильный, то процесс будет гораздо более сложным. Их тоже нужно изначально убедить в том, что то, чем ты занимаешься, и то, как ты этим занимаешься, верно».

– **Сергей Чобан**,
руководящий партнер архитектурного бюро Speech

**«Архитектор –
это дирижер оркестра.
Он должен понимать
всех участников
процесса и знать
к каждому из них
подход. Так, чтобы все
были довольны»**

Хинес Гарридо,
сооснователь архитектурного бюро Burgos & Garrido
Arquitectos Asociados (Мадрид)

Создание собственного архитектурного бюро – решение, к которому некоторые архитекторы идут годами, а некоторые приходят внезапно, в силу стечения обстоятельств. Мало кто бывает готов ко всем трудностям, которые неизбежно возникают при открытии своего дела: решение множества управленческих задач, поиск собственного стиля, общение с заказчиками и продажа своих проектных решений. Но в итоге все это лишь закаляет и выводит архитекторов на принципиально новый уровень в профессии.

«Архитектор – это дирижер оркестра. Он должен понимать всех участников процесса и знать к каждому из них подход. Так, чтобы все были довольны. При этом это должно происходить как можно более естественно».

– **Хинес Гарридо**,
сооснователь архитектурного бюро Burgos & Garrido
Arquitectos Asociados (Мадрид)

Новое поколение студентов

Современные российские студенты-архитекторы отличаются и от студентов предшествующих поколений, и от зарубежных сверстников. Работодатели в данном вопросе разделились на два лагеря: кто-то склонен хвалить современных студентов за их тягу к знаниям, навыки работы с компьютером и широкий кругозор; другие утверждают, что сегодняшние студенты не готовы к выходу на рынок, у них не хватает значительного количества навыков, как технических, так и коммуникационных. Несмотря на такое разделение, работодатели с удовольствием принимают на работу молодых специалистов, берут на себя ответственность во возвращении квалифицированных кадров, относятся с уважением и пониманием к вчерашним выпускникам. Как показывает практика, студенты или выпускники приходят в компанию либо через стажировки, либо на начальные позиции, проходя классические этапы собеседования, просмотра портфолио и испытательный срок. Нередко молодых специалистов отбирают непосредственно на учебном месте – потенциальные работодатели могут быть преподавателями – или на выставках студенческих работ.

«На мой взгляд, студенты хорошие, целеустремленные, ответственные, умеют решать задачи. Что не умеют, они спрашивают, просят помощи. Это абсолютно нормально. Я бы порекомендовал, чтобы человек, понимая свои слабые и сильные стороны, специфику своего характера, выбирал, на чем специализироваться. Пусть человек не очень хорошо проектирует с точки зрения креатива, но он супер в BIM. Нам такие специалисты нужны. Другой человек, может быть, в BIM средненький, но зато очень хорошо визуализирует и креативит».

– **Антон Надточий**,
сооснователь архитектурной мастерской «Атриум»

Российская классическая архитектурная школа, традиции которой чтут и хранят преподаватели МАрХИ, задает определенные рамки, и студентам редко удается за них выйти. Работодатели часто сетуют на то, что у выпускников нет понимания специфики работы над архитектурными проектами. Отсутствие прагматизма во многом обусловлено особенностями традиционного образовательного процесса, который в большей степени ориентирован на теоретическую, нежели прикладную подачу материала. Новые школы, выбравшие современные, заимствованные с Запада подходы к архитектурному образованию, стараются с самого начала настроить студента на прагматичное выполнение поставленных задач. Там учат реалистичному подходу: объясняют, из чего складывается работа архитектора, какие трудности возникают во время работы с проектом и каковы пути их решения.

«Почти ни у кого нет четкого представления, четкого понимания, правильного алгоритма работы с проектом – с чего все начинается, как нужно анализировать, как нужно определять. Хотя вроде бы в последнее время этому учат, во всяком случае, в МАрХИ начали учить, в МАрШ этому учат, но тем не менее это все происходит мимо».

– Владимир Плоткин,
партнер, главный архитектор ТПО «Резерв»

Коммуникационные навыки – еще один пробел выпускников. Они приучены к выполнению индивидуальных заданий и привыкли представлять проекты на суд преподавателей без авторской презентации. Студентов редко учат отстаивать свои проектные решения, аргументировать и дискутировать. Им зачастую легче согласиться с критикой и переработать проект, нежели убедить в силе своей идеи. Критическое мышление – важный навык для толкового специалиста. Только возможность посмотреть на идею с разных точек зрения, оценить ее слабые и сильные стороны делает сотрудника по-настоящему ценным.

«Архитекторов не учат общаться вообще. Поскольку в МАрХИ все проекты делают индивидуально, ты сидишь делаешь проекты сам с собой, не разговариваешь ни с кем, не говоришь. Так все гораздо проще. Это совершенно другой навык – уметь кому-то что-то объяснить».

– Рубен Аракелян,
сооснователь архитектурного бюро WALL

Получение заветного диплома вызывает у вчерашних студентов иллюзии по поводу их профессиональной подготовки и достаточности знаний. Сложность и трудозатратность высшего архитектурного образования могут надолго отбить желание возвращаться к учебе в будущем. Однако это опасная ловушка: для архитектора важно не потерять настрой непрерывно учиться, развиваться дальше, расширять кругозор, осознать свои слабые стороны и попытаться исправить их. К тому же стремление к учебе помогает специалисту держать руку на пульсе новых открытий и течений.

«Есть такой момент: люди, которые освоили компьютер, вдруг получают блестящий результат, очень красивая картинка, перспектива, образ здания – и сразу возникает ощущение, что я все знаю и все смогу сделать. Поэтому важно не потерять желание учиться. Желание учиться должно перебить излишнее ощущение, что ты уже все можешь сделать».

– Александр Асадов,
творческий руководитель Архитектурного бюро Асадова,
главный архитектор МАХПИ им. академика Полянского

Немало претензий работодатели предъявляют к техническим знаниям студентов, отмечают нехватку знаний о конструкциях зданий и о специфике строительного процесса. Зачастую речь идет об отсутствии у некоторых выпускников базовых знаний, необходимых архитектору.

«Не хватает, безусловно, строительной базы, потому что не преподают строительный модуль. Никто ничего не знает, отсутствует прямо банальная теория по строительству. А это важно, даже когда садишься за самый простой объект, все равно надо понимать принципы строительные».

– **Ольга Алексакова**,
сооснователь архитектурной мастерской Vugomoscow

«В какой-то степени приходящие выпускники, как ни странно, не очень хорошо представляют, как работает конструкция, не очень точно знают части здания, хотя основные азы в институте достаточно подробно и в доступной форме излагались».

– **Владимир Плоткин**,
партнер, главный архитектор ТПО «Резерв»

Критерии отбора работников

Насущный вопрос для любого студента и выпускника архитектурного вуза: как получить работу мечты? Исследование показало, что критерии отбора сотрудников зависят от специфики бюро и от его руководителя. Где-то основным критерием служит интересное и разностороннее портфолио, в другом месте это наличие специфических навыков, в третьем в первую очередь смотрят на рекомендации. Предугадать критерии отбора в конкретном месте сложно, однако можно составить примерный необходимый перечень для того, чтобы вероятность принятия на работу была выше.

Первый критерий – это **портфолио**. Сложно найти бюро, в котором не просили бы представить портфолио. Оно служит лакмусовой бумажкой для работодателя, благодаря которой тот может составить если не полное, то хотя бы предварительное представление об эстетических предпочтениях кандидата. В качественное, запоминающееся портфолио совсем не обязательно включать все сделанные работы. Смотрят в первую очередь на наличие единой концепции, способ подачи проектов, стилистическое оформление, выражение индивидуальности.

«Безусловно, первое впечатление оказывает портфолио. Даже то, что подобрал человек, уже его как-то характеризует, но в результате я все равно к нему достаточно сдержанно отношусь. Я говорю: «Дальше все покажет». Все равно ни одно портфолио не скажет, как мы сработаемся или не сработаемся, а там уже вступают человеческие качества, надежность, энергетическая совместимость».

– **Александр Асадов**,
творческий руководитель Архитектурного бюро Асадова,
главный архитектор МАХПИ им. академика Полянского

Вторым критерием может стать **уникальный навык**, благодаря которому кандидат на должность будет востребован: например, навыки 3D-визуализации или макетирования, формирование концептуальных решений. Профессионализм в одной узкой области может быть более ценной характеристикой, чем широкие познания во всех областях архитектурной профессии.

Третий критерий – **совпадение стиля бюро и вкусовых предпочтений кандидата**. Такой субъективный критерий, не зависящий от кандидата, на самом деле является решающим при наборе сотрудников. Работодатель старается отбирать себе в команду людей, которые подходят под его эстетические и моральные принципы в работе с архитектурой.

«Ставишь задачу. Если человек понимает, если он находится вообще на твоей волне, если ты только открываешь рот, а он уже продолжает и договаривает за тебя фразу, то, в общем-то, с ним работать можно».

– Владимир Плоткин,
партнер, главный архитектор ТПО «Резерв»

«Первый фильтр – пролистывание портфолио на очень быстрой скорости. Есть за что зацепиться глазу или нет. Это в первую очередь. Если глаз за что-то зацепился, то мы смотрим внимательнее именно на визуальную информацию, неважно, где портфолио было сделано и с кем. И потом беседуем, встречаемся, разговариваем. Пытаемся найти человека, который наш по духу, подходящий к нам, похожий на нас. Это главное. Чтобы и ему было комфортно с нами, и нам с ним».

– Ната Татунашвили,
основатель архитектурного бюро Nowadays

Четвертый и довольно очевидный критерий – **ремесленные навыки**. Широкий кругозор, глубокое погружение в архитектурный контекст и достойное образование – безусловно, прочный фундамент. Однако важнее иметь разнообразный практический опыт, развитое пространственное воображение и знание всех базовых основ архитектуры.

«Чтобы в наше бюро попасть, необходимо обязательно обладать ремеслом, то есть необходимо, чтобы человек умел делать красивые вещи и умел красиво это подать, а дальше уже на протяжении полугода или года всегда становится понятно, человек способен развиваться, хочет, надо ему или нет».

– Эрик Валеев,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

«Реально наиболее востребованы ребята, которые помимо институтской программы что-то делали – либо сами пытались себя реализовывать, либо дополнительно что-то изучали, читали и посещали. Это очень серьезно дает дополнительные возможности. Не такие академические отличники, которые в рамках заданной программы что-то выполняют».

– Сергей Труханов,
основатель архитектурного бюро T+T Architects

«Я стараюсь все время смотреть на то, что происходит вокруг. Обучение у города, обучение у того, как город живет, как живут те или иные здания, является для меня главным. Учиться надо всегда. Это абсолютно очевидно»

Сергей Чобан,
руководящий партнер
архитектурного бюро Speech

Еще один важный аспект – **наличие магистерского образования**. С внедрением Болонской образовательной системы многие путаются в различиях между степенями бакалавра и магистра. Для большинства работодателей главным ориентиром стала продолжительность обучения кандидата. Чем дольше отучился кандидат, тем больше у него опыта, тем выше его конкурентоспособность. Так, западные специалисты выделяют наличие магистерской степени как отдельного критерия для подбора специалистов.

«Мы отдаем предпочтение выпускникам со степенью магистра. Мне кажется, для нашей сферы деятельности шесть-семь лет учебы просто необходимы. Если у выпускника только степень бакалавра, получается, он учился только три года. Этого точно недостаточно».

– **Хинес Гарридо**,
сооснователь архитектурного бюро Burgos & Garrido
Arquitectos Asociados (Мадрид)

Саморазвитие и дополнительное образование

Концепция непрерывного образования оказывается крайне органична самой профессии архитектора. Технологии меняются и распространяются с невероятной скоростью, и то, что умел архитектор, условно говоря, вчера, сегодня может стать уже неактуальным. Именно поэтому для того, чтобы оставаться конкурентоспособными, специалистам необходимо постоянно стремиться к знаниям, непрерывно получать новые навыки и изучать новые грани ремесла. Исследование выявило основные способы получения новых знаний:

- информация, полученная из интернета;
- путешествия и критический анализ зарубежной архитектуры;
- внутренние курсы для сотрудников архитектурных бюро, к примеру, обучение новому ПО;
- самообучение и прохождение дистанционных курсов;
- чтение книг и печатных изданий.

«Я хотел еще сказать про самообучение. Институт не может дать полностью все прикладные навыки, которые нужны на работе. Он должен научить человека учиться, сделать так, чтобы человек любил учиться и хотел учиться в дальнейшем. Это тоже МАрХИ дал. Я, в принципе, все 10 лет постоянно учусь, перед сном смотрю лекции из Гарварда, Йельского университета, Массачусетского технологического института. Они сейчас все в сети. Это потрясающая возможность, абсолютно несравнимо с тем, что было 10 лет назад, – это небо и земля».

– **Эрик Валеев**,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Самый распространенный способ поддержания уровня знаний – постоянный поиск информации в интернете, благодаря которому доступ к актуальным данным достиг беспрецедентного уровня. Открытые лекции в ведущих архитектурных школах мира, научные исследования, обзоры свежих проектов, книги в свободном доступе – все необходимые для саморазвития материалы можно получить, не прилагая никаких специальных физических усилий. Правда, легкий доступ к информации во многом демотивирует студентов: жажда знаний у молодых архитекторов не столь высока, как у старшего поколения, которое получало образование в условиях дефицита учебных материалов и не могло свободно путешествовать по миру.

«Мы сейчас подписаны буквально на несколько печатных изданий. Например, на журнал Detail, потому что это сугубо специфическая, профессиональная информация, не обзорная, а уже специализированная. Через интернет подбираем какие-то книги, которые нам интересно иметь в печатном виде. В инстаграме я подписан на тех людей, которые меня интересуют, там появляются постоянные обновления. И конечно, путешествия – когда ты едешь, смотришь, видишь».

– **Антон Надточий**,
сооснователь архитектурной
мастерской «Атриум»

«Да, я стараюсь учиться. Я стараюсь все время смотреть на то, что происходит вокруг. Обучение у города, обучение у того, как город живет, как живут те или иные здания, является для меня главным. Учиться надо всегда. Это абсолютно очевидно».

– **Сергей Чобан**,
руководящий партнер архитектурного бюро Speech

«Не надо стесняться вот этого ощущения, что ты где-то отстал, где-то немного устарел. Осознание этого как раз постоянно двигает вперед. Нужно заставлять себя развиваться во всех аспектах. Ты даже то, что ты умеешь делать, должен учиться делать намного быстрее. Нужно постоянно критиковать свои подходы, работать и общаться как с другими архитекторами, так и с людьми соседних специальностей, потому что это невероятно расширяет твой кругозор».

– **Михаил Бейлин**,
сооснователь архитектурной группы
«Горожане» / Citizenstudio

Престиж профессии

Как показало исследование, в учебном плане российских школ, особенно в начальных классах, как правило, отсутствуют предметы, полезные для будущего архитектора. По сути, если родители ребенка не предрасположены к творческим специальностям, у него нет возможности стать архитектором без отдельной дополнительной подготовки. Зачастую отдать ребенка в детскую архитектурную студию или художественную школу решают именно родители, и именно там рождается интерес к специальности. Но если ребенок учится в обыкновенной школе и родители не настаивают на его творческом развитии, он может вообще не раскрыть имеющиеся у него архитектурные таланты. В своем исследовании мы задались вопросом, как избежать такой ситуации и какие методы популяризации профессии архитектора можно назвать сегодня.

В глобальном плане ключевая проблема кроется в снижении статуса архитектора в обществе. В советское время профессия архитектора ценилась больше, чем сегодня. Архитекторов-«зодчих» приравнивали к мастерам искусств, а сама архитектура была престижной областью знаний на стыке творчества и инженерных наук. Сегодня архитектор трактуется в большей степени как сугубо ремесленная, обслуживающая профессия. Пока архитектура не сможет восстановить свой престиж, выпускники школ не будут стремиться на эту специальность.

Увеличение количества качественной современной архитектуры, наполняющей улицы городов, даже самые отдаленные их части, может позитивно отразиться на отношении людей к архитектуре и профессии архитектора. Исследования неоднократно уже доказывали наличие связи между качеством окружающей среды и поведением людей. Повсеместное появление грамотно спланированных пространств способно повлиять на отношение общества к архитектуре и профессии архитектора.

«На мой взгляд, главный способ популяризировать архитектуру – это делать хорошие дома, красивые, правильные, умные, интересные, актуальные, контекстуальные, уместные. Мое совершенно четкое убеждение, что никакими другими методами никакую архитектуру популяризировать не получится».

– Эрик Валеев,
основатель архитектурного бюро IQ Studio

Сегодня профессии в области градостроения, архитектуры и дизайна приобретают принципиально новые формы: быть урбанистом, дизайнером интерьера или архитектором постепенно становится более престижно, чем это было раньше. С новыми трендами открываются и новые образовательные институции, которые ориентированы на просвещение широких масс в вопросах архитектуры и урбанистики. Этим занимается институт Стрелка», МАРШ, городские экскурсионные бюро и проекты («Москва глазами инженера», «Свобода доступа», «Велоночь»), организаторы публичных лекций в библиотеках и парках. Посещение таких мероприятий открывает слушателям новые горизонты, раскрывает новые грани городской жизни. Люди начинают больше задумываться об окружающем пространстве и способах обустроить его. Они осознают, что среда оказывает существенное влияние на доминирующие поведенческие паттерны в обществе. Отсюда повышающийся интерес к вопросам архитектуры и урбанистики.

«Сейчас начало как-то популяризоваться. Очень низкий был уровень внеклассного образования. Сейчас, слава богу, началась «Свобода доступа», «Москва глазами инженера», та же «Стрелка». Они как-то пытаются на уровне понятных красивых картинок доносить идеи. Но еще очень важно, чтобы водили на стройки, показывали и рассказывали».

– Сергей Труханов,
основатель архитектурного бюро T+T Architects

Мнения

Сергей Чобан 78

«Архитектор должен уметь защитить свою идею перед большим количеством оппонентов»

Рубен Аракелян 80

«Было сильное желание менять реальность и создавать свой мир»

Ольга Алексакова 83

«Архитектура, конечно, уникальное занятие, хобби на всю жизнь»

Антон Надточий **85**

«Большинство вузов выпускает просто среднестатистических хороших специалистов, но сегодня этого уже мало»

Даниил Никишин и Михаил Бейлин **88**

«Надо поддерживать в себе детское любопытство»

Мария Николаева **90**

«Развиваться в профессии и быть хорошим архитектором не значит обязательно иметь свое бюро»

Владимир Плоткин **92**

«В архитектуре не бывает идеальных и абсолютно точных решений»

Эрик Валеев **94**

«Архитектура – сложная, многодельная и очень стрессовая работа, требующая огромной самоотдачи и упорства»

Анатолий Белов **97**

«Я не сделал карьеры в традиционном понимании этого слова»

Минсук Чо **99**

«Рад, что мне довелось получить отчасти инженерное образование»

Тимур Башкаев **101**

«Все, что ты познаешь, обогащает твою работу»

Сергей Труханов **103**

«Первый руководитель – это очень важно для молодого специалиста в любой профессии»

Хинес Гарридо **106**

«Годы учебы надо использовать по максимуму»

Сергей Переслегин **108**

«Для архитектора важно, когда его работу понимают»

Ната Татунашвили **110**

«Я случайно попала в «Меганом» и именно там получила свое образование»

Евгений Райцес **112**

«Всему приходилось учиться на месте, руководствуясь просто здравым смыслом»

Сергей Чобан:

«Архитектор должен уметь защитить свою идею перед большим количеством оппонентов»

78

Как вы пришли в архитектуру?

С пятого класса я учился в средней художественной школе им. Иогансона в Ленинграде, окончил ее графическое отделение. Мне всегда очень нравилось рисовать историческую застройку родного города. Но со временем профессия архитектора, непосредственно причастного к процессу создания города, стала интересовать меня даже больше, чем искусство графики, и по окончании школы я поступил на архитектурный факультет Института Репина при Академии художеств.

Таким образом, у вас была настоящая художественная подготовка.

Художественная подготовка хороша, но для будущего архитектора, на мой взгляд, она должна быть более специальной. Например, я не понимаю, зачем рисовать гипсовую голову или писать натюрморт при поступлении на архитектурный факультет. Архитектор скорее должен уметь конструировать среду. И главное, он должен уметь защитить свою идею перед большим количеством оппонентов. Поэтому, мне кажется, будущему архитектору нужно как можно раньше рассказывать о его социальной роли. Ведь ему придется взаимодействовать

с представителями других профессий и разных слоев общества, которые заинтересованы в том, что будет построено на том или ином месте.

Вы говорите, что в какой-то момент получается прикоснуться к многообразию архитектуры, ее социальной и гражданской ответственности. Когда это произошло с вами?

Я понял это довольно рано. Во всяком случае, точно еще в институте. Архитектура – это всегда проект какого-то фрагмента будущей жизни, в необходимости которого приходится убеждать большое количество людей. Поэтому уверенность в правильности того, что ты делаешь, и умение объяснить это другим – действительно очень важная составляющая профессии.

Какими были ваши первые профессиональные шаги? Каких навыков вам не хватало, а в чем, наоборот, вы видели свои сильные стороны?

Мне кажется, что нам всем не хватает открытого и осознанного взгляда на окружающий мир. Не хватает в первую очередь собственных ответов на вопрос, что нам в этом мире нравится, а что нет. Например, когда мы начинаем делать проекты, мы

в первую очередь пролистываем журналы и онлайн-ресурсы. Хотя важнее, на мой взгляд, было бы внимательнее рассматривать города, где мы живем, оценивая пространства и детали, которые больше всего нравятся или, наоборот, сильнее всего раздражают. И конечно, будущего архитектора необходимо готовить к работе в коллективе. Сейчас во время учебы этому уделяется гораздо меньше внимания, чем требуется на самом деле.

Вам легче вырастить специалиста внутри своей команды или взять готового?

Готового взять вообще невозможно. Поэтому, будь это студент или молодой специалист, конечно, надо стараться растить его внутри команды. Это единственный способ привить человеку взгляды и ценности, принятые в компании, пробудить в нем гордость за причастность именно к этому коллективу.

Когда вы поняли, что хотите создать собственное бюро?

Я делал карьеру за границей, уехав из России в 1991 году в возрасте 29 лет. И одним из основных поводов для создания собственного бюро стала принятая в Германии система авторства проектов. Дело в том, что только в России существуют авторские коллективы, когда автором проекта считается и руководитель компании, и все основные сотрудники, которые работали над ним. А за границей ты не можешь быть сотрудником компании и одновременно автором проекта. Либо у тебя есть своя компания, ты являешься автором проекта и отвечаешь за результаты своего авторства, либо ты просто сотрудник. Если ты хочешь делать собственную архитектуру, ты должен организовывать свой офис.

Ваш опыт во многом уникален. В чем вы видите принципиальные различия западной и российской школ? В чем сильные и слабые стороны?

Выпускники архитектурных школ Германии в большей степени нацелены на практику и лучше понимают, как реализовать ту или иную идею в деталях. В России выпускники меньше думают в этом направлении и вообще мыслят более абстрактно, избегая точек пересечения своих идей с вопросами

согласования проектов или эксплуатации зданий. Поэтому так важно, на мой взгляд, вовлекать студентов в архитектурно-строительную работу как можно раньше, чтобы они видели, как реализуются идеи. Других же кардинальных различий между образовательными школами я, пожалуй, не вижу. Для профессионального становления молодого архитектора важно не только то, где и как он учился, но и то, где он начинает свою карьеру после обучения. Очень важно, на мой взгляд, чтобы он мог идентифицировать себя с тем, что он делает, и с бюро, в котором работает.

«Архитектура – это всегда проект какого-то фрагмента будущей жизни, в необходимости которого приходится убеждать большое количество людей. Поэтому уверенность в правильности того, что ты делаешь, и умение объяснить это другим – действительно очень важная составляющая профессии»

Рубен Аракелян:

«Было сильное желание менять реальность и создавать свой мир»

80

Почему вы пошли учиться в архитектурный институт? Чем вы руководствовались?

Прийти в архитектуру можно разными путями. Есть много примеров того, как люди разных профессий становились архитекторами. Когда у человека нет архитектурного прошлого, то картина порой получается гораздо интересней. Определение профессии очень размыто. Чем большими сферами знаний ты владеешь и чем шире твой инструментарий общения с миром, тем ты интересней как архитектор. Я рисую с детства, и мой путь в архитектуру лежал через искусство. Я хотел поступать в МГАХИ им. Сурикова. Но мне посоветовали идти в МАРХИ – там более комплексное и системное образование. В общем, я решил соединить воображение, сердце и разум.

У вас не возникло диссонанса после поступления? Может, ждали, что профессия архитектора более художественная?

В первые два года учебы у меня было классическое представление о профессии. Я думал, что архитектор – это зодчий с планшетом, который проектирует традиционные здания, такие как дом Бахрушина в Москве. У меня не было понимания, что архитектурная профессия изменилась и актуальны уже другие принципы работы.

На третьем курсе я поехал учиться во Францию на один семестр. Тогда у меня не просто поменялось сознание. Можно сказать, что я сменил религию.

Во Франции кардинально другой подход к студенту и к организации образовательного процесса. Там начинают проектировать с первого курса. Причем проектируют всегда в командах, ведь профессия архитектора не индивидуальна, а коллективна. Необходимо уметь распределять задачи и ответственность в команде, сотрудничать со строителями и инвесторами.

**«Чем большими
сферами знаний ты
владеешь и чем шире
твой инструментарий
общения с миром, тем
ты интересней как
архитектор»**

Мое понимание природы профессии и профессиональной культуры сформировалось на первых курсах учебы в МАРХИ, во многом благодаря замечательным преподавателям, в первую очередь Валерию Юрьевичу Орлову. Позже, на старших курсах, мне повезло познакомиться и перенять фундаментальные основы профессии у Андрея Борисовича Некрасова,

под руководством которого я в 2011 году защитил кандидатскую диссертацию. Третий скачок моего сознания произошел после знакомства с Юрием Григорьяном. Вплоть до пятого курса я не соприкасался с контекстом мировой архитектуры. У меня был навык исключительно академической работы: черчения, макетирования, визуализации. Юрий Эдуардович привил мне интеллектуально-философское видение мира, появилось понимание, что надо делать не «как» и «что», а «зачем». Эти подходы критического мышления очень помогли мне в работе над дипломом. А потом меня пригласили работать в бюро «Проект Меганом». Я согласился, хотя моим желанием было открыть свое собственное бюро.

А почему согласились?

Я не видел себя в российском архитектурном поле. Мне казалось, что самообразование и вызовы, которые напрямую сталкивают тебя с миром, воспитывают лучше. Мне казалось, что по амбициям и складу характера я лидер и мне будет тяжело кому-то подчиняться. Но звезды сошлись иначе. Есть слово «судьба». Я почувствовал, что нужно поработать в этом бюро, это определенная ступень.

Когда начали работу в бюро как молодой специалист, вы ощущали недостаток навыков и компетенций?

Главный недостаток лежит не в плоскости профессии, а в плоскости человеческого общения. В период образования многие архитекторы отстранены от навыков профессиональной коммуникации. К примеру, в МАрХИ студенты все свои проекты делают индивидуально. Когда нет пересечений и коммуникаций, работать гораздо проще. Нет необходимости объяснять и доказывать свою позицию. Но способность объяснять – это отдельный навык. И в общении с заказчиком важно не скатываться на личности, а оставаться в рамках профессионального диалога при обсуждении проекта.

Сейчас у своих сотрудников вы видите эти недостатки?

Да. Я вижу, как первый час они общаются, а ко второму часу уже скатываются к оскорблениям.

У многих не хватает терпения и аргументов. В таком случае легче перейти на личное. Человек расслабляется и говорит: «Я сам сделаю». Если ты с кем-то общаешься или кем-то руководишь, самое страшное – это сказать, что сам сделаешь быстрее. Это во многом стагнирует процесс. Надо уметь передать коллегам полномочия, объяснить и, главное, вдохновить их.

Вы всегда стремились создавать что-то свое?

Подсознательно – да, но по факту – нет. У меня был интересный путь в бюро «Проект Меганом», где я работал с 2007 года. С Юрием Эдуардовичем я преподавал вместе около пяти лет. Мы ежедневно плотно общались по работе и сблизились как люди. Но в 27–29 лет мир меняется очень быстро. В какой-то момент ты доходишь до определенного потолка и хочешь расти дальше. Понимаешь, что находишься в определенной среде, которая создана не тобой. Но ты не можешь взять и ускорить вращение Земли, ведь не ты ее породил.

Другая причина – это стабильность: стабильная работа, зарплата. А в мире люди с ума сходят. Было сильное желание менять реальность и создавать свой мир. Поэтому я решил устроить собственную микрореволюцию и отправиться вместе с моим партнером в неизведанное.

Нам казалось, что на рынке в России есть огромный провал преемственности архитектурных поколений. Мои наблюдения выявили профессиональный цикл поколений в 20 лет. Есть Юрий Григорьян, Сергей Скуратов, Сергей Чобан, Евгений Асс, к следующему циклу можно отнести Александра Цимайло, Николая Ляшенко, Юлия Борисова, а дальше – профессиональная пропасть, ничего нет. Получается, будущего поколения архитекторов в России нет. Это странно. К примеру, в Испании их десятки тысяч, шаг преемственности в профессии – три года. Смотришь публикации на ArchDaily: там уже работы архитекторов, рожденных в конце 1980-х годов. Это рождает множество вопросов, как может быть шаг в 20 лет?

В нашей стране конкуренции, эквивалентной европейской, нет. Мы насчитали около 60 архитектурных бюро, которые, по нашему мнению, могут

демонстрировать достойный уровень. И у нас появилась цель – молодое бюро, которое действительно может что-то делать и развиваться во время финансового кризиса. Мы хотели сделать такой прецедент, который бы стал стимулом для молодежи.

Когда вы решили создать новое бюро, вы вступили в новую роль – роль капиталиста, понимающего рынок и его законы.

Второй недостаток профессии в России – нас не обучают рыночной экономике. Как можно быть окруженным каждый день банковскими переводами, биржами, торгами, обменами валют и ничего про это не знать? У меня этого не было. Кто этому учил?

Мое образование не дало мне понять, что можно выйти из профессии и открыть свое бюро. Что при этом 85% времени – это организация и коммерция, и только 15% – само бюро. Бухгалтерия, налоги, зарплата, аренда – ты должен все это знать. В России широко распространена практика работы по найму. Ты сидишь в комнате и не знаешь, что происходит вокруг, смотришь на все наивными глазами и радуешься зарплате. На самом деле мир другой.

Еще один навык, которого не хватает, – умение договариваться о стоимости твоих услуг. Этому в архитектуре не учат. Ты выходишь и не знаешь, сколько что стоит. Называешь одни цены и не закладываешь временные риски, а потом оказываешься в невозможном минусе. Эти эмпирические знания приходится получать через «травмы». Это главная проблема образования – отсутствие навыков ведения профессии.

У вас порядка 20 сотрудников. На что вы обращаете внимание в первую очередь, когда к вам приходит не профессионал с понятным резюме, а недавний выпускник МАРХИ?

На его вкус. На то, как он выглядит и какая у него первая страница портфолио. Для меня это определяющее. Если там белый лист, сдержанная фотография ч/б, тишина, я человека беру. Я понимаю, что у него нет опыта, но он научится. Если у человека опыт строительства ста домов, выпуска ста килограммов рабочей документации, но у него нет вкуса – это невозможно.

«Я не видел себя в российском архитектурном поле. Мне казалось, что самообразование и вызовы, которые напрямую сталкивают тебя с миром, воспитывают лучше. Мне казалось, что по амбициям и складу характера я лидер и мне будет тяжело кому-то подчиняться. Но звезды сошлись иначе»

Ольга Алексакова:

«Архитектура, конечно, уникальное занятие, хобби на всю жизнь»

Расскажите про школьные годы. У вас была подготовка в сфере архитектуры?

Я не из архитектурной семьи, и мой выбор был достаточно случайным. У бабушки в доме была соседка-архитектор, которая подкинула ей эту идею моей будущей профессии. Я тогда рисовала, и мне эта мысль показалась интересной. А потом в летнем лагере Дома ученых я познакомилась с Юлей (Юлия Бурдова, партнер Buromoscow. – Прим. ред.). Нам обеим было по 14 лет, и она, как и я, решила стать архитектором. Так мы вместе начали ходить на подготовительные курсы МАРХИ.

Мы не поступили в первый год, но поступили на следующий. Во время учебы в МАРХИ я не задумывалась о будущей работе. Тогда казалось, что, имея такую профессию, можно заниматься разными делами. Потом я вышла замуж, уехала в Голландию, поступила в Делфтский технический университет и начала все образование сначала.

То есть вы не окончили МАРХИ?

Нет, свое образование я получила в Голландии. В МАРХИ в первый год было совсем не интересно, кроме, пожалуй, лекций по материаловедению Байера. А в Делфте с первого дня царил захватывающая атмосфера, чего стоило само здание архитектурного факультета 1960-х годов, построенное ван дер Бруком и Бакемой: двусветные студии, огромная мастерская с разными станками, открытая библиотека.

Самое интересное начиналось с третьего курса, когда приезжали студенты международной программы Erasmus – возникала конкуренция, настоящий драйв.

В Делфтском университете студенты могли сами придумать образовательный проект, предложить тему и пригласить преподавателей. Однажды такая группа студентов пригласила преподавать архитекторов из ОМА. Эти амбициозные и «страшные» молодые люди разносили наши проекты в пыль и прах, копируя поведение своего руководителя. Зато эта студия, полная боли, пота и унижений, открыла моим друзьям, а потом и мне дорогу в ОМА – сначала в качестве стажера, а после окончания учебы и в качестве сотрудника. Я в итоге проработала в ОМА семь лет, прежде чем вернуться в Москву.

Когда вы вышли на работу, почувствовали нехватку каких-то навыков?

Ты начинаешь работать стажером, учишься всему, долго делаешь макеты. Во время учебы должна быть возможность поработать в каком-нибудь бюро, это очень полезно. При этом надо сказать, что в нашей профессии мы всю жизнь приобретаем новые навыки.

Почему вы вернулись в Москву и решили открыть свое бюро?

У меня родилась дочь. Поэтому невозможно было уже работать по 80 часов в неделю. Стало

понятно, что пора двигаться дальше. В Москве как раз был строительный бум. Мы с Юлей решили объединиться.

Что стало основным стимулом? Вы получили какой-то совместный проект?

Да, мы в ОМА работали над проектом квартала с крупным девелопером. Он сказал в какой-то момент: «Приезжайте в Москву, работы у нас много». Мы переехали и начали с ним сотрудничать.

Какой была первая команда вашего бюро?

Сначала нас было четверо. Из Голландии мы приехали втроем – я и двое немецких коллег. У Юли было собственное бюро, и мы объединились на этой платформе. Позже наш первый иностранный партнер сказал, что ему не нравится в России. А потом и второй иностранный партнер сказал, что ему тоже все не нравится. Так мы с Юлей остались вдвоем: по-моему, это единственный в России более-менее известный офис, где руководящие партнеры – женщины. На тот момент наша команда уже выросла до 10 человек. Количество сотрудников уменьшалось и увеличивалось в зависимости от наступавших кризисов. В какой-то момент мы сидели вдвоем в стометровом офисе на «Фабрике».

Кого вы берете в команду? Какие у вас основные критерии?

Мы выбираем на основе портфолио. С одной стороны, важно чувство пропорций, общая эстетика, а с другой – внутренняя четкость. Это качество либо есть, либо его нет, свойство характера. Без этого очень сложно с людьми работать, всему остальному можно научиться.

Вы предпочитаете брать студента и растить его внутри компании?

Раньше часто люди, поработавшие в постсоветских проектных организациях, были испорчены привычками проектирования: узким взглядом на проблему, типовыми решениями и деталями. Мы предпочитали воспитывать собственных специалистов. Сегодня уже другая ситуация, поскольку общий уровень сильно вырос.

«Все, кого мы набираем, – это люди с довольно широким кругозором, путешествующие и создающие красивые вещи»

Что из себя представляют выпускники сегодня? Каких навыков им не хватает?

Хорошие выпускники. Просто отличные.

Вы говорите про МАрХИ?

Не только. Самара – отличная школа, МАрШ. Все, кого мы набираем, – это люди с довольно широким кругозором, путешествующие и создающие красивые вещи.

Чего им не хватает, на ваш взгляд? Чего не дает им образование?

Не могу сказать. Не хватает того, о чем я говорила, – понимания технической стороны профессии. Не хватает, безусловно, строительной базы: студенты понятия не имеют, из чего делаются здания, зачастую не имеют и основ конструкторского мышления. С иностранцами, особенно со швейцарцами, в этом плане очень интересно работать. Они учатся на прецедентах, изучают чужие здания до деталей. Когда с ними работаешь, они всегда говорят: вот это сделаем так, как тут, а ограждение – как там. Нельзя изобрести новое на пустом месте.

Как вы считаете, сопоставимо ли российское образование сегодня с зарубежным или, если есть возможность, надо уезжать?

Уезжать надо обязательно, чтобы получить другой опыт. Само по себе образование вполне сопоставимо, но с чем мы часто сталкиваемся в преподавании – это странная, идущая еще от школы привычка списывать и отлынивать. У нас даже на «Стрелке» был студент, который исследование списал. Не перестаешь удивляться, зачем и как это возможно, чтобы человек выбирал себе профессию и настолько ею не интересовался. Нам очень повезло с молодыми сотрудниками, они любят то, что делают. Надеюсь, нас это объединяет. Архитектура, конечно, уникальное занятие, хобби на всю жизнь.

Антон Надточий:

«Большинство вузов выпускает просто среднестатистических хороших специалистов, но сегодня этого уже мало»

Почему вы решили стать архитектором?

Во-первых, я родился в семье архитекторов и проникся этой темой уже с детства. Во-вторых, будучи еще школьником, я два года учился в Детской архитектурной студии Владислава Кирпичева, в самом первом наборе, мой отец там преподавал рисунок. Оканчивал же я математическую школу, после которой обычно все легко поступали в Физтех, «Бауманку» или МИФИ на соответствующие специальности. Я изучал языки программирования, умел считать в разных системах счисления и получил профессию «оператор ЭВМ третьего разряда». Такое образование дисциплинирует и систематизирует мозг. Но я знал, что буду архитектором, и поступил в МАРХИ. На третьем курсе я опять пошел к Кирпичеву, уже работать, и проработал у него четыре года подряд. Работа была очень интересная: это были в основном международные конкурсы и концептуальные проекты, которые делались на высочайшем художественном и техническом уровне. В общем, это был настолько захватывающий процесс, что в какой-то момент я даже брал академический отпуск и работал у него по 15 часов в день, почти без выходных.

Что вам показалось наиболее сложным во время учебы или к чему вы не были готовы? Может быть, наоборот, были предметы, которые впоследствии оказались бесполезны?

В жизни нет ничего бесполезного. Архитектура – это синтезирующая профессия, нужно знать функцию, эргономику, инженеррию, конструкции, материалы. Знать историю и понимать культуру, чувствовать композицию, цвет, уметь работать руками. Так что в какой-то степени полезно все. Но, когда я учился в МАРХИ, у архитекторов был совершенно другой инструментарий, актуальный для того времени: академический рисунок, черчение, отмывки, макетирование. Правда, даже тогда казалось, что наметилось отставание: например, нас заставляли чертить рейсфедерами, хотя были рапидографы. При этом требования к черчению были настолько высоки, что сегодняшним абитуриентам они покажутся, наверное, невыполнимыми.

В целом МАРХИ дает фундаментальное и разностороннее образование. Но, когда мы выпускались, архитектура, как и вся строительная отрасль, была в упадке. Поэтому большая часть выпускников в итоге

вообще не работала по профессии. Многие уходили в смежные отрасли: графику, дизайн, рекламу или музыку, которые в начале 1990-х быстро начали развиваться. А так как архитектура – абстрактное искусство, то с таким образованием перестроиться было легко.

Когда вы получили первый опыт работы?

С третьего по пятый курс я работал в студии Кирпичева. При этом институт я оканчивал на кафедре теории и истории советской и современной зарубежной архитектуры. В то время был колоссальный информационный вакуум, и я часами просиживал в профессиональных библиотеках, смотрел, много переводил, анализировал. Это был еще один ценный опыт, который научил меня систематизировать идеи, формировать логическое высказывание, делать более глубокие исследования и понимать современную архитектуру. Параллельно у меня были небольшие частные заказы, а к моменту выпуска из института уже появились первые реализации. Так что можно сказать, что я сочетал теорию и практику.

Как вы получали новые проекты?

По рекомендациям. Я сделал проект для одного заказчика, ему понравилась моя работа, и появился следующий, и т. д. Здесь самое главное – это довольный заказчик. Надо уметь слышать его потребности, но при этом придерживаться своей собственной концепции и предлагать всегда больше, чем от тебя ожидают.

После института я проработал меньше года, познакомился с Верой Бутко, и мы открыли собственную компанию. Мы начинали с частных интерьеров: брали любую работу и старались решать ее максимально креативно. Сначала работали вдвоем, потом взяли еще одного сотрудника, второго, третьего – и так постепенно росли, осваивая новые и новые задачи и типологии. Сейчас в компании работает 85 человек и делаются крупные городские проекты.

Как вы справлялись, не имея навыков ведения бизнеса?

Мы начинали по наитию, и нам повезло, что была возможность развиваться поступательно.

Ответственность увеличивалась тоже постепенно – вместе с уровнем заказчиков. Так мы существуем уже без малого 25 лет. Сейчас, наверное, уже очень сложно начать проектный бизнес с нуля, и это требует огромных вложений: зарплаты, оборудование, аренда, программное обеспечение и прочее.

Вы работаете со студентами?

На лето мы берем большое количество студентов на стажировку, потому что многие сотрудники уходят в отпуск. Студенты у нас на хорошем счету. И молодые специалисты, выпускники, тоже очень хорошие. Они могут системно подойти к решению проблемы, четко и внятно изложить свое мнение, хорошо владеют современными программами.

Архитектура – это коллективный труд, и каждый в команде специализируется на чем-то одном. Кто-то больше на визуализации, кто-то именно на проектных решениях, а кто-то углубляется в какие-то разделы, к примеру, ландшафты или генпланы. Поскольку у нас очень широкий спектр задач, мы скорее возьмем лучшего специалиста в какой-то узкой области, чем просто неплохого универсального архитектора.

А с зарубежными специалистами или студентами вы работаете?

Где-то пять лет назад у нас была практика. Мы брали на стажировку нескольких студентов из немецких институтов, чтобы посмотреть, что они умеют. И поняли, что у наших студентов степень технической подготовки и самостоятельности гораздо выше. Грубо говоря, знания студента третьего курса МАрХИ и студента третьего курса немецкого института – это почти небо и земля. Наверное, не следует обобщать, но нам показалось так.

То есть в целом вы считаете, что российское образование на одном уровне с европейским?

Как мне кажется, да, но есть и своя специфика. Я просто слежу за некоторыми школами, которые мне интересны, к примеру, AA, Bartlett или Sci-Arc. Помимо профессиональной подготовки специалистов эти школы служат исследовательскими лабораториями и площадками для дискуссий

и экспериментов. В них действительно совершаются открытия и тестируются новейшие идеи и технологии. Именно поэтому туда идут преподавать лучшие теоретики и практики. Думаю, это то, чего очень не хватает современному российскому архитектурному образованию. Мне кажется, в России пока вообще нет запроса на архитектурный эксперимент. В мире есть такой запрос, но таких школ единицы. Все остальные выпускают просто среднестатистических хороших специалистов, но сегодня этого уже мало.

«Мы брали на стажировку нескольких студентов из немецких институтов, чтобы посмотреть, что они умеют. И поняли, что у наших студентов степень технической подготовки и самостоятельности гораздо выше. Грубо говоря, знания студента третьего курса МАрХИ и студента третьего курса немецкого института – это почти небо и земля»

Если говорить о междисциплинарности – вы бы хотели получить образование в какой-то смежной сфере?

Да, возникают такие мысли. У нас идут комплексные проекты. Работа расписана буквально по часам. Мы с Верой очень плотно работаем со своими заказчиками и находимся в самой гуще проектного процесса. Но мне бы очень хотелось выделить один-два дня в неделю, чтобы уйти от рутины и посвятить это время саморазвитию.

Архитектура – бескрайняя область, ведь мир постоянно движется вперед. Занимаясь реальными задачами, мы в какой-то степени от него отстаем. Невозможно быть одновременно лучшим концептуалистом и практиком. Никому не удастся это сочетать. Поэтому концептуалисты, наверное, всегда будут стремиться быть более практичными, а практики – быть более концептуальными и искать что-то новое.

Бюро – это заключительная стадия траектории развития архитектора? Может быть, конкретно у вас есть еще какие-то планы?

Мы начинали с интерьеров, потом стали проектировать частные дома, дальше – здания в городе и градостроительные проекты. Вроде бы сейчас мы уже освоили весь комплекс архитектурных типологий, хотя понятно, что каждое направление еще можно развивать. К нам обращаются заказчики, которые хотят получить качественный архитектурный продукт. Но на сегодняшний день в основном это жилье, и, честно говоря, мы уже немного от него устали. Очень хочется проектировать общественные здания, где изначально заложено больше архитектурных возможностей.

Вы видите такой путь развития в рамках бюро?

Да. Мы хотим делать больше экспериментальных проектов. Осваиваем новые технологии и инструменты, совершенствуем командную работу. Когда есть предложение, появляется и спрос. Я думаю, когда мы поймем, что действительно можем предложить качественно другой продукт и на другом технологическом уровне, это будет востребовано. Но совершенствование – бесконечный процесс, так что мы считаем, что у нас все еще впереди.

Даниил Никишин и Михаил Бейлин:

«Надо поддерживать в себе детское любопытство»

88

Как вы пришли в архитектуру?

МИХАИЛ БЕЙЛИН Я учился в «Старте» параллельно со школой, с первого по девятый класс. На тот момент это была единственная архитектурная детская школа в Москве. С самого начала ребенка там учат мыслить как архитектор. Это не значит, что сразу предлагают проектировать дома. Но там развивают творческое мышление, необходимое архитектору.

ДАНИИЛ НИКИШИН Я учился в школе с углубленным изучением немецкого языка и много ездил по обмену. В моей семье были художники, но художником становиться я никогда не хотел. Я хотел создавать что-то осязаемое и влияющее на какие-то процессы. К моменту поступления в МАрХИ у нас с Михаилом были уже близкие пути.

То есть вы вместе учились?

Д.Н. Да. Но я перескакивал с кафедры на кафедру, от преподавателя к преподавателю. В итоге попал к Григоряну, и это перевернуло мое восприятие профессии. Даже не только профессии, но вообще мое отношение к миру. А с Михаилом мы плотно начали работать уже на четвертом курсе бакалавриата.

Что самое важное вы получили во время учебы?

М.Б. Уже поступая в институт, понимаешь, что это очень тяжелая профессия. Именно процесс подготовки к поступлению уже готовит тебя к тому, что это все совсем не просто. Но гораздо более важный вопрос состоит в том, что даже в первые два года студенты не получают нормального представления о профессии. Вот здесь точно надо вносить какие-то изменения в программу. Также студентов совсем не учат ориентироваться в современной архитектуре, а рассматривают исключительно классические примеры. После первых двух лет учебы по большому счету они не знают ничего о современной архитектуре.

Д.Н. Плюс совсем нет пространства для архитектурных экспериментов. Все строго регулируется. И студент, попадая на третий курс, боится сделать хоть какой-либо шаг в сторону эксперимента или новых подходов в работе. То есть первые два курса в принципе не учат думать и действовать.

А когда вы в первый раз почувствовали вот эту реальность?

Д.Н. Для меня поворотной точкой стало, когда мы организовали галерею на заводе «Рот-Фронт». Я помню ощущение, когда мы пришли в абсолютно разбитое помещение: я стоял и не знал, что делать дальше. Когда ты знаешь, что вся ответственность

«Надо не бояться признаться себе в том, что ты чего-то не знаешь. Это такой механизм подавления внутреннего снобизма»

на тебе и ты не можешь ее ни на кого переложить, – это чувство, с которым не сталкиваешься, учась в институте.

Даже если студент подрабатывает где-то, он не ощущает ответственность?

М.Б. На последних курсах студент проектирует, выступает как автор и занимается вообще очень интересными вещами. После учебы и перехода в бюро происходит довольно тяжелый перелом. Как правило, люди стараются устроиться в известные бюро. Но там вдруг выясняется, что в абсолютном большинстве бюро в недавнем выпускнике видят самого младшего сотрудника. Ты там занимаешься самой простой и технической работой. Мне кажется, вот это самое сложное при переходе от учебы к практике.

Нам самим повезло, у нас этого не было. Когда после института мы попали в «Меганом», к тому времени это было очень известное бюро. Тем не менее Юрий Григорян, наш руководитель, почувствовал, что человек после института находится на высоком творческом уровне и что это надо использовать. Попав в «Меганом», мы сразу получили свои проекты, хотя по большому счету были еще крайне неопытны. Но мы могли и хотели работать. Это главное.

Вы начали работать в «Меганоме», а потом уже решили открывать свое бюро?

М.Б. Мы вместе участвовали в архитектурных конкурсах, начиная с каких-то небольших и визионерских, и продолжали работать в бюро. У нас хорошо получалось. С течением времени мы отлаживали взаимодействие и вырабатывали творческий подход. И поняли, что такой формат нам подходит.

Д.Н. Когда человек работает один, он редко может сам себя трезво покритиковать. А тандем – это достаточно удобная в этом смысле организация.

М.Б. Такое трехмерное интеллектуальное пространство.

Вы приглашаете других специалистов для временного сотрудничества?

М.Б. В данный момент нет. Иногда мы сотрудничаем с дружественными бюро или просто со своими

знакомыми. Citizenstudio существует параллельно с нашей основной работой. Но в целом да, это очень хороший метод. Как я уже сказал, у хорошего студента есть большой творческий запал и желание работать в интересных проектах. В этом плане сотрудничать со студентами интересно и удобно. Мне как бывшему преподавателю МАрХИ всегда нравится в работе со студентами тот фактор, что они постоянно задают вопросы. Мы сами себе не так часто задаем вопросы.

Вы часто сталкиваетесь с недавними выпускниками в том же «Меганоме»?

М.Б. Да, регулярно.

Что они из себя представляют? Каких навыков им не хватает?

Д.Н. Во-первых, бывают действительно сильные в прикладном плане ребята, а бывают средние. Во-вторых, многое зависит от того, насколько неординарно они готовы мыслить, насколько они готовы к эксперименту. Конечно, в этом плане все бывает совершенно по-разному.

М.Б. Каждому человеку надо в идеале дать именно ту работу, в которой он силен и которой он будет заниматься с удовольствием. Это очень непросто. Даже в нашей совместной работе с Даниилом. Мы совершенно разные люди, и для каждого из нас подходит своя часть работы.

Вы затронули тему творческого начала. Это можно воспитать или с этим рождаются?

М.Б. Это потенциал, который нужно развивать. Естественно, есть какие-то изначальные особенности, которые вырабатываются в том числе генетически. Но имея творческий потенциал, его можно как развить, так и похоронить. Мне кажется, что при правильном взгляде на мир можно черпать фантастическое количество информации. Фильтровать ее для себя и постоянно чему-то учиться.

Мария Николаева:

«Развиваться в профессии и быть хорошим архитектором не значит обязательно иметь свое бюро»

90

Где вы получали первое образование? В школе вас интересовали какие-то предметы, связанные с архитектурой?

Мое первое высшее образование связано с психологией. Но я никогда не работала по этой специальности. А в школе моими любимыми предметами всегда были физика и математика. Возможно, это передалось от родителей – у них физико-математическое образование, а папа вообще изобретатель. Да и с детства мне нравилось делать что-то своими руками – конструировать, придумывать игры, связанные с этим, и рисовать. А уже на четвертом курсе я устроилась на работу в проектную организацию.

А как так вышло?

По стечению обстоятельств: поступило предложение, и я решила попробовать. Я не знала, на что соглашаюсь, и не знала, что это станет моей профессией в будущем. Достаточно быстро я поняла, что это мое.

Расскажите подробнее о месте работы. Чем вы там занимались? У вас же не было специальных компетенций.

Это была компания, которая занималась проектированием интерьеров. Я пришла туда на позицию менеджера и быстро доросла до директора. Мне очень нравилось, я буквально работала без выходных и жила этим. А уже через год открыла собственное бюро и стала заниматься проектированием. На тот момент мне исполнился 21 год, я еще не посещала никакие курсы и училась самостоятельно.

А после вы уехали получать британское образование?

Не совсем. У меня на тот момент уже был ребенок, и, конечно, если бы не этот фактор, я бы, скорее всего, уехала. Из множества вариантов я выбрала Британскую высшую школу дизайна, в которой работают преподаватели из Англии и других стран Европы. В рамках программы у нас также были регулярные учебные поездки в Хэтфилд, воркшопы и множество совместных с иностранными коллегами семинаров.

Какие наиболее ценные навыки вы приобрели?

Сильная сторона Британской высшей школы дизайна в том, что с первого дня студентам дают реальные кейсы. Не просто учебные, а основанные на практике. Получается, если у студента не хватает

**«Для того чтобы
открыть свое дело,
надо еще отчасти
быть бизнесменом.
А качества успешного
бизнесмена сильно
отличаются от качеств
хорошего архитектора,
и многое зависит от
твоих собственных
желаний и ожиданий»**

определенных компетенций, они приходят непосредственно с практикой. Такой подход качественно выделяется на фоне российского образования, где преобладают теоретические академические дисциплины.

Когда случился рывок в вашем профессиональном росте?

Это произошло как раз во время учебы. В «Британке» мой угол зрения сильно расширился. Во-первых, социальное окружение – преподаватели и студенты очень позитивно воздействуют. Во-вторых, там обучают не просто делать, а мыслить правильным образом. Все это в совокупности с огромным желанием развиваться в этой отрасли принесло свои плоды, и свой первый крупный коммерческий заказ я получила, еще находясь на обучении.

Как вы решили начать свое дело и почему?

У меня в жизни было два основополагающих периода. Первый – когда в 21 год я открыла свою интерьерную компанию, а второй – пять лет назад, когда появилось MAD Architects. Мне кажется, естественно стремиться к новым знаниям и без остановки идти вперед. Я подумала, почему бы не открыть свое архитектурное бюро, хотя это и было достаточно рискованно, так как у меня не было ни стартового капитала, ни клиентской базы, было только сильное желание попробовать себя в этом направлении.

Расскажите о вашей команде. У вас есть перечень критериев, по которым вы отбираете новых сотрудников?

У нас очень много позиций, и к каждой свои требования и критерии. Если говорить именно об архитекторах, то мы их делим на две группы. Есть люди, у которых превалирует креативная составляющая, и люди, которые прекрасно подготавливают рабочую документацию. Это совершенно разные типы людей. Первые – творческие, идейные, и для них важно уметь создавать. Вторые – это люди с сильной технической базой, которые после утверждения концепции могут качественно, соблюдая все нормы и правила, подготовить рабочую

документацию. Наверное, мы одни из немногих, кто так делает, но мы разделяем эти процессы.

Как вы считаете, каких навыков не хватает выпускникам сегодня?

Во-первых, российских студентов не учат СНИП, и у меня это вызывает большой вопрос. Недавнему выпускнику требуется время, чтобы освоить необходимые для работы стандарты. Во-вторых, студентов не учат общаться с заказчиком. Из всей своей команды я могу взять или отправить самостоятельно на переговоры только трех человек, остальные хорошо проектируют, но совсем не умеют общаться.

В-третьих, студентам не хватает презентационных навыков. Заказчик не архитектор и не может объективно оценить, почему та или иная концепция лучше. Когда представляешь ему свою идею, 90% твоего успеха зависит от презентации. Но этот навык не приобретается за один день, требуется провести десятки презентаций. А у нас ребята не умеют, боятся и не хотят с этим сталкиваться, и это печальная реальность.

Какие общие траектории развития внутри профессии вы видите?

Идеальная картина – получить образование и пройти стажировку, в идеале где-нибудь в Европе. Сначала поработать в одном бюро, потом в другом, а затем вернуться в Россию с европейскими знаниями и подходом. Стоит впитать опыт иностранных бюро и привезти его в Россию, затем поработать в отечественном бюро и учиться у лучших. А дальше открывать свое бюро или нет – это индивидуальный вопрос. Ведь для того чтобы открыть свое дело, надо еще отчасти быть бизнесменом. А качества успешного бизнесмена сильно отличаются от качеств хорошего архитектора, и многое зависит от твоих собственных желаний и ожиданий.

Владимир Плоткин:

«В архитектуре не бывает идеальных и абсолютно точных решений»

92

Почему вы решили стать архитектором?

Мои родители не были архитекторами, но мне в руки часто попадали журналы и книги по архитектуре. Я жил тогда в Минске, хотя вообще родился в Ленинграде. Каждое лето меня отправляли как минимум на месяц к родственникам в Ленинград, и меня это очень вдохновляло. У меня была старая книжка «Архитектура Ленинграда». Я делал пометки: «Так, это я видел. Это, наверное, классицизм или что-то другое». Так что выбор в пользу архитектуры был сделан очень быстро.

Когда вы поступили в институт, насколько вообще совпали ваши ожидания от профессии с реальностью?

Наверное, совпали. Во-первых, я учился не в МАРХИ, а в Минске. Первые три года я учился на вечернем и работал в большом проектном институте. Я был на пробном проекте и выполнял какую-то вполне конкретную работу. Я уже был подготовлен и неплохо себе представлял, чем мне придется заниматься в жизни. Потом я решил полностью посвятить себя учебе и как следует овладеть всеми азами.

А почему вы так решили после третьего курса? Обычно происходит обратная ситуация.

Все было просто. Мне так хотелось стать архитектором, что я не выдержал и после восьмого

класса поступил в архитектурный техникум. Может быть, это была ошибка, а может быть, и нет, но после окончания техникума меня распределили на работу. А параллельно с работой я поступил в институт. Поэтому мне пришлось как минимум три года работать по распределению. Когда я эти три года отработал, приложил все усилия, чтобы перевестись на дневное отделение.

Когда вы почувствовали необходимость создания собственного бюро?

Мне было около 30 лет. Я был на тот момент молодым ГАПом в «Моспроекте» и вел разные объекты. Мне казалось, что я уже понимал, как организовать проектную работу: с чего все начинается, чем заканчивается и через что придется пройти. Мне хотелось быть самостоятельным и начинать какое-то свободное дело. И чувствовал себя достаточно уверенно. Молодость всегда самоуверенная.

Это совпало с периодом перестройки. Я еще был совсем юным архитектором и уже жил в Москве, когда в 1987 году вышел первый закон о кооперативах. Я был в группе нескольких энтузиастов, которые ухватились за эту идею и учредили один из первых архитектурно-проектных кооперативов.

С какими трудностями вы столкнулись именно как руководитель бюро?

**«Моя прямая
обязанность –
работа с заказчиком,
особенно на первом
этапе, когда нужно
расположить его
к себе и утвердить
проект. Но этому надо
учиться и быть к этому
готовым»**

В этом отношении, может быть, у нас не самый характерный случай. Мне относительно комфортно, потому что у меня есть партнер. Он не архитектор, а инженер по профессии. Он в большей степени занимается именно организационно-производственной деятельностью, а я занимаюсь творческой составляющей. Хотя, надо признать, это все сильно переплетено.

Безусловно, моя прямая обязанность – работа с заказчиком, особенно на первом этапе, когда нужно расположить его к себе и утвердить проект. Но этому надо учиться и быть к этому готовым. Переходя к вопросу об образовании – к сожалению, я не знаю, есть ли вообще сегодня такой предмет в вузах, в ходе которого студенты получают навыки коммуникации.

У нас выпускают специалистов широкого профиля, и практически все выпускники готовы быть непременно творцами. Потом уже, когда жизнь составляет все по своим местам, у многих возникает ощущение дискомфорта. Хотя, если бы на начальной образовательной стадии человек правильно почувствовал свои способности в определенной сфере архитектурной деятельности, все было бы проще. Я просто думаю, что жизнь и архитектурная практика развиваются таким образом, что дифференциация будет все сильнее.

С каким специалистом вы предпочитаете работать – с недавним выпускником или с профессионалом в своем деле?

Возможны оба варианта. Я могу заниматься с талантливым и многообещающим архитектором,

вчерашним студентом, и пытаться работать с ним в творческом направлении. Опять же все зависит от специализации. Если у человека есть способности и желание разрабатывать новые идеи, это важно и нужно. Понятно, что относительно тяжело брать уже сформировавшегося архитектора и настраивать его на определенную волну. У нашей архитектуры есть определенная философия, и это хочется не потерять. Поэтому либо новых людей настраиваешь, либо нет – и прощаешься с ними.

Какие есть проблемы и сильные стороны у молодого поколения?

Главная проблема не только этого поколения, но и вообще нашего отечественного образования – почти ни у кого из выпускников нет четкого понимания алгоритма работы с проектом. То есть представления, с чего все начинается, как все проанализировать и спланировать ход работ. В архитектуре не бывает идеальных и абсолютно точных решений. Может быть куча разных альтернативных путей, и единственного правильного нет. Человек должен определиться со своими приоритетами и следовать им в работе.

Мы все время говорим, что профессия архитектора не должна сводиться к шести годам университетского образования. Где вы черпаете новые знания?

Архитектура – это профессия с поздним стартом. У некоторых получается довольно ранний старт, но в любом случае образовательный процесс должен быть постоянным. Когда началась компьютерная эра, я мгновенно – не то чтобы заставил себя, а мне это было страшно интересно – освоил компьютерное проектирование. Мне это до сих пор очень сильно помогает. Поэтому надо держать ухо востро и пользоваться всеми техническими возможностями.

Раньше не было особой возможности куда-то ездить, и самообразование основывалось на доступной литературе. А сегодня есть много ресурсов: печатная продукция, интернет и собственные глаза. Наше информационное и культурное поле всеобъемлющее и настолько широкое, что вообще нет никаких границ.

Эрик Валеев:

«Архитектура – сложная, многодельная и очень стрессовая работа, требующая огромной самоотдачи и упорства»

94

Почему вы решили стать архитектором?

Рисовать я начал очень рано – столько, сколько себя помню, отчетливо понимая, что всегда буду связан с этим. В 15 лет мечтал стать промышленным дизайнером – хотел проектировать автомобили или что-нибудь, связанное с техникой. В средней школе учился в Англии, потом во Франции, там преподаватели заметили мою страсть и всячески поощряли. Вернувшись в Москву, я продолжил учебу в Британской школе, где моя классная руководительница настоятельно рекомендовала обратить внимание на архитектуру. Несмотря на то что мои родители по образованию инженеры-строители, а дедушка имел звание заслуженного строителя, я почему-то никогда не думал о деятельности, связанной со стройкой.

Что было самым сложным для вас во время учебы?

Нехватка информации о мировой современной архитектуре. На тот момент, примерно 17–18 лет назад, в Москве не была развита современная архитектура, мы ее видели только на страницах западных журналов и книг. Не говоря уже о скудном цифровом поле,

отсутствии соцсетей и прочего. Приходилось практически на ощупь выискивать образцы для изучения, вдохновения, а это, на мой взгляд, важно для студента. Мне, например, только ближе к концу третьего курса удалось нащупать какие-то векторы, которые меня интересовали. Сейчас у студентов абсолютно другая ситуация – скорее, остро стоит проблема фильтрации информационного переизбытка.

Когда вы в первый раз пошли работать?

Я почти сразу углубился в 3D-визуализацию. Уже на третьем курсе я стал делать почти все проекты в 3D. Руками их делать было менее интересно, потому что много рисовал до этого. Более того, это было не похоже на работы из журналов, которые мне тогда нравились. Тогда, на третьем курсе, была выставка работ в вестибюле МАРХИ, и один из сокурсников предложил вместе поработать. На тот момент это была работа в интерьерной компании. Тогда мне впервые захотелось что-то делать и получать за это деньги. Мы проработали с ним год или полтора. Бюро было совсем небольшим, но именно там я окунулся в практику.

«Когда работодателю все нравится, а ты получаешь, как тебе кажется, серьезные деньги, есть опасность остановиться в развитии. Меня это очень волновало, поэтому я принял осознанное решение отказаться от большого количества заманчивых предложений и делать что-то свое с нуля»

Как развивалась ваша карьера дальше?

Дальше работал в большой архитектуре у Алексея Ростиславовича Воронцова, потом в бюро Алексея Владимировича Гинзбурга. Но вскоре я почувствовал, что мне не хватает движения. Когда работодателю все нравится, а ты получаешь, как тебе кажется, серьезные деньги, есть опасность остановиться в развитии. Меня это очень волновало, поэтому я принял осознанное решение отказаться от большого количества заманчивых предложений и делать что-то свое с нуля. Мне хотелось от самого начала, от первой встречи с заказчиком, до стройки и последнего винта во всем участвовать и принимать решения.

Какие навыки из тех, что вы получили именно в МАРХИ, вам пригодились? И какие полезные навыки вы получили уже благодаря практике?

Первое – это даже не навык, а общее ощущение, фанатичная преданность архитектуре. Это

очень важно и невозможно переоценить. Это МАРХИ воспитывает очень хорошо. Видимо, там стены сами заряжают тебя энергией. Во-вторых, в МАРХИ меня научили колоссальному труду и самоотверженности в разработке проектов. Архитектура – сложная, многодельная и очень стрессовая работа, требующая огромной самоотдачи и упорства. В МАРХИ этому учат хорошо. Ты заряжаешься от окружения и можешь – кроме шуток – на грани жизни и смерти делать проект. Что касается прикладных навыков, умению коммуникации, аналитики и прочего – да, этого было на тот момент мало, компенсировал самообучением, практикой на реальных проектах, в спорах с инженерами, а позже уже на стройках.

Теперь о вашем бюро. Как вы его открыли? Я так понимаю, толчком стала стагнация.

Да, стагнация. Я открыл бюро в самом начале 2008 года. Тогда было много заказов. Для меня очень важно понятие качества. Это слово даже стоит за второй буквой в нашем названии бюро IQ, где I – intersection, Q – quality. Я думаю, именно качество дало возможность уже в начале иметь большое количество каких-то параллельных работ. У меня не было желания создавать корпорацию или офис из ста человек, потому что хотелось всему учиться поэтапно, все ощутить и прощупать самому. Поэтому у нас медленный, аккуратный рост. Я взаимодействовал и взаимодействую лично с каждым клиентом и контролирую каждый объект. В общем, это не превратилось в сплошной менеджмент.

Вас же, наверное, никто не учил навыкам ведения бизнеса. Как вы справлялись?

Здесь важно сказать про самообучение. Мое личное убеждение, что институт должен давать прикладные навыки частично, но не полностью, в каком-то смысле переизбыток практических навыков может даже навредить. В институте студент должен полюбить учиться и желать развиваться в будущем. МАРХИ мне это тоже дал. Все последние 10 лет я постоянно учусь. К примеру, перед сном обязательно смотрю лекции, которые читают в лучших университетах мира: Гарварде, Йельском университете, Массачусетском технологическом институте.

Они сейчас все в сети. Это потрясающая возможность, абсолютно несравнимо с тем, что было 10 лет назад, небо и земля. Темы бизнеса, психологии, выстраивания коммуникации и прочего очень широко представлены – нужно лишь желание, базовый или выше уровень английского и немного усилий.

Вы принимаете студентов на работу или на практику?

Я вижу в этом абсолютную необходимость и доверяю студентам, но пока таких прецедентов у нас мало. Дело в том, что наше бюро достаточно небольшое. У нас не так много объектов на потоке и не развита конвейерность проектирования, когда каждый отвечает только за определенную часть. Бывает, на одном-двух специалистах висит половина или целый проект, поэтому интерну в такой процесс встроиться достаточно сложно. У нас также редок массив одинаковой чертежной работы. Все объекты индивидуальные. Так что очень сложно отдавать часть какой-то работы неквалифицированному специалисту.

Вы проверяете их во время испытательного срока?

На собеседовании. Мы смотрим не только на работы, а даже на реакцию: если человеку нравится все правильное и интересное, на мой взгляд, и мы совпадаем подходом, значит, он, скорее всего, встроится. У нас были случаи приема на работу людей без оконченного профильного образования, но абсолютно фанатеющих от хорошей и правильной архитектуры. Потребовалось буквально полгода-год для того, чтобы они научились работать на очень высоком уровне, как минимум в плане визуализации, а как максимум – частичного концептуального проектирования.

Как я понимаю, это больше субъективный фактор? У каждого бюро есть свой стиль.

Да, скорее почерк. Идентичность очень важна, она означает разнообразие, что, в свою очередь, ведет к конкуренции, а конкуренция – к качеству. В целом недавним студентам, безусловно, не хватает навыков аналитики: умения задавать правильные вопросы и понимать связь объекта со всеми остальными факторами. Архитектура – искусство

пересечений интересов, влияний, функций, форм, желаний, технологий и прочего. В мое время в МАРХИ на это упор не делался. Сейчас, мне кажется, картина совсем другая, но тем не менее приходится многому обучать недавних студентов. Иногда получается, а иногда нет. Иногда люди просто не понимают, зачем это, а когда понимают, дальше все складывается.

«Мое личное убеждение, что институт должен давать прикладные навыки частично, но не полностью, в каком-то смысле переизбыток практических навыков может даже навредить. В институте студент должен полюбить учиться и желать развиваться в будущем»

Анатолий Белов:

«Я не сделал карьеры в традиционном понимании этого слова»

«Я вырос в семье архитекторов. Мой отец – профессор МАрХИ. Пожалуй, мое профессиональное будущее было predetermined с рождения. Хотя попытки своевольничать имели место: в какой-то момент у меня возникло жгучее желание выучиться на психолога, и я даже начал присматриваться к вузам, где дают такое образование, вроде МГУ и РГГУ. Но в конечном счете здравый смысл восторжествовал (родители своевременно объяснили мне разницу в оплате труда архитектора и психолога в нашей стране), и я подал заявление на поступление в МАрХИ.

Поступил я с трудом, хотя должностной статус моего отца вроде бы предполагал обратное (в России к детям преподавателей принято относиться, что называется, снисходительно – довольно-таки гнусная традиция, если вдуматься): за рисунок головы Цезаря на вступительных экзаменах я получил, кажется, два балла, за композицию – три, за черчение – то ли семь, то ли восемь. Пришлось проходить унижительную процедуру апелляции. В итоге проскочил на платное.

Пускай в свете вышесказанного это и прозвучит предвзято, но академический рисунок гипсовой головы в качестве вступительного экзамена в МАрХИ я считаю полным бредом. Да, архитектор должен уметь рисовать, тут я полностью согласен с главным архитектором Москвы Сергеем Кузнецовым. Но при чем тут гипсовая голова?! Композиции достаточно. Хорошо, если мархишные методисты считают, что

рисунок с натуры принципиально важен, давайте поменяем рисунок головы на рисунок архитектурной детали – это может быть балясина, это может быть капитель, это может быть какой-нибудь витиеватый орнамент. Пускай абитуриенты учатся рисовать с натуры фрагменты домов, а не статуй! Так они быстрее прочувствуют профессию. И пониманию пропорций это их научит ничуть не хуже, уверен.

Признаюсь, учеба в МАрХИ не дала мне абсолютно ничего. Вернее, какие-то знания я там приобрел, но в будущем они мне совершенно не пригодились. Во-первых, сама учебная программа МАрХИ заметно устарела, а во-вторых, мне очень не повезло с преподавателями по проектированию, которые не то что не смогли увлечь меня профессией, но наоборот – отвратили меня от архитектуры. В итоге диплом я защищал у замечательного Дмитрия Швидковского на кафедре советской и современной зарубежной архитектуры, и хотя в моем дипломе в графе «Специальность» указано «Архитектор», по факту я скорее историк архитектуры.

В институте, как я понял уже постфактум, очень не хватает таких предметов, как право, риторика и менеджмент. Недаром автор сколковских «Гиперкуба» и «Матрешки» Борис Бернаскони (он же Борис Филиппов, но в далеком прошлом), насколько мне известно, после окончания МАрХИ еще пару лет обучался менеджменту. Впрочем, сейчас эти предметы, возможно, уже появились в программе.

В общем, работать с документами, вести деловые переговоры и координировать всевозможные процессы я в итоге учился сам, методом проб и ошибок. Ну, еще немного отец помог... И Алексей Муратов, мой наставник в журнале «Проект Россия». Помню, как Муратов поручил мне составить мой первый в жизни договор, – было очень страшно.

Чем МАрХИ поистине замечателен, так это той тусовкой, которая вокруг него формируется. И я сейчас не столько об обилии там красивых девушек, сколько об интеллектуальном уровне и интенсивности того общения, что происходит в стенах института. Не знаю, как сейчас, но, когда я был студентом, мне повезло учиться с кучей невероятно талантливых и интересных людей. Что любопытно, многие из них в итоге предпочли архитектуре другие области деятельности – предметный дизайн (тут можно вспомнить Константина и Дмитрия Лагутиных, Анну Сажинкову), моду (Анна Синицына), музыку (Наири Симонян), выставочный дизайн (Юлия Наполова, Петр Толпин), современное искусство (Алексей Корси) и т. д. Вообще, это отличительная особенность МАрХИ – отучившись там, ты можешь заниматься практически чем угодно. Уж не знаю, в чем тут дело.

Так вышло, что с архитектурой у меня не задалось. Когда я очутился за бортом архитектурной профессии, волны понесли меня в неизвестном направлении и в итоге выбросили на спасительный берег архитектурной публицистики. Большую роль в том, кем я в итоге стал, сыграла, конечно же, судьба. У меня были варианты заделаться фотографом, куратором и даже художником-графиком. Я всегда тяготел к многостаночничеству, вернее, старался раскладывать яйца по нескольким корзинам. Склонность к писательству проявилась у меня еще до поступления в институт, и как публицист я, пожалуй, развивался независимо от МАрХИ. Значительное влияние на меня оказали статьи Григория Ревзина, которыми я буквально зачитывался. Хотелось попасть в газету «Коммерсант», к нему в подмастерья, чтобы он обучил меня азам. С «Коммерсантом» не выгорело, зато удалось посотрудничать с Ревзиным в рамках журнала «Проект Классика», чему я несказанно рад. Чуть позже, в 2011 году, не без рекомендации того же Ревзина, как я понимаю, меня взяли в журнал

«Признаюсь, учеба в МАрХИ не дала мне абсолютно ничего. Вернее, какие-то знания я там приобрел, но в будущем они мне совершенно не пригодились»

«Проект Россия» на должность младшего редактора.

Став журналистом, я преисполнился каким-то невероятным воодушевлением и принялся овладевать новым ремеслом с максимальной самоотдачей. Всему обучался в процессе работы. Много делал по наитию. Видимо, не зря старался, так как в 2013 году был назначен главным редактором журнала «Проект Россия».

Но кто бы мог подумать – я, как колобок, который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, променяв архитектуру на журналистику, столь же внезапно, по прошествии всего-то пяти лет, променял журналистику на издательский бизнес. Захотелось денег и творческой независимости. Вот уже полтора года я почти ничего не пишу. А еще в 2015 году выдавал по сто тысяч знаков текста в квартал как минимум. Я не тоскую по журналистской работе – для меня это пройденный этап. Но и нисколько не жалею об этом опыте. Позволю себе воспользоваться словами архитектора и художника Александра Бродского, сказанными им однажды о «бумажной архитектуре»: для меня это был большой, очень приятный и очень важный кусок жизни.

Наверное, я не лучший образец для подражания: я не сделал карьеры в традиционном понимании этого слова, у меня слишком специфическая профессиональная биография – это и не ломаная, и не кривая линия, а нечто среднее, здесь случай и моя персональная интуиция всегда играли решающую роль, а взлеты зачастую трудно отличить от падений, и наоборот. Но еще не вечер. Сейчас мне 30 лет. Посмотрим, где я окажусь лет в 35. Надеюсь, я не буду, подобно персонажу Александра Калягина из «Неоконченной пьесы для механического пианино», бегать и вопить: «Мне 35 лет! Все погибло! Я ноль, я ничтожество! Лермонтов восемь лет как лежал в могиле! Наполеон был генералом! А я ничего вообще в этой проклятой жизни не сделал!» Чего и вам желаю.

Кстати, посмотрите (или пересмотрите) этот фильм – он здорово прочищает мозги... Было время, когда Никита Михалков снимал действительно хорошее кино».

Минсук Чо:

«Рад, что мне довелось получить отчасти инженерное образование»

Как вы попали в архитектуру?

Мой отец архитектор. Сегодня ему уже 87 лет, он завершил практику 20 лет назад, но до сих пор продолжает работать дома для себя. Это его страсть. Его офис находился на первом этаже нашего дома, поэтому я с раннего детства был окружен архитектурой. Мне кажется, я был в седьмом классе, когда решил, что тоже стану архитектором.

Отец никогда не подталкивал меня к тому, чтобы стать архитектором, никогда не настаивал на этом. Он всегда говорил, что в архитектуре есть свои взлеты и падения. Он сам становился банкротом пару раз. Когда я был студентом, архитектурное образование в Корее давали в инженерных школах. Поэтому для того чтобы поступить, надо было быть сильным в математике и естественных науках. Сегодня система изменилась, больше похожа на американскую, и архитектура больше никак не относится к инженерии. Но я рад, что мне довелось получить отчасти инженерное образование.

После окончания учебы в Корее я подал документы в Колумбийский университет в Нью-Йорке и поступил. Я отучился там три года, специализируясь уже в основном на художественной и философской составляющей профессии.

Почему вы решили поехать учиться в Нью-Йорк?

Было ясно, что южнокорейская система образования нуждается в реформе, что в итоге и произошло. Поэтому я хотел уехать и поучиться где-нибудь еще. В Корее была пара архитекторов, которые мне очень нравились, но меня тянуло посмотреть мир и очень интересовало все, что происходило за границей. И политическая обстановка в стране была другая.

С чего началась ваша карьера?

Я окончил университет в 1992 году и попал на работу в бюро Джеймса Стюарта Полшека, известного архитектора и бывшего главы факультета архитектуры в Колумбийском университете. Мне, молодому архитектору, очень повезло. Его бюро в основном занималось общественными зданиями. Поэтому уже в начале карьеры я смог поучаствовать в разных проектах музеев и театров в Нью-Йорке. В Америке в первую очередь я научился работать и подходить к решению вопросов очень профессионально. Там это действительно умеют делать.

Позже я устроился на работу в офис Рема Колхаса. Я переехал в Роттердам и прожил там два с половиной года. Рем Колхас сотрудничал с молодыми архитекторами и в принципе создавал свой уникальный мир, намного более всеобъемлющий, чем все то, что я знал раньше. Я работал в Голландии,

но по факту вел проекты по всему миру. С двумя проектами мне довелось вернуться в Корею. Я вдруг понял, как сильно изменилась моя страна и как она стала привлекательна для архитектора.

Каких навыков вам не хватало в самом начале вашей карьеры?

Навыки коммуникации очень важны. Творческая часть составляет только 5% нашей работы, 45% – это непосредственно производство, рисунок от руки или на компьютере, а оставшиеся 50% – это общение. Архитектор – это не писатель, который может уединиться в хижине в горах на несколько месяцев и создать шедевр в одиночестве. Мы должны постоянно общаться и налаживать контакт с людьми. Про каждый проект можно написать целый роман – про то, сколько для него потребовалось усилий дипломатии.

Когда вы решили создать свое бюро?

У большинства практикующих архитекторов нет собственного бюро. Мне кажется, это тоже прекрасно. Кто-то видит свою роль не в качестве лидера, а как части целой команды. Не обязательно каждому быть дирижером. Ведь оркестру также необходимы отдельные скрипачи и другие музыканты. Я лично никогда всерьез не задумывался о своем бюро. Мне часто казалось, что у меня недостаточно опыта и что я буду и так доволен своей карьерой.

Рем Колхас ставил передо мной столько разных задач, я многому у него научился. Не только в архитектуре, но и в общем жизненном плане. Благодаря ему я стал уверенным в себе и понял, что способен вести свое бюро. По сути это было схоже с ощущением, будто я вдруг решился прыгнуть со скалы и полететь. Все это казалось нерациональным, но мне вдруг захотелось работать в одиночку.

Вместо того чтобы вернуться в Корею, я переехал обратно в Нью-Йорк. Тогда же мне написал Джеймс Слейд, мой бывший однокурсник и коллега по офису Полшека, и предложил вместе поработать над небольшим проектом квартиры. Это было необычно: вот только что я работал над масштабными проектами по всему миру, а тут вдруг начал с совсем небольшого простого объекта для бюро

«Архитектор – это не писатель, который может уединиться в хижине в горах на несколько месяцев и создать шедевр в одиночестве. Мы должны постоянно общаться и налаживать контакт с людьми»

из двух человек. Пять лет спустя я вернулся в Корею и открыл свое бюро там.

Кого вы предпочитаете брать к себе в команду? Недавних выпускников или состоявшихся специалистов?

Чтобы переучить специалиста, к примеру, с тремя годами опыта работы, потребуются ровно те же три года. У нас был прецедент, когда команда в одночасье выросла с четырех до 40 человек, и там было много разных специалистов с разным опытом. Но все же работа команды архитекторов – это не просто запчасти, скрученные в один механизм. Наша деятельность требует большей органичности и более сложного процесса. Поддержание единой культуры внутри бюро – залог успеха.

Вы говорите, требуется три года, чтобы отучить специалиста от старых привычек. Какие проблемы есть у молодого поколения архитекторов сегодня?

Некоторые архитекторы проводят слишком много времени в этой системе и превращаются в пассивных специалистов, готовых только бездумно выполнять задания. Я часто такое вижу. Также многие архитекторы открывают собственное бюро просто ради бизнеса и денег. А я, наоборот, люблю пугать своих партнеров: мол, я не для того создавал бюро, чтобы просто платить зарплаты. Я считаю, что на выходе продукт должен быть высокого качества и со смыслом. Ради этого стоит работать.

Тимур Башкаев:

«Все, что ты познаешь, обогащает твою работу»

Как вы попали в профессию?

Мои родители врачи, они хорошо рисовали, но никогда профессионально этим не занимались. Я с первого класса пошел в художественную школу. Однажды наша школа принимала участие в международном конкурсе «Город будущего». Мне было лет десять, я что-то там нарисовал по мотивам Корбюзье, и – удивительно – мне из Франции прислали очень красивый диплом. Для меня это было очень сильное впечатление.

Папа кроме рисования очень любил архитектуру. Он собирал книги разные и мне показывал. В общем, с раннего детства я знал разных архитекторов и у меня сформировался целый мир. Позже, во время подготовки к поступлению в институт, я долго выбирал между наукой и архитектурой. Я параллельно ходил на курсы МАрХИ и Физтеха. Но я также понимал, что карьера в науке тогда, в Советском Союзе, так или иначе была бы связана с войной. А мне больше хотелось что-то создавать для людей. Я решил, что лучше буду работать не на войну, а для людей. И пошел в МАрХИ.

Расскажите, с какими трудностями вы столкнулись в институте. Не было ли у вас разочарования в профессии после художественной школы?

Никаких трудностей в обучении в МАрХИ у меня не было и не было никакого разочарования в работе после окончания института. Это для меня какие-то надуманные проблемы. Когда ты уже повзрослел и оцениваешь прошлое, то понимаешь некоторые

недостатки учебного процесса. Но тогда, изнутри, все было хорошо.

Какие недостатки в образовании вы осознали уже спустя некоторое время?

Всегда есть некое противоречие между методистами и мастерами. Это классика. Бывает, методист оказывается еще и мастером, цельной личностью, которая может заполнить мир собой, как, например, Борис Григорьевич Бархин. Но это вообще чудо. У нас преподавали в основном методисты. Они не были мастерами не только в наших глазах, они сами себя не ощущали такими. А это очень важно, потому что молодой, пластичный мозг всегда ищет точки опоры. Мир бесконечен, и если ты на что-то не обопрешься, то не сможешь ни двигаться вперед, ни в итоге творить самостоятельно.

У меня в жизни такой мастер появился позже, уже после окончания института. Мне очень повезло, что для меня мастером стал Асадов-старший. Я счастлив, что я с ним поработал в таком молодом возрасте. Он меня очень вдохновил и показал, в чем реальное очарование и миссия нашей профессии. Он для меня останется учителем.

Расскажите, пожалуйста, о своем первом опыте работы.

Я выпустился с красным дипломом. В советское время это означало, что я мог сам выбирать себе распределение. Мама моего школьного друга позвала меня в институт «Аэропроект». Причем сразу

«Если у архитектора узкий кругозор, ему очень тяжело. Практически все великие архитекторы – это люди большой эрудиции, с четко выраженной позицией и отношением к миру и к обществу. А это формируется только с опытом. Надо читать, смотреть и слушать. И не жалеть на это времени»

в большой проект. Это очень важно. У меня не было «чертежных» лет, в течение которых люди обычно и погибают. Хотя я был в самом низу проектной иерархии, но все равно был задействован в проекте, и на мне лежала серьезная ответственность.

Расскажите про свои дальнейшие шаги.

Тут надо понимать время. Подошел к концу 1989 год. Это был излет перестройки, и страна входила в острейший кризис начала 1990-х годов. В это же время мои студенческие друзья предложили открыть собственное бюро. Мы тогда работали вместе над проектом детского «Парка чудес» в Нижних Мневниках. Когда проект завершился, ребята решили продолжить сотрудничество и открыть бюро. Позже стало понятно, что кому-то ближе градостроительство, мне – объемное проектирование, и мы решили разделиться. У меня была команда, пришедшая из «Аэропроекта», и я организовал свое бюро. Вот так и начал свой путь.

Когда архитектор уходит из бюро и создает свое, на него ложится новая административная ответственность. Как это происходило в вашем случае?

Когда дело касается управления, то тут нет однозначных рецептов и каких-то жестких правил.

Кто-то делает ставку на эффективность и жесткую дисциплину, чтобы все были в тонусе и активно работали. Кто-то – на более свободную модель. Я не знаю, какая модель более эффективная, но мне ближе более человечная модель. Мне некомфортно работать с людьми, когда я нахожусь в жесткой позиции начальника. Все-таки у нас творческая и очень командная профессия. Я понимаю, что наверняка не вся команда работает на максимуме эффективности, но приходится чем-то жертвовать – зато нам комфортно работать.

Вам удобнее взять вчерашнего выпускника и воспитать его внутри своего бюро или взять готового специалиста?

Ко мне мало приходило готовых специалистов. Как-то так получается, что ко мне приходят молодые, растут, кто-то уходит, а кто-то остается на много лет.

А на что вы обращаете внимание в первую очередь, когда приходит молодой специалист?

Мы никогда не брали только по портфолио. Все идет к нам по рекомендациям или после тестирования и испытательного срока. Портфолио мало что говорит о самом человеке и о том, как он работает в коллективе. Мы обычно берем на испытательный срок на месяц-два, иногда бесплатно или на небольшую ставку, а потом уже принимаем решение. Обязательно надо включать человека в процесс и смотреть, как он реагирует на задачи, на коллектив и на меня.

Вы ведете группу студентов в МАрХИ. Что бы вы им посоветовали, чтобы стать настоящими профессионалами?

Одну простую вещь – всеми силами развивать свой кругозор. Это не просто наше хобби. Мы обязаны знать очень много о разных аспектах жизни. Если у архитектора узкий кругозор, ему очень тяжело. Практически все великие архитекторы – это люди большой эрудиции, с четко выраженной позицией и отношением к миру и к обществу. А это формируется только с опытом. Надо читать, смотреть и слушать. И не жалеть на это времени. Это однозначно поможет. Я в этом уверен.

Сергей Труханов:

«Первый руководитель – это очень важно для молодого специалиста в любой профессии»

103

Когда вы впервые заинтересовались архитектурой?

Я с детства любил рисовать. А творческий путь, который и привел меня к архитектуре, начался в художественной школе. Со временем увлечения переросли в профессию.

Что для вас было самым сложным во время учебы?

Самым сложным было концентрироваться, но при этом огромный интерес вызвала работа над проектом. Все остальное тогда казалось ненужным, не было понимания, что из всех этих академических дисциплин и предметов на самом деле складывается результат проекта.

Больше всего нравился проект, потому что относился к практике?

Да, и это ключевой момент. Основным стимулом что-то делать и создать собственное бюро было желание самим принимать решения и заниматься практикой. Не исполнять чьи-то решения, а придумать их, это и стало самым большим мотиватором.

Где был ваш первый опыт работы?

Свой путь я начал в мастерской Андрея Абрамкина. В основном это были интерьерные работы и частные дома. Там я многому научился,

в первую очередь смотреть на архитектурную задачу. Немалую роль сыграл личный пример: всегда можно было наблюдать, как работает руководитель, перенимать его внимание к деталям, навыки общения с заказчиком и хитрые трюки убеждения. Я до сих пор считаю, что первый руководитель – это очень важно для молодого специалиста не только в архитектуре, но и в любой другой профессии. По окончании института все незнакомое легко принять за догму и авторитет. И тут важно попасть на хорошего учителя.

Когда вы захотели двигаться дальше?

Это была очень спонтанная история: в какой-то момент от знакомого пришел клиент, которому нужен был дом на тысячу квадратных метров. Он мне сказал: «Ты студент, поэтому много не заплачу. Зато можешь оттянуться». Оттянуться, правда, не получилось, но я запомнил свой первый гонорар за интерьер частного дома. Работал в то время один, было тяжело, но я справился.

Параллельно с основной работой?

Да. В тот момент я понял, что надо делать выбор: либо развивать историю со своими заказчиками, либо оставаться в бюро. Тогда я подумал: «Почему бы и нет?»

Как это все начиналось?

Начиналось все довольно забавно: в квартире на Ходынской улице у меня с партнерами было два заказа, с которых мы и начали. Затем делали квартиры и небольшие частные дома, но каких-то больших творческих выстрелов не было, только понятная история. А потом мы познакомились с крупным генподрядчиком и вышли на совершенно другой уровень именно в коммерческой недвижимости. Наша команда поменялась и стала сильнее, вырос и уровень ответственности. С генподрядчиком мы поддерживали тесные отношения и помогали друг другу: мы ему с проектированием, а он нам с заказами.

Потом одна компания пригласила нас разрабатывать проекты привязки типовых детских садов. Это был 2007–2008 год, кризис и трудности с заказами. Для технического заказчика, который выиграл конкурс, мы спроектировали шесть детских садов. Хотя проекты были типовые, для нас это был очень серьезный скачок вверх, специально под них нам пришлось срочно набирать команду архитекторов с опытом прохождения экспертизы, поскольку сами мы не обладали такой качественной квалификацией к тому моменту. Но опыт был, несомненно, бесценный.

А какой штат у вас сейчас?

Сейчас у нас работают 32 человека. Но тогда это была другая команда. Бюро в его текущем виде существует с конца 2011 года.

Вам сложнее стало управлять командой?

Наоборот, в период с 2007 по 2011 год мы набрали много шишек. Было сделано достаточно ошибок и принято много неправильных решений. Но это ведь школа, все это дает понять, что было сделано не так, чтобы этого избежать в будущем.

А какие сотрудники с вами сегодня работают?

В основном молодые, но уже и не студенты. Мы пробовали брать состоявшихся специалистов, но их очень сложно под себя адаптировать. У многих свое видение, привычки и уже сложившееся представление о том, как правильно и как неправильно. Бывали и совсем сложные прецеденты, поэтому мы заняли такую позицию: мы стараемся брать людей с опытом,

«Наиболее востребованы сотрудники – те, которые помимо институтской программы сами пытались себя реализовывать и дополнительно что-то изучали. Это дает много дополнительных возможностей»

но молодых, чтобы всегда можно было интегрировать их в наше видение. Они более гибкие, и их интереснее вырастить под себя и затем расти вместе с ними.

А вот со студентами мы работаем очень редко. Если мы берем кого-то, то исключительно с целью многолетнего сотрудничества.

Чего не хватает молодым специалистам сегодня?

У них очень много гонора, самомнения. Ошибка у всех одна и та же: непонимание реалий и того, чем им придется заниматься. Каждый приходит и думает, что станет сейчас творить и создавать, но такого не будет. Это очень сильно демотивирует людей, которые оторваны от реальности и ждут, что начнут с первого дня проектировать небоскребы.

У всех, кто работал и учился за границей, есть четкое понимание, чем они будут заниматься. Понимают, что звезд хватать не будут, а поначалу будут рабочими пчелами. У нас же всем очень нравятся рисовать клаузуры, скетчи и собирать коллажи в фоташопе. А как лестнично-лифтовой узел разрисовать, никто не знает.

Проблема в российском образовании? Или в том, что студенты не проходят практику, не бывают на стройках и не знают, как оно на самом деле?

Это начало как-то развиваться, но все равно уровень внеклассного образования очень низкий.

Сейчас, слава богу, появилась «Свобода доступа», «Москва глазами инженера», та же «Стрелка». Они как-то пытаются на уровне понятных красивых картинок доносить идеи. Еще очень важно, чтобы студентов водили на стройки, показывали и рассказывали нюансы и технологию.

Все, что не укладывается в рамки проекта и обязательных предметов, – это и есть основное практическое образование. Правду ведь говорят: «Отправляясь в институт, забудьте все, что учили в школе. Приходя на работу, забудьте все, что учили в институте». Реально наиболее востребованы ребята, которые помимо институтской программы что-то делали – либо сами пытались себя реализовать, либо дополнительно что-то изучали, читали и посещали. Это дает много дополнительных возможностей.

Бюро – это высшая стадия становления архитектора? Или есть дальнейшие пути карьерного развития?

Развиваться можно не только в собственном бюро. Это лишь один из способов самовыражения. Глобально следующий шаг – становиться востребованным не только на российском рынке. Желательно не ограничиваться границами России, а реализовать какие-то проекты за границей, мест, где это можно было бы попробовать, сейчас великое множество. Там, где у заказчика больше смелости по разным причинам – и культурным, и экономическим, и социальным. Хотелось бы больше развития в этом направлении, и не за счет объема, а за счет качества проектов.

«Каждый приходит и думает, что станет сейчас творить и создавать, но такого не будет. Это очень сильно демотивирует людей, которые оторваны от реальности и ждут, что начнут с первого дня проектировать небоскребы»

Хинес Гарридо:

«Годы учебы надо использовать по максимуму»

106

Почему вы решили стать архитектором?

Я уже точно не помню, почему решил пойти в архитектуру. Это было 37 лет назад. Я учился в Высшей школе архитектуры в Мадриде. Это был небольшой, но очень хороший технический вуз. Там, к примеру, были невероятно высокие требования по математике и физике. Мне кажется, это абсурдно, потому что архитектору не обязательно быть экспертом в этих сферах. Конечно, надо понимать основные законы, но в этом случае требования были завышенными.

Из-за того что учиться было очень тяжело, на протяжении всех лет учебы я не был до конца уверен, что архитектура – именно то, чем я хочу заниматься в будущем. Но семь лет в архитектурной школе дали мне действительно хорошую базу – от геометрии до истории. После учебы еще 10 лет я проработал с разными архитекторами и партнерами. В целом для того, чтобы стать состоявшимся специалистом, мне понадобилось много лет практики.

Каких навыков вам не хватало в начале карьеры?

Думаю, мне не хватало навыков ведения проекта и понимания, как работать с клиентом и специалистами из разных сфер. Один из моих первых опытов работы был на проекте мастер-плана в маленьком бюро на севере Мадрида. Тогда я осознал, что практически не знаю, как работать с территорией. Понимание города, клиента, инженеров

и вообще принципа работы в команде – во всем этом я чувствовал себя наименее подготовленным.

Архитектор – это дирижер оркестра. Он должен понимать всех участников процесса и знать к каждому из них подход. Так, чтобы все были довольны. При этом это должно происходить как можно более естественно.

Вы учитываете это, когда сами преподаете сегодня?

Да. Я преподавал в разных странах по всему миру, но в основном в США и в Испании. В США, к примеру, студенты чаще всего работают не в команде, а в одиночку. Там высшее образование очень дорогое, и, соответственно, заплатив большие деньги за обучение, студент хочет вести все свои учебные проекты самостоятельно. В командах там тоже работают, но редко. В Бельгии, Германии или Великобритании студенты чаще работают в группах или совместно с профессором. Нам над этим надо работать. Хотя, конечно, изменить это нелегко, ведь в университетах и колледжах сложная система бюрократии. Но менять это надо обязательно, потому что в реальной жизни архитекторы все же работают не в одиночку, а совместно с другими специалистами.

Какие навыки вы в первую очередь стремитесь передать студентам?

Годы учебы надо использовать по максимуму – мечтать, быть радикальными и открывать новые

**«Опыт работы
в хорошем
архитектурном бюро
необходим. Таким
образом молодой
специалист учится
важным вещам
у профессионалов.
Надо дать себе
какое-то время, чтобы
понять, чем хочешь
заниматься»**

границы своих способностей. В университете студент должен двигаться как можно дальше и быстрее. Архитекторы, попавшие в высшее учебное заведение после нескольких лет практики, часто оказываются не очень хорошими студентами, ведь у них уже выработалось определенное предубеждение ко всему и есть сильная связь с реальностью. А в студенческие годы, наоборот, надо быть как можно более радикальными и пробовать порой сумасшедшие вещи.

Мне кажется, закрытый вакуум пяти лет учебы и минимальный контакт с реальностью очень полезны. Потом студент выпускается из университета, устраивается на работу и пытается соединить в логическую цепь и использовать на практике все свои знания. Слишком ранний опыт работы – это не всегда хорошо. Надо побыть невинным младенцем в сфере архитектуры, прямо необходимо.

На что вы обращаете внимание, когда принимаете на работу недавних выпускников? Какие у них недостатки и похожи ли они на своих ровесников 35 лет назад?

Нет, они абсолютно другие. Они лучше меня, это точно. Я всегда обращаю внимание на людей, которые хотят придумывать хорошие проекты и амбициозно настроены. Это сразу видно по портфолио. Оно не должно быть большим, буквально два-три проекта, быть может, маленьких, но элегантных. Это я ищу в людях, которые хотят работать у нас. Для нас это очень важно.

Опишите идеального кандидата. Какие навыки или образование обязательны?

Мы получаем сотни портфолио со всего мира. У нас работают специалисты из разных стран Европы и Южной Америки. В основном это, конечно, архитекторы, но есть еще дизайнеры, ландшафтные дизайнеры и градостроители. В первую очередь их отличает то, в каких странах и университетах они учились. К примеру, выпускники из Италии и Франции, как правило, очень слабые. Мы отдаем предпочтение выпускникам со степенью магистра. Мне кажется, для нашей сферы как минимум шесть-семь лет учебы просто необходимы. Если у выпускника только

степень бакалавра, получается, он учился только три года. Этого точно недостаточно.

В какой момент вы решили открывать свое бюро?

Все произошло само собой. Я работал с разными бюро, но параллельно участвовал со своими проектами в архитектурных конкурсах. Я выиграл свой первый конкурс через два-три года после окончания образования и решил, что это отличный момент, чтобы заявить о себе. Сейчас я думаю, что это была не очень хорошая идея. Я начал слишком рано. Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что опыт работы в хорошем архитектурном бюро необходим. Таким образом молодой специалист учится важным вещам у профессионалов. Надо дать себе какое-то время, чтобы понять, чем хочешь заниматься. Порой для этого требуется несколько лет.

Когда вы создали свое бюро, с какими трудностями столкнулись?

Надо уметь управлять своим временем и деньгами. Работа над проектом состоит не только из креативного процесса и создания моделей. Она еще включает в себя налаживание и поддержание отношений с клиентом, коллегами и инженерами. Умение управлять своим временем и ресурсами важно в любом случае, работаете вы в одиночку или в команде.

Время – это деньги. Так что, с одной стороны, надо уметь экономить деньги, а с другой – уметь рассчитывать, сколько занимает определенная стадия проекта. Но к этому приходишь не сразу. Небольшие начинающие архитектурные бюро должны учиться этому в первую очередь. В 30 лет не сразу к этому приходишь и не всегда умеешь управлять своим временем и отличать хороший проект или хорошую возможность от плохой. Это самое сложное.

Сергей Переслегин:

«Для архитектора важно, когда его работу понимают»

108

Каких специалистов ваше бюро предпочитает нанимать на работу: вчерашних студентов, которых можно дорастить до нужного уровня, или архитекторов с опытом?

В каждом случае вопрос решается индивидуально. Встречаются люди уже с опытом работы, но не способные выполнять качественно те задачи, которые мы им поручаем. А есть ребята, которые еще учатся в вузе, но уже являются хорошими специалистами, им можно поручить тот или иной участок работы. В кадровом вопросе нет универсального рецепта. С одной стороны, специфика нашей работы предполагает творческий процесс, а не конвейер. Поэтому необходимо, чтобы все решения по найму работали на создание единой творческой команды. С другой стороны, архитектурный проект предполагает множество этапов согласования. И здесь специалист с опытом самостоятельного ведения проектов очень важен и ценен.

Является ли ваша преподавательская деятельность в МАРХИ способом «вербовки» новых сотрудников?

Конечно, преподавая студентам МАРХИ, мы видим чаще способных ребят, которые демонстрируют хорошие результаты с точки зрения вкуса, графических навыков, идей и работоспособности.

Что еще кроме новых кадров вам дает преподавание в МАРХИ?

Преподавательская деятельность – это большое удовольствие. Это результаты, которые приятно показывать друзьям и коллегам. Работа со студентами – хорошая гимнастика для мозга. В студенческих работах больше свободы. Здесь меньше ограничений. Нет реального запроса от заказчика, который может диктовать свою волю в рамках проекта. Можно сказать, что студенческие проекты – это такие проекты мечты, которые можно делать в рамках неких минимальных правил. По сути, сам являешься заказчиком. Кроме того, в рамках работы со студентами много теоретической, исследовательской работы. Это подпитывает наш информационный бэкграунд, дает нам новые знания.

Чем отличаются современные студенты? Меняется ли их среднестатистический портрет?

Мне кажется, что на любом курсе, в любое время всегда есть те, кто стремится к лучшим результатам, и есть те, кто догоняет. Сейчас студенты все чаще стараются перейти к практике – начиная с третьего курса работают в архитектурных бюро, участвуют в различных конкурсах. Могу зафиксировать рост интереса ребят к глубокому изучению теории в архитектуре. Это связано с появлением качественной переводной информации, книг, доступа к которым раньше не было.

Объективные изменения в портрете современного студента связаны с тем, что подросло

поколение, родившееся в конце 1990-х годов. У них другой бэкграунд. Речь идет и о владении иностранными языками, и о том, что эти ребята успели в своей жизни побывать во многих странах, получить разнообразные впечатления, расширившие их кругозор. То есть современные студенты – это такие «международные люди». Для них не составляет труда прочитать книгу на английском языке, они более свободны и уверены в себе. В этом плане они сильно отличаются от тех, кто родился, вырос или состоялся при Советском Союзе.

В какой среде будут работать ваши студенты? Каково отношение к архитектору в нашем обществе?

Отношение к профессии неоднозначное. С одной стороны, люди считают, что архитектор – это такой человек, который обязан разбираться во всем, от устройства города до вентиляции. С ним советуются по всем вопросам. С другой стороны, у архитектора крайне мало репутационного веса в обществе, чтобы на что-то серьезно влиять. Приведу пример: есть творческие профессии, представители которых являются полноправными участниками общекультурного дискурса, это режиссеры, художники, певцы и актеры. Привычная картина, когда артистов награждают представители власти. У архитекторов такой привилегии нет. Это тоже индикатор отношения к архитектуре в обществе и публичной среде.

Мало кто в нашей стране способен назвать хотя бы несколько имен современных архитекторов. А это непосредственно влияет на качество архитектуры в городах, поскольку формирует репутацию архитектора как человека, которого никто не знает и к чьему мнению никто не прислушивается. Нельзя недооценивать и сложившийся в обществе стереотип, что западные архитекторы профессиональнее российских.

В своем отечестве пророков нет?

Сегодня архитекторы из-за рубежа имеют существенно больший кредит доверия, высокооплачиваемые контракты, хотя отечественные специалисты могут превосходить иностранных коллег по качеству работ.

Что можно сделать для того, чтобы органы власти изменили свое отношение к профессии архитектора?

Нужно больше и интереснее рассказывать о профессии. Она является базовой для современной жизни. Большинство людей сегодня живут в городах, домах, то есть постоянно пользуются той продукцией, которую производит архитектор, но при этом совершенно не понимают и не знают, что он делает.

Что для вас лично является предметом гордости в профессии архитектора?

Конечно же, реализованные проекты. Возможность привнести в здание или территорию какой-то смысл. Очень приятно, когда проходишь мимо своего проекта и слышишь о нем независимый положительный отзыв. Для любого архитектора важно, когда его понимают.

«Мало кто в нашей стране способен назвать хотя бы несколько имен современных архитекторов. А это непосредственно влияет на качество архитектуры в городах, поскольку формирует репутацию архитектора как человека, которого никто не знает и к чьему мнению никто не прислушивается»

Ната Татунашвили:

«Я случайно попала в «Меганом» и именно там получила свое образование»

110

Почему вы решили стать архитектором?

В большинстве случаев в МАрХИ идут по инерции – из архитектурных семей или из художественных школ. Я из второй категории. Я до последнего не могла выбрать между журналистикой и архитектурой. Но в итоге решила, что из всех путей, которые предоставляет художественная школа, это самая техническая профессия.

В МАрХИ многое построено на знакомствах и связях, поэтому человеку не из архитектурной семьи там тяжело. В течение учебы мне всегда казалось, что я делаю что-то не так. К примеру, когда происходило распределение по группам, я никого не знала и, соответственно, не знала, куда идти.

А что для вас было самым сложным во время учебы в МАрХИ?

Недостаток любого академического образования – оторванность от реальности. Конечно, для архитектурного образования важна теория, но сама профессия, как любое ремесло, лучше передается от человека к человеку, из рук в руки. Поэтому важно найти преподавателя-харизматика, чтобы тот смог увлечь студента. В последнее время в МАрХИ пришло много молодых практикующих преподавателей. Благодаря этому среда сильно поменялась. В мое время все было иначе: было мало энтузиазма

и чувствовалась всеобщая усталость. Но мне очень повезло. На пару лет я попала к очень хорошему преподавателю, к Александру Михайловичу Баршу.

После ухода Александра Михайловича из института я перестала чувствовать профессиональное развитие. Поэтому я решила временно бросить институт и устроилась на работу.

Вы ушли в академический отпуск?

Да, я случайно попала в «Меганом» и считаю, что именно там полностью получила свое образование. Там у меня был и настоящий харизматик-руководитель, и реальная практика, и коллектив. Позже я окончила институт, но уже параллельно с работой в бюро.

А как расширялись ваши обязанности?

Это было в 2004 году, тогда «Меганом» был маленьким бюро. Это не была машина, где человек может затеряться в толпе. Там все были на виду и работали в одной комнате. Года через два я уже стала ГАПом и вела свои проекты.

Когда вы почувствовали рывок в профессии?

В профессии есть много вещей, по которым можно понять, что это твое и ты хотел бы этим заниматься всегда. Для меня такой момент – стройка. На

«Для архитектурного образования важна теория, но сама профессия, как любое ремесло, лучше передается от человека к человеку, из рук в руки»

стройке всегда возникает много проблем: архитектор приезжает, видит ошибки, мучается и ругается. Это постоянный стресс, но одновременно и самая мощная подпитка. Когда ты вдруг видишь, что в бетоне льется то, над чем ты работал и что ты сам придумал.

Куда вы перешли из «Меганом»?

С 2009 года я начала писать для журнала «Проект Россия». В какой-то момент в «Меганоме» все встало на рельсы, и мне захотелось перемен. Тогда я вспомнила про свое пристрастие к тексту. В 2011 году я сделала паузу в профессии и устроилась редактором в штат «Проекта Россия». Работа в редакции очень многое мне дала. Но в штате я проработала не больше года. Оказалось, что рутинная журналистская деятельность, в отличие от архитектурной, просто сидеть и писать тексты, все же не для меня. Тогда же я осознала, что не могу больше работать в рамках офисной дисциплины и что мне надо переходить на другой формат. Я вернулась в «Меганом», но вела проект уже в своем режиме и в итоге окончательно отошла от работы в офисе.

Когда я начала работать уже на себя, в первое время мне было очень тяжело одной принимать решения. Ведь вообще не с кем было сверить свою работу и получить мнение со стороны. Мы сидели тогда у меня в квартире с Полиной Филипповой, Наташей Масталерж, Аней Копеиной и Настей Тихомировой, работали в свободном режиме, делали конкурсы и вели проекты по благоустройству. Главное для нас было то, что мы собрались по интересам. Все были с опытом работы в больших офисах и с нежеланием

туда возвращаться. Получилась такая теплая дружеская история. Со временем стало понятно, что мы не можем уже сидеть в моей квартире, и в итоге переехали в студию побольше, но и в ней максимально постарались сохранить домашний уют.

По каким критериям вы отбираете студентов на стажировку?

У нас нет особого фильтра. Мы принимаем людей, готовых приехать к нам на месяц и помогать, по сути, бесплатно. Иногда мы платим что-то по итогам работы, но не всегда. Поэтому мы не предъявляем к стажерам серьезных требований. Скорее, мы воспринимаем это как наш посильный вклад в архитектурное образование – мы делимся опытом и даем возможность погрузиться в жизнь практикующего бюро тем, кто хочет это сделать именно у нас.

Вы работаете с зарубежными студентами?

Да. Сейчас благодаря интернету расширились границы, нет уже той изолированности, что была раньше. Все общаются друг с другом, состоят в разных сообществах и ездят на воркшопы.

А если сравнивать иностранных и российских студентов?

Сильная сторона иностранных студентов – графическая подача и формулирование идеи. С другой стороны, это иногда замыливает работу с пространством и объемом. Сейчас очень популярно плоское, стилизованное, деформированное изображение. Но если сильно сосредоточиться на графической части, можно забыть про само здание.

Как вы считаете, свое бюро – это последняя стадия развития архитектора?

Конечно нет, ни одна стадия до конца жизни не может быть последней! Всегда есть циклы в развитии, и каждый для себя решает, куда двигаться дальше. Кто-то идет в преподавание, кто-то начинает писать или заниматься творчеством. У нас преимущественно женский состав бюро – для нас важна возможность посвятить себя на время семье и детям, а потом вернуться в профессию. Я сейчас где-то на этом пути.

Евгений Райцес:

«Всему приходилось учиться на месте, руководствуясь просто здравым смыслом»

112

Почему вы решили пойти в архитектуру?

Это был достаточно случайный выбор. Мои родители инженеры, но мне было понятно, что я совершенно не хочу быть инженером. С другой стороны, мне хотелось чего-то творческого. В детстве я ходил в художественную школу. В итоге я подготовился и поступил в МАРХИ, ничего толком не зная о профессии.

Вы рассматривали другие варианты профессий, связанные с творчеством?

Нет. Для меня было важно, чтобы творческая профессия была все же прикладная. Я отчетливо понимал, что не хочу натягивать холсты и рисовать на них какие-то картины. Я окончил физико-математическую школу, и, соответственно, мне хотелось какой-то рациональной составляющей. Таких профессий не очень много, на самом деле. Архитектура на тот момент представлялась менее пугающим направлением.

Оправдал ли себя процесс учебы?

Я с удовольствием учился в МАРХИ. И с каждым курсом все было только интереснее. У меня были прекрасные преподаватели, такие как Борис Григорьевич Бархин, и отличные друзья.

Какую карьерную линию вы для себя представляли на тот момент?

Когда я учился в МАРХИ, в стране все постепенно разваливалось. Не было никакого движения вверх, а было движение только вниз. Все распалось на какие-то непонятные детали. Проектные институты принимали абсолютно нелепые формы, а стоящие за ними карьерные ступеньки были лестницей в никуда. Все рушилось прямо на глазах. Но мне было хорошо: была своя тусовка и учеба. Все было достаточно весело и приятно, ничто меня ни к чему не обязывало, и я просто не думал о будущем. Ведь зачем о нем думать, если оно непонятное, а настоящее такое прекрасное.

Что произошло, когда вам все-таки пришлось окунуться в настоящее? Какими были ваши первые профессиональные шаги?

На тот момент архитекторы были никому не нужны. Бюро были достаточно маленькие и очень нестабильные. Они могли кого-то набирать и сразу распускать, потом сами вдруг исчезать и растворяться моментально. Я не хотел просто идти куда-то, чтобы не умереть с голоду. А мест, где было бы интересно работать, не было. И тогда меня позвали делать журнал.

Глянцевый журнал – это качественная вещь. А у нас тогда были «Работница» или «Крестьянка», уже неактуальные для того времени. Мне хотелось работать над красивым журналом с хорошим дизайном, бодрым и соответствующим времени. Мне нравилось, что при этом был ясен конечный продукт. Ты прилагаешь усилие, потом передаешь материал в типографию, типография все это печатает – и вуаля!

Чем вы занимались в журнале? Было ли это как-то связано с вашим образованием?

Я был арт-директором. Тогда не было никаких журналов и не было представления о том, кто чем занимается. Мы все понимали уже на своем опыте. Мое образование мне очень помогло, потому что я мог разбирать любое изображение с точки зрения композиции или его воздействия.

А было ли у вас ощущение, что вам не хватает каких-то навыков по сравнению с коллегами с профильным образованием?

Мне кажется, мое преимущество было как раз в непрофильном образовании, оно давало некую свободу. Ты в какой-то момент понимаешь, что ты больше чем просто человек, который профессионально ставит буквы на странице.

Мне интересно работать над проектами, в ходе которых надо постоянно придумывать что-то новое. Так и на Первом канале: все время возникают новые вызовы, на которые надо отвечать по-новому. То есть речь не просто о дизайне, а о разработке общей концепции.

Расскажите, пожалуйста, как произошел переход в телевизионную сферу.

Во-первых, в какой-то момент журнальная история для меня подошла к концу. В то же время меня пригласили на телевидение. Все было новое и неизвестное. Вначале было даже толком непонятно, зачем мы там.

На всем профессиональном пути вы все время окунаетесь в неизведанные для вас сферы и учитесь чему-то новому. Как вы это делаете?

«Во всех творческих историях фигура заказчика невероятно важна. Поэтому надо уметь понимать заказчика и транслировать ему идеи, соответствующие его запросам»

Нет никаких законов. Действительно, всему приходилось учиться на месте и понимать, что правильно или неправильно, руководствуясь просто здравым смыслом. Во всех творческих историях фигура заказчика невероятно важна. Поэтому надо уметь понимать заказчика и транслировать ему идеи, соответствующие его запросам. В этом смысле у нас с Константином Эрнстом, безусловно, полное взаимопонимание и контакт на художественном уровне.

Вернемся к архитектуре. Сейчас в России, по прошествии 20–25 лет, сфера архитектуры окончательно сформировалась. Появилось ли у вас желание вернуться в профессию?

Я всегда переживал, что ушел из архитектуры. Но сегодня я уже даже толком не помню, как работать в этой сфере. Плюс еще существуют экономические риски. Теоретически, если мне бы предложили хорошую зарплату, можно было бы пойти и попробовать опять стать архитектором. Это было бы очень круто. Я по-прежнему это очень люблю. Мне кажется, что это великолепная профессия. Но как это сейчас все функционирует, для меня большая загадка, честно говоря.

Вы все время занимаетесь какими-то новыми вещами. Как вы думаете, чем будете заниматься через 10–15 лет?

Я бы хотел заниматься все тем же. Что приятно в моей творческой работе – она конечна. Ты делаешь проект, и он заканчивается, и наступает новый проект. Каждый раз это новый вызов и какая-то новая история.

Манифест

Профессиональное развитие.
Ключевые проблемы и пути решений **116**

Манифест

Профессиональное развитие. Ключевые проблемы и пути решений

116

1. Ограниченный интерес к архитектурной специальности

Выпускники школ выбирают архитектуру как профессию либо по примеру родителей, либо случайным, не всегда до конца осознанным образом. Поступить в архитектурный вуз без специальной подготовки невозможно. Зачастую именно родители решают отдать своих детей в архитектурные студии и художественные школы, где у ребенка проявляется склонность к творчеству и зарождается интерес к специальности. Но если у родителей нет желания творчески развивать ребенка, тому сложно раскрыть имеющиеся у него архитектурные таланты или интерес к архитектуре.

Студентам, не получившим определенные архитектурные знания до поступления в вуз, бывает сложно адаптироваться к предмету: на первых курсах отсутствуют вводные программы, объясняющие базовые понятия для будущих архитекторов, им не хватает поддержки со стороны преподавательского состава, неясны возможные карьерные траектории. Такие учащиеся часто разочаровываются в сделанном выборе и уходят из профессии, предпочитая другие востребованные отрасли.

Проблема проявляется и в распределении бюджетного финансирования на образование. Приоритетными для государства остаются вузы с инженерно-техническим профилем, хотя в современной ситуации кадры в сфере архитектуры и градостроительства востребованы все больше: доля выделяемых средств, направленных на благоустройство улиц и городской среды, увеличивается в связи с крупными проектами реконструкции, такими как «Моя улица».

Решение

Сегодня быть архитектором, урбанистом или дизайнером интерьера становится более престижно, чем это было раньше. Фундаментальные преобразования городской среды меняют мнение об архитекторах как об исключительно обслуживающей профессии. Появляются новые образовательные институции, которые ориентированы на просвещение широких

масс в вопросах архитектуры и урбанистики: этим занимается институт «Стрелка», МАРШ, «Москва глазами инженера» и другие экскурсионные бюро, организаторы публичных лекций в библиотеке им. Достоевского и парке Горького. Свободное посещение подобных мероприятий открывает слушателям новые горизонты и раскрывает новые грани городской жизни. Люди начинают интересоваться новыми специальностями, новыми направлениями, хотят сделать жизнь вокруг себя лучше. Именно такие средства прививают любовь к архитектуре и популяризируют ее. Несмотря на это, о таких программах знают далеко не все – зачастую только те, кто прямо или косвенно имеет отношение к данной сфере.

2. Недостаточно прикладной характер образования

Российское архитектурное образование основано в первую очередь на освоении теории. При этом углубленное изучение теоретических основ специальности происходит в отрыве от практики. Студентам не хватает прикладных дисциплин, которые показывали бы реальную картину проектирования и специфику ведения архитектурных проектов. Молодые специалисты больше склонны к воображению, чем к поиску конкретных решений. Многие боятся брать на себя ответственность. Архаичность методов преподавания и анализ устаревших примеров не позволяют студентам получить целостное представление о современной ситуации в мире архитектуры и последних тенденциях в строительстве. Изучение современных материалов, передовых конструкций, принципов устойчивой архитектуры, подходов и методов успешных практикующих архитекторов крайне необходимо молодым специалистам, однако трудно реализуемо в существующей системе образования в силу бюрократических, экономических и кадровых проблем.

Решение

Создание междисциплинарной образовательной площадки на базе функционирующего МИПа (малые инновационные предприятия), способствующей интеграции студентов в профессиональную проектную среду и формированию у них полноценной картины реальных процессов в проектировании и строительстве. Такая площадка поможет в формировании

конкретных проектных задач и обеспечит профессиональную оценку достигнутых результатов. Дополнительным функционалом может стать создание студенческих объединений и продвижение архитектурных стартапов. Налаживание сотрудничества между вузами смежных специальностей для обмена знаниями и совместного генерирования современных передовых разработок. Выделение большего времени в учебном процессе на отработку современных приемов графической подачи материала, зачастую объединяющих в себе ручную и компьютерную графику.

3. Отсутствие баланса между учебной и рабочей деятельностью студентов

Студентам сложно совмещать учебу и работу. В то же время ранний приход в профессию дает конкурентное преимущество перед сверстниками, которые еще не имеют практического опыта. Отсутствие системы грантов и целевого выделения средств организациями для подготовки необходимых профессионалов усугубляет проблему.

Решение

Сотрудничество вузов с реальными заказчиками, архитектурными бюро и девелоперами, а также привлечение студентов к реальному проектированию в коллективе под руководством педагогов дали бы им настоящее представление о профессии, помогли бы развить чувство ответственности и позволили бы выделить привлекательные направления для будущей специализации.

4. Зависимость качества образования от субъективных факторов

Качество отечественного высшего архитектурного образования во многом зависит от преподавателя и от его харизмы: смог ли он заинтересовать студентов, оказал ли поддержку при выборе специализации. При этом преподавателям, которые ведут научную деятельность и готовят регулярные публикации для подтверждения квалификации, самим сложно получать дополнительный практический опыт и развивать свои навыки, так как основная часть времени тратится именно на соблюдение необходимых формальных требований.

Решение

Введение объективного подхода в отборе абитуриентов (зачисление по портфолио или собеседованию) и оценке их работ (индивидуальные и групповые защиты, независимая комиссия). Необходимость наличия практического опыта у преподавателей, введение соответствующей категории в перечень сведений, представляемых для аттестации профессорско-преподавательского состава.

5. Отсутствие в учебной программе дисциплин по навыкам ведения дела

Студентам и выпускникам сложно встраиваться в реальную рабочую среду, они не готовы к командной работе и ведению собственного бизнеса. Студенты приучены выполнять проекты индивидуально, привыкают к подобному стилю работы, одностронне оценивают ее результаты и не развивают критическое мышление, которое требуется при коллективной работе. Как показывает наше исследование, современные студенты не умеют выстраивать коммуникацию с коллегами и с заказчиком.

Решение

Внедрение обязательных коллективных студенческих проектов помогло бы сформировать навыки работы в команде с распределением обязанностей. Приглашение смежных специалистов для проведения коротких курсов по развитию навыков ведения бизнеса, навыков менеджмента. Внедрение специализированных магистерских программ для подготовки более узких специалистов в области девелопмента, организации строительного процесса, исследовательской деятельности или предпроектного анализа.

6. Игнорирование исследовательского этапа в процессе подготовки проекта

Работодатели часто упоминают о недостаточности исследовательской базы у выпускников российских архитектурных вузов. Тщательный анализ градостроительного контекста в процессе разработки концепции и проектирования позволяет понять особенности застраиваемой территории, выявить недостающие элементы, учесть запросы и пожелания местных жителей (в ходе партисипаторного планирования).

Решение

Выделить дополнительные часы в программе обучения для освоения исследовательских навыков и для работы с реальными проектами, где исследователю отводится отдельный период времени. Это научит студентов уважительно относиться к анализу градостроительного контекста и даст опыт, доказывающий необходимость проведения исследования.

7. Отсутствие у практикующих архитекторов стимула к получению дополнительного образования

Полученное студентом или выпускником дополнительное образование расширяет знания и повышает конкурентоспособность. Статистические данные доказывают, что дополнительное образование позитивно отражается и на оплате труда сотрудника. Однако сегодня у архитекторов, имеющих работу и стабильный заработок, нет мотивации к повышению квалификации. И студенты, и профессионалы убеждены, что только практика может быть источником актуальных знаний и компетенций, и делают исключение только для освоения элементарных прикладных навыков (например, короткие курсы для освоения новых компьютерных программ).

Решение

Внедрение прозрачной системы стимулов и поощрений – как для сотрудников, так и для работодателей, предоставляющих работникам возможности для дополнительного обучения. Развитие системы грантов, целевого спонсорства, образовательного кредитования, а также поиск источников финансирования интеллектуальных инициатив в сфере архитектуры и градостроительства – расширение числа публичных образовательных, исследовательских и культурных проектов.

**«Наша задача –
Москомархитектуры
и всего архитектурного
сообщества – работать
для города так, чтобы
показывать разницу между
тем, что было, и тем, что
получается в результате
нашей деятельности, и на
этих примерах убеждать,
что архитектурные решения
стоят потраченных на них
денег и времени»**

Сергей Кузнецов,
главный архитектор города Москвы

